

Ян Марек

**ПО СЛЕДАМ
СУЛТАНОВ
И РАДЖЕЙ**

Ян Марек

По следам султанов и раджей

Издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1987

Jan Marek

Po stopách sultánů a rádžůů

Praha, Orbis, 1973

Авторизованный перевод с чешского А. В. Литвина

Ответственный редактор и автор послесловия Л. Б. Алаев

Известный чехословацкий индолог, побывавший в глухих уголках и малоизвестных областях Южноазиатского субконтинента, в живой и увлекательной форме повествует об истории, культуре, быте и повседневной жизни индийцев и пакистанцев, рисует портреты исторических личностей. Большое внимание в книге уделяется особенностям индийского ислама, его философии и практике.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию

Наваб с рыбой в гербе
Розовый сад Ауда
К месту рождения Рамы
Город танцовщиц и куртизанок
Оперетта в гареме
Шиитские празднества
Профессор Ахтар выдает свою дочь замуж
Приглашение на ужин

В кумаонском крае
Коменский в Жемчужном дворце
По джунглям Кумаона
За тиграми в заповедник имени Корбетта

В краю султанов и раджей
Священный уголок бога Кришны
Квартет дворцов
К храмам безграничного вожделения
Индийский Шираз
Даулатабад — «Обитель богатства»
Город развлечений

В крепостях и замках Раджпутаны
Земля царских сыновей
Сокровище пустыни
Край смерти
Песок над крепостью
В царстве королевы лотосов
Шейх под неприступной горой

В долине реки Инд
Татта — древняя столица Синда
Крепость в пустыне
Над высохшей рекой
Как заклинять дьяволов
К новому Багдаду
Авторучка калибра 5,6

Заключение

Алаев Л.Б. Послесловие

Фотографии

Предисловие к русскому изданию

Я знаю из личного опыта, что мои соотечественники, чехи и словаки, с большим удовольствием познают зарубежные страны. Когда у них нет возможности «прийти и увидеть» собственными глазами интересующую их страну, они «приходят» туда через литературу о путешествиях и стараются «видеть» ее с помощью фотографий, диапозитивов и фильмов на лекциях-рассказах, которые часто организуются в нашей стране. Об огромном интересе к книгам о путешествиях свидетельствует тот факт, что по популярности у чехословацкого читателя они стоят на втором, после детективных романов, месте, а их авторы получают самое большое количество писем.

Так было и с этой, предлагаемой советскому читателю книгой. От чехословацких читателей я получил немало писем, в которых они давали свою оценку моей книге, интересовались описанными мною местами и задавали различные вопросы из обширной области востоковедения: от зоологии до этнографии, от архитектуры до истории. Были письма и не совсем традиционного содержания. Так, например, на одну читательницу, пенсионерку из Моравии, описание событий, происшедших в Фаизабаде, произвело настолько сильное впечатление, что, по ее словам, к ней во сне явилась Баху Бегам, мать наваба Асаф-уд-даула, укрывшая в XVIII столетии от англичан драгоценности аудского двора. Баху Бегам якобы просила мою читательницу содействия в передаче клада индийскому народу. В письме моравской энтузиастки я даже обнаружил подробный план летнего Дворца Баху Бегам с указанием места нахождения клада, прилагалась также инструкция, каким образом должно было осуществляться рытье клада, причем обязательно с археологами и официальными представителями Республики Индия. [3]

При всем желании я не смог, к сожалению, помочь моей читательнице, принявшей слишком близко к сердцу излагаемые мною события почти двухсотлетней давности. В других письмах были вопросы и о том, каким образом мне удалось побывать в Южной Азии, да еще несколько раз, и что я, собственно, там делал. Такие вопросы со стороны чехословацких читателей вполне, по-моему, оправданны. Дело в том, что когда в Индию, например, едет геолог, то перед ним стоит конкретная задача: найти месторождение нефти или же исследовать новые возможности добычи угля. Когда в Бангладеш направляется лесовод, то его знания наверняка пригодятся при решении насущной проблемы защиты джунглей от истребления и выращивания новых лесов. От журналиста ожидается надежная информация о современном экономическом и политическом развитии страны, в которой он работает, и т. п.

Что касается востоковеда, то тут читатель становится в тупик. Какова его задача? Об этом наши читатели не имеют ясного представления. Наверное, это можно объяснить тем, что в таких небольших странах, как Чехословакия, в востоковедении отсутствует передаточное звено между фундаментальными исследованиями и общественной практикой. В отличие от других наук, в востоковедении нет той армии воодушевленных специалистов и учителей, которые через различные общества и кружки молодежи пропагандируют научные достижения. Именно поэтому задачу популяризации востоковедения обычно берут на себя сами востоковеды.

Для меня лично научно-популяризаторская деятельность никогда не была в тягость — я с удовольствием уделяю ей время. Вероятно, это качество я

приобрел от отца и деда, которые посвятили свою жизнь педагогической практике. Что касается меня, то после завершения учебы в университете и я встал на путь, проложенный моими предками, — работал учителем восточных языков в Школе иностранных языков в Праге. Позднее, когда я перешел на работу в Институт востоковедения Чехословацкой академии наук, я продолжал преподавать урду и персидский на кафедре стран Азии и Африки Карлова университета в Праге.

В странах Южной Азии, прежде всего в Индии, мне приходилось бывать в качестве аспиранта, научного сотрудника Института востоковедения, переводчика правительственной [4] делегации, организатора различных выставок и делегата ряда конференций. Во время двух первых поездок в Индию и Пакистан моей задачей было усовершенствование знаний восточных языков и, кроме того, сбор материалов для исследований в области индийских литератур. Позднее, когда мне предложили заняться исследованием актуальных проблем социального и политического развития стран Южной Азии, мои поездки были посвящены работе с источниками, которые находились в архивах, библиотеках, различных организациях, как правило в больших городах. Результатами этих поездок стали научные и научно-популярные публикации, переводы произведений пакистанских и индийских поэтов и писателей. В данную книгу вошли мои впечатления, накопленные во время странствий по отдаленным уголкам Индии и Пакистана.

На русском языке моя книга выходит через несколько лет после того, как она была издана на чешском. За это время многое изменилось на южноазиатском субконтиненте. Прежде всего, усилилось пагубное влияние империализма и неокOLONиализма на внутрИполитическое положение стран Южной Азии. В Республике Индия это проявилось прежде всего в росте сепаратистских движений, которые находят явную и скрытую поддержку внешних реакционных сил. Ярким примером служит кровавый террор, развязанный сикхскими сепаратистами, цель которых — отторжение от Индии штата Пенджаб и создание независимого государства на религиозной основе — совпадает с целями внешних реакционных сил, в первую очередь американского империализма, «балканизировать» Индийскую республику, твердо придерживающуюся независимого курса на международной политической арене. Что касается Пакистана, то американская помощь этой стране, направленная прежде всего на рост военного потенциала, способствует удержанию у власти реакционного режима Зия-уль-Хака — в результате Пакистан превратился в одну из главных опорных баз американского империализма в Азии.

В целях хотя бы частичного восполнения появившегося в книге пробела в нее были включены две новые главы о Пакистане. Одна из них дает возможность читателю познакомиться с жизнью пуштунских племен, через земли расселения которых из пакистанских учебных лагерей на территорию Демократической Республики [5] Афганистан с начала 80-х годов проникают диверсионные банды афганских душманов.

В целом моя книга осталась в первозданном виде, так как в ней не столько описывается сегодняшняя жизнь людей Индостана, сколько делается попытка постигнуть красоту архитектурных и культурных памятников, дошедших до нас из глубины веков. Памятники, о которых пойдет речь в этой книге, не находятся на пути проложенных туристическими агентствами маршрутов и поэтому, несмотря на их ценность, остаются вне поля зрения широкой публики.

На чешском языке мои путевые заметки были изданы сравнительно большим тиражом и быстро разошлись в нашей стране. Сегодня я испытываю искреннюю радость от того, что с этой книгой, так же как раньше с книгой «Два Пакистана», написанной мною в соавторстве с Душаном Збавителем (Москва, «Наука», 1966), могут познакомиться советские читатели. Я хорошо знаю, что в Советском Союзе издано немало прекрасных книг в серии «Рассказы о странах Востока», поэтому буду особенно счастлив, если и мой скромный труд станет вкладом в дело углубления и расширения знаний о странах Южной Азии. Надеюсь, что эта книга не пройдет незамеченной у взыскательного читателя вашей страны.

Прага, 1986

Ян Марек

Наваб с рыбой в гербе Розовый сад Ауда

Скорый почтовый поезд увозил меня холодной февральской ночью на восток. В лунном свете на редкой траве блестело седоватое покрывало инея. Кажется, прошла вечность, пока появилось солнце и я смог подставить свои озябшие руки его согревающим лучам. Но вот мы уже и в Ауде. Громыхая, поезд проскочил железнодорожный мост через реку Ганг, окаймляющую равнину Ауда с юго-запада. Отсюда земли Ауда тянутся на север, вплоть до подножия Гималаев.

За окнами поезда тянулся ровный как ладонь пейзаж. Желтые горчичные и коричневые хлопковые поля чередовались с изумрудными рисовыми полями и зелеными пастбищами. Пастухи начали выгонять стада буйволов, среди которых мелькали коричневые козы. На мгновение блеснет в мелкой впадине зеркальная поверхность джхила — небольшого озера в старом русле реки. И вот мы уже проносимся мимо фруктовых садов, в которых начался сбор урожая бананов, гуаявы и папайи и где созревают сладкие плоды манго. В полях одни джхилы прячут свои зеркальные поверхности в порослях дикого риса, другие — в более темной зелени листьев лотоса. От джхиллов почти всегда тянутся на близлежащие поля узкие оросительные канавки.

Там пока крестьян не видно — сбор третьего урожая еще не начался. Ауд славится тремя урожаями в год. Первый, сентябрьский, называется хариф; в это время собирают различные виды проса, кукурузу, а также немного риса. Лучшие же сорта риса дает декабрьский урожай агхани. Через несколько недель начнется третий, мартовский — раби; крестьяне будут скашивать золотистую пшеницу. Сейчас работа кипит лишь на полях с уже созревшим сахарным тростником. [7]

По характерному железному грохоту мы поняли, что проезжаем еще по одному мосту, на этот раз через реку Сай. Аудские навабы наверняка не могли пожаловаться на недостаток воды в своих владениях: в нескольких десятках километров отсюда течет еще одна могучая река — Гхагхра, притоки которой густой сетью покрывают всю плодородную область. Там цель моего путешествия — город Фаизабад, бывшая столица Ауда, последнего мусульманского государства в Северной Индии.

Свое название Ауд получил от древнего города Айодхья — в средние века его называли Авадх — он расположен в самом центре плодородного края. Здесь в давние времена находилось могущественное царство Кошала. По преданию, в

Айодхье родился легендарный принц Рамачандра, герой санскритского эпоса «Рамаяна», правивший Кошалой где-то в I тысячелетии до н. э. Позднее правителем этих мест, по буддийским преданиям, был отец Будды Шуддходана. Земли его владений простирались далеко на запад и доходили до реки Чамбал.

В конце XII века Ауд был завоеван мусульманскими султанами, а позднее Великими Моголами. Самый великий из них — император Акбар сделал Ауд особой провинцией, во главе которой поставил своего наместника, или наваба. Чтобы подчеркнуть важное значение провинции, наместником, как правило, назначали одного из вазиров императорского двора, который получал право носить двойной титул — наваб-вазир. Этот титул аудские наместники сохранили и в XVIII веке, когда Могольская империя стала быстро распадаться и Ауд стал одной из первых провинций, добившихся фактической независимости.

Во время правления Мухаммед-шаха (1719—1748) исход подспудной борьбы между наместниками провинций и центральным правительством был фактически предопределен. Император превращался в символического правителя своего рода свободной федерации небольших государств, над которыми он уже не имел никакой власти — ни административной, ни военной. Теперь его усилия направлялись лишь на сохранение равновесия между соперничающими группировками придворных.

В то время как провинции одна за другой отделялись от империи и объявляли о своей независимости, [8] в Дели — столице Великих Моголов, — казалось, царил безмятежный покой. Отдаленные области империи приходили в запустение, а императорский двор жил своей особой жизнью, течение которой определяло буйное общество знатных авантюристов, шарлатанов, певцов и танцовщиц. Беззаботным девизом этого общества было известное изречение: «После нас хоть потоп». И потоп пришел. Он разразился в виде нашествия всадников персидского завоевателя Надир-шаха. В 1739 году его армия разграбила Дели и уничтожила большую часть жителей столицы. После Надир-шаха Северную Индию наводнили другие наездники — афганские. Власть делийских императоров становилась все более фиктивной.

В это бурное время наместником Ауда стал честолюбивый персидский купец Саадат-хан, провозгласивший себя независимым правителем. Династия независимых навабов продержалась у власти до 1856 года, когда весь Ауд был аннексирован британской Ост-Индской компанией.

Фактическую власть аудские правители потеряли после поражения в битве при Буксаре в 1764 году. Навабы, активно выступавшие ранее против европейских завоевателей, теперь сравнительно легко отдавали англичанам одну часть своей территории за другой. Они делали это без особого сожаления, так как англичане гарантировали им относительно спокойное и безбедное существование без каких-либо забот о правлении. С большой помпезностью навабы принимали у себя британских резидентов, а свое войско не менее торжественно передавали под командование английских офицеров. Англичане награждали навабов за их преданность по-королевски, хотя и не всегда так щедро, как, например, в 1814 году, когда тогдашнему навабу Гази-уд-дину Хайдару присвоили почетный титул «король Ауда». Это был бальзам на душу наваба, который все свои силы сосредоточил на том, чтобы по пышности двора сравняться с императорским двором в Дели и даже превзойти его.

Впоследствии навабы уделяли внимание не столько своим королевским обязанностям, сколько красавицам своего гарема, музыке, поэзии и танцам. Распутная жизнь все больше захватывала двор навабов. В то время как столица Ауда утопала в роскоши, провинция приходила в упадок, а крестьяне страдали от жестоких налогов. Нередко они бунтовали, и навабу удавалось [9] подавлять эти восстания лишь с помощью английских войск. В конце концов волнения разрослись до такой степени, что послужили англичанам желанным предлогом для присоединения Ауда к непосредственно управляемой колониальной территории.

— Знакомство с Аудом начинайте с Фаизабада, — еще в Праге наставлял меня председатель местного Союза индийских студентов. — Там живет семья моего родственника господина Шриваставы. Они вам все как следует покажут.

Из Дели я написал господину Шриваставе, и вскоре пришел ответ, а с ним и сердечное приглашение посетить Фаизабад.

Фаизабад состоит из двух городов: на правом берегу Гхагхры раскинулся сам Фаизабад, а на левом — Айодхья, известное место паломничества индусов. Основатель династии независимых навабов Саадат-хан жил в Фаизабаде мало. Редко бывал там и его преемник Сафдар Джанг. Лишь третий правитель Ауда, наваб Шуджа-уд-даула (1753—1775), прочно обосновался в Фаизабаде. После битвы при Буксаре он выстроил на берегах Гхагхры крепость, которую как бы в пику англичанам назвал Калькуттой. Возможно, наваб хотел продемонстрировать, что на собственной земле он не менее силен, чем англичане в своей колониальной метрополии.

Фаизабад оставался столицей княжества до правления наваба Асаф-уд-даулы, который в 1780 году перенес свой двор в Лакхнау. Однако его мать Баху Бегам оставалась в Фаизабаде до конца своей жизни. Она похоронена здесь в прекрасном мавзолее, который в настоящее время является одним из самых интересных архитектурных памятников Ауда.

Колеса скорого поезда постукивали на стрелках железнодорожного узла. Но вот раздался скрежет тормозных колодок, и поезд замер у перрона фаизабадского вокзала. Я не спешил выйти из вагона, и из окна высматривал господина Шриваставу. Он адвокат вполне солидной конторы. В глубине души я надеялся, что у него есть машина и он сможет свозить меня на экскурсию в Айодхью. Иначе мне придется отправиться туда завтра на поезде или автостопом. Но время шло, а к моему вагону никто так и не подходил. Вероятно, господин Шривастава оказался весьма загружен на работе. [10]

Хорошо, что я подстраховался и написал еще одному знакомому, родственнику моего преподавателя языка урду. Он учитель истории, а это значит, что я могу рассчитывать, по крайней мере, на профессиональное описание достопримечательностей. Наверняка он сможет рассказать немало интересного об истории этого края.

А вот и он. Молодой человек сразу же направился прямо ко мне и представился. Его зовут Хамид. Он приветствовал меня действительно сердечно, однако машины у него не было и с вокзала до дома мы добирались пешком. Я оставил

свой чемодан в его скромной квартире, расположенной на узенькой улочке старого района. Слегка освежившись во дворе у колодца и не дожидаясь обеда, мы сразу же пошли осматривать город.

Сначала мы отправились к гробнице Баху Бегам,— она расположена в нескольких минутах ходьбы от дома Хамида. Издалека гробница кажется великолепной. Ее ослепительно белый купол и портики со множеством крохотных башенок и каменных фонарей возвышаются над густыми кронами манговых деревьев. Однако видимость обманчива: когда мы подошли ближе, я понял, что мавзолеем поражает скорее своими размерами и силой первого впечатления, чем чистотой стиля и богатством художественного оформления. То, что на расстоянии казалось мрамором, на деле лишь побеленная стена, а богатая резьба каменных украшений превратилась в простую лепнину. Правда, известь, использованная для побелки, сверкает необычайной белизной, — говорят, что ее производят из специальных ракушек, которые собирают в пересохших руслах рек.

— Мавзолей построен навабом Асаф-уд-даулой как дань уважения к матери, — начал свое повествование Хамид. — Пока его мать была еще жива, он построил для нее соседний дворец Дилькуша, но в общем-то к матери он относился не совсем хорошо: требовал от нее всю государственную казну. Когда уговоры не помогли, Асаф-уд-даула обратился за помощью к англичанам, отдав им за это территорию вокруг Варанаси и Джаунпура. Однако и англичанам не удалось добиться успеха. Баху Бегам никому не открыла, куда она спрятала свои сокровища. Англичанин Хейстингс, губернатор, был обвинен своими противниками в том, что плохо обращался с местной правительницей, за что и был [11] вызван в суд. Однако великодушная Баху Бегам его учтиво извинила, а позднее даже охотно ссужала Ост-Индской компании большие суммы. Говорят, она хотела передать Компании все свое имущество, но все-таки не сделала этого. Люди верят, что ее сокровища все еще находятся где-то здесь под землей...

Учитель не успел договорить, как в сад ворвалась группа чем-то взволнованных мужчин:

— Ие хейн! (Он здесь!)

Среди них оказался господин Пракаш, сын адвоката Шриваставы. Он тоже адвокат. Вот уже два часа вместе со своими друзьями разыскивал он меня по всему Фаизабаду.

— На вокзале мы вас пропустили. Дунский экспресс обычно опаздывает часа на два, а сегодня, как назло, прибыл на десять минут раньше, — извинился он и потянул меня за собой. — Мистер Шривастава-старший ждет вас к обеду.

Тут поднялся спор — какой семье я должен оказать предпочтение, к кому отправиться на обед. Никто не хотел уступать, так как обе семьи приготовили угощение, осталось лишь сесть за стол. Пока шли жаркие переговоры, мы оказались рядом с домом учителя. Однако тут выяснилось, что никаких приготовлений там не было и в помине, так как обед организовывал не он, а инспектор школ округа господин Имтияз Али в своем большом доме.

Мои гостеприимные хозяева темпераментно обменивались мнениями. Наконец они успокоились — пришли к компромиссному решению: обедать я буду с

учителем, а ночевать останусь в доме адвоката. Договорились, что достопримечательности Фаизабада они покажут мне вместе, а завтра мистер Шривастава и его друзья отвезут меня в Айодхью на машине. Все уладилось, и, помыв руки около входа, я сел к накрытому столу, на котором уже дымились горки благоуханного риса и баранина с острыми приправами.

Инспектор Али превзошел самого себя не только как гостеприимный хозяин, но и как интересный собеседник. Я узнал, что в свободное время он увлекается литературой и историей искусства.

— Стиль фаизабадских мавзолеев специалисты определяют как упадочный, — как бы продолжил он рассказ учителя. — К концу восемнадцатого века возможности дальнейшего развития индо-персидского искусства [12] были уже исчерпаны. Исламское искусство должно было умереть, чтобы мог жить творческий дух народа. В то время начался большой приток европейцев в Индию. Они приходили сюда или как военные авантюристы, или как представители колониальной власти. Эти люди приносили с собой знания направлений и современные формы европейского искусства, ставшего модным при дворах провинциальных правителей. В свою очередь, в Европе стало модой иметь экзотические предметы быта с Востока. Завоевание Индии сопровождалось постепенным усилением влияния европейского искусства. В результате возник архитектурный стиль, который со спокойной совестью можно определить как «индийское рококо». Наивысшего расцвета этот стиль достиг в Хусейнабаде и Лакхнау. Например, Турецкие ворота можно назвать фантазией в стиле рококо. Только здесь вы поймете, что такое гибридный эклектизм в период упадка. Колледж Ла Мартэньер копирует версальский Трианон, Жемчужный дворец представляет британский классицизм, строительство позднейших резиденций наваба вдохновлялось европейской готикой.

— Не пора ли нам отправиться к господину Шриваставе, который, наверное, уже ждет нас с друзьями в Розовом саду? По дороге покажем гостю места, где жили самые знаменитые поэты лакхнауского периода, писавшие на урду, — учитель приостановил поток информации, обильно льющейся из уст господина инспектора.

В солнечный полдень мы вышли и побрели по пыльным извилистым улочкам. На одной из них учитель указал на ничем не приметный дом, выкрашенный в желтый цвет. На нем не было никакой памятной доски, которая сообщала бы о том, что здесь жил и умер в 1810 году один из величайших индийских поэтов, Мир Таки Мир, писавший на урду и персидском. В нескольких шагах отсюда, в доме чуть получше, жил сатирик Мирза Рафи Сауда. Оба они похоронены в Лакхнау.

Вспоминаю одну из эпиграмм известного сатирика на доктора Гауса, которую мы когда-то переводили в Праге:

На базаре бахвал сидит ленивый,
Нарыв среди врачей, печать позора медицины...

Инспектор, просияв, быстро подхватил:
Похож на черта, но носит имя Гаус,
Всех палачей в убийствах превзойдя, [13]
Известен он как ангел смерти.

Подлец лишь начинает выписывать рецепт,
А вам уже готово на свете ином место!
Немало взрослых и детей благодаря ему расстались с жизнью.
А гробовщик довольный хотел бы дать ему медаль.

— Интересно, сохранился ли дом, в котором жил доктор Гаус? — задал я вопрос.

Инспектор сказал, что дома Гауса здесь нет, так как он жил в Лакхнау, а город много раз перестраивали, и поэтому вряд ли я найду его дом и там.

Но вот мы уже стояли еще перед одной достопримечательностью Фаизабада — «Гулаб Бари» (Розовый сад), входом в который служит высокая башня. В центре хорошо ухоженного парка с водоемами и декоративными канавками возвышается ослепительно белый мавзолей в стиле «индийского рококо». Возле входа мы сняли ботинки и вошли под широкий низкий купол. Внутри лежали три скромные мраморные надгробные плиты без надписей. Плита в середине принадлежит навабу Шуджа-уд-дауле, две по краям — его родителям, которые здесь, однако, не похоронены. Ведь наваб Сафдар Джанг спит вечным сном в Новом Дели, в пышной гробнице неподалеку от аэродрома, носящего его имя.

На лепной штукатурке, на колоннах, на фонарях, на воротах — везде можно увидеть эмблемы с изображением рыбы. Железные, деревянные, каменные рыбы отовсюду таращат на вас глаза, в одном месте одна, в другом — две. Все похоже одна на другую. Я заинтересовался, что они обозначают.

— Эта эмблема получена навабом Асаф-уд-даулой от делийского правителя в знак признания его заслуг на службе Могольской империи. Почетная эмблема использовалась навабами везде, где только можно. Свой дворец в Лакхнау они называли «Мачхли Бхаван» — «Рыбий дворец», а их корабль на реке Гомти имел также форму большой рыбы. Вы сможете увидеть его в тамошнем музее.

Прогулкой по саду мы закончили осмотр фаизабадских исламских достопримечательностей. Нас ждали еще места во много-много раз древнее. Чтобы увидеть одно из них, мы должны спуститься к берегам Гхагхры. Мы сели в лодку и поплыли к острову, омываемому двумя рукавами реки. Вдали над рекой сверкал [14] протянувшийся почти на километр новый автодорожный мост.

Мы пристали возле могучего фигового дерева, стоящего на краю длинной тамариндовой аллеи, ведущей к каменному храму Рамы со спускающейся к воде широкой лестницей.

— Это известный гхат Рамы, — указывая на лестницу, сказал господин Шривастава. — Именно здесь наш великий герой завершил свой земной путь и вступил на небеса, исчез из глаз смертных, поэтому до сих пор это место называется «Гуптар Баг» — «Парк исчезновения». Каждый год в день годовщины сюда приходят многочисленные почитатели Рамы. Однако еще больше паломников посещает место его рождения. Туда мы отвезем вас утром.

Я распрощался с учителем и его начальником, и господин Пракаш повел меня к себе домой. Там он представил меня своему отцу, который сразу же поспешил узнать, что именно надо приготовить на ужин специально для меня так, чтобы я

почувствовал себя как дома. Я убедил его, что их родственнику в Праге наверняка не подадут в студенческой столовой блюда индийской кухни, и заверил, что буду более всего благодарен, если он предложит мне ту еду, которую они обычно готовят для себя.

К счастью, он со мной согласился. Вскоре меня пригласили к столу, накрытому белой скатертью. Меня угощали молодой бараниной под острым соусом карри, вареным (очень острым) горохом и рисом. На столе были также лепешки чапати и всевозможные овощи, которые в это время года на рынке в изобилии.

Во время ужина я узнал о всех судебных делах, которые ведутся в Фаизабаде, о том, сколько людей здесь судится, и что чаще всего суд разбирает имущественные споры. Меня также информировали, каким образом можно очень успешно защитить своего клиента. Поговорив еще о том, как молодому господину Пракашу получить высшее юридическое образование в Европе, я наконец отправился спать.

К месту рождения Рамы

На следующий день рано утром меня разбудил господин Пракаш и объяснил, что нам надо как можно быстрее выехать в Айодхью. Иначе, уверял он, мы [15] упустим возможность увидеть живописную картину, которая каждое утро разворачивается на гхатах, ведущих к Гхагхре.

В данном случае гхат означает скат, склон или подход к реке, будь то естественный или искусственный. Очень часто гхат выложен камнем, кирпичом или имеет деревянные ступеньки. На ступенях гхатов сосредоточивается общественная жизнь города или деревни. Здесь женщины стирают, полощут и сушат белье, чистят песком латунную посуду. Здесь же моются, купаются и выполняют религиозные обряды правоверные индуисты. Они проводят здесь долгие часы в молитвах, беседах и просто сплетнях. Есть гхаты общие для женщин и мужчин, есть и специально отведенные для женщин укромные уголки. И везде на них люди собираются рано утром, а потом уже под вечер.

Мы выехали на рассвете. В старенький «форд» нас набилось пять человек, не считая водителя. Молодой адвокат прихватил с собой друзей, наверно, для того, чтобы общими усилиями они могли показать мне все как можно лучше, а может быть, просто за компанию или для большей безопасности.

Дело в том, что дорога проходит вдали от населенных пунктов, здесь после захода солнца местные жители не появляются ни за что на свете. Они говорят, и твердо в это верят, что с незапамятных времен здесь ездят всадники без головы.

Уже рассвело, и солнечные лучи очистили наш путь от всех привидений и загнали их в густые манговые и бамбуковые рощи, по краям которых сверкали оранжевым блеском озера и небольшие болота.

— Отсюда берут воду для орошения,— пояснил Пракаш, проследив за моим взглядом.

Гхагхра — примерная река. Она почти никогда не выходит из берегов, и в ней достаточно воды даже во время самой сильной засухи. Ниже Айодхьи Гхагхра

круглый год судоходна, и суда могут плыть вплоть до ее слияния с Гангом, а дальше по нему к Бенгальскому заливу. Люди, таким образом, обеспечены дешевым грузовым транспортом. Воды здесь всюду полным-полно, а под землей она находится неглубоко, поэтому ее легко выкачивать и нет необходимости проводить длинные распределительные арыки.

За разговором мы быстро преодолели то небольшое расстояние, которое отделяло нас от Айодхьи, города, [16] в котором родился Рама — легендарный герой древнеиндийского эпоса. Айодхья — место, глубоко почитаемое всеми индуистами. Да и как же иначе, ведь город входит в число семи священных мест паломничества индуизма. Об Айодхье говорят, что она самая прекрасная из них. Вероятно, это потому, что она сумела сохранить свою былую красоту, хотя сегодняшний город намного меньше того, который стоял здесь две с половиной тысячи лет назад. Однако и о красоте нынешней Айодхьи можно сказать словами вводной песни «Рамаяны»:

Сарайю-рекой омываясь, довольством дышала
Держава обширная — славное царство Кошала,
Где выстроил некогда Ману, людей прародитель,
Свой город престольный, Айодхью, величья обитель.
Двенадцати йоджанам был протяженностью равен
Тот город, и улиц разбивкой божественной славен.
На Царском пути, увлажненном, чтоб не было пыли,
Охапки цветов ароматных разбросаны были.
Порталы ворот городских, защищенных оружием,
Украшены были снаружи резным полукружьем.
Столица, средь манговых рощ безмятежно покоясь,
Блистая как дева, из листьев надевшая пояс.
Казалось, небесного царства единоподданинец
Воздвигнул дворцы, где блистали созвездья красавиц¹).

Сегодня территория Айодхьи вряд ли составляет двенадцать йоджан в окружности²), однако город ухожен и благоустроен так же хорошо, как когда-то в далеком прошлом. Правда, центр мало чем отличается от других мест индуистского паломничества: кругом скопление храмов, постоянных дворов для паломников и бесчисленные лавочки, торгующие в основном предметами религиозного назначения. Однако Айодхье присуще свое очарование: улицы удивительно чистые, дома свежештукатуренны. Может, прелесть Айодхьи состоит еще в том, что она принадлежит к наименьшим по своим размерам местам паломничества и расположена в центре плодородного края, где нищета не бьет так резко в глаза. А может быть, потому, что почти каждый уголок города так или иначе соприкасается с эпической историей «Рамаяны», столь близкой каждому индийцу. Все в Айодхье напоминает о персонажах эпоса. Здесь есть вершина Сугрива, крепость Ханумана, гхат Лакшмана, храм Рамы — не остается ничего другого, как [17] потренировать память и попытаться вспомнить, «кто был кто» среди героев эпоса.

По преданию, боги даровали бездетному престарелому правителю Айодхьи Дашарагхе четырех сыновей, в облике которых должен был воплотиться всемогущий бог Вишну. Первая жена царя Каушалья принесла ему первенца Раму, вторая — Кайкейи родила Бхарату, а третья — Сумитра разрешилась двумя близнецами, одного из которых называли Лакшмана, другого — Шатругхна. Царь

любил всех своих сыновей. Однако больше всего он был привязан к Раме.

Благородный Рама получил в жены прекрасную Ситу, дочь короля Джанаки. Жили они счастливой супружеской жизнью в родной Айодхье. После смерти отца Рама должен был вступить на престол Кошалы. Однако вторая жена царя — Кайкейи — еще при жизни правителя добилась от него обещания отдать престол ее сыну Бхарате. Рама подчинился воле отца и ушел вместе со своей добродетельной женой на четырнадцать лет в изгнание. Их сопровождал его брат Лакшмана. На престол вступил Бхарата. Однако он объявил, что будет править страной лишь как наместник отсутствующего Рама, сандалии которого он возложил на трон. Рама же до поры до времени жил в лесу Дандака вместе с женой и братом. Там он успешно боролся против демонов, беспокоивших святых и отшельников. Правитель демонов Равана решил отомстить за своих подданных и однажды, когда оба брата были на охоте, похитил Ситу и унес ее на остров Ланка. Долго и тщетно искал Рама похитителя своей жены. Наконец с помощью царя обезьян Сугривы и его полководца Ханумана он нашел Ситу во дворце Раваны на острове Ланка. Обезьяны помогли ему перекинуть каменный мост через море к острову и одержать победу над демонами. Хотя Рама удалось одолеть Равану и освободить Ситу, однако, согласно индуистской традиции, он вынужден был отказаться от своей жены, так как она находилась в доме чужого мужчины. Сита бросилась в огонь, однако бог огня ее не принял: ведь она ни в чем не провинилась. Тем самым подтвердилось, что Сита была чиста перед мужем, и оба супруга возвратились в Айодхью, где их торжественно и радостно встретили жители. И Рама правил Кошалой вплоть до самой своей смерти.

— Да, вроде бы так все это и было, — согласился господин Пракаш с моим пересказом легендарной истории [18] и предложил:— Теперь пойдемте смотреть Сваргдвару — «Небесные ворота». Так называется один особо священный гхат у Гхагхры, где, говорят, в молодости любил купаться благородный Рама и где его тело было сожжено на погребальном костре. Вчера в Фаизабаде я показывал вам место, где Рама исчез из этого мира, но почему бы нам не поверить также и в то, что нашли хотя бы небольшую частичку его тела, которую, в соответствии с индуистским обычаем, сожгли на костре именно в Сваргдваре, а пепел бросили в реку, чтобы открыть Рама дорогу в небо. Вы ведь знаете, что индуистская традиция рассматривает его как воплощение бога Вишну и многие вишнуиты почитают Раму как самого могущественного бога. Вы, конечно, обратили внимание на то, что многие индийцы приветствуют друг друга его именем — «Рам, Рам!».

Гхат Рама, несмотря на свою священность, не отличался особой красотой и удобствами для посетителей. По неизвестным причинам строители уделили больше внимания соседнему гхату Лакшманы, где, по преданию, купался брат Рама. Там можно спуститься к реке по хорошей каменной лестнице, пробившей себе путь среди многочисленных небольших храмов и ашрамов — своего рода гостиниц для вишнуитских паломников, которые тысячами приходят сюда в праздничные дни.

Мы приехали, когда утренняя церемония омовения уже закончилась и на гхате наступила тишина. Лишь самые твердые последователи бога Вишну все еще стояли по пояс в реке. Время от времени они окунались в воду с головой и снова застывали, устремив взор к солнцу. Женщины, искупавшиеся еще до рассвета, полоскали теперь разноцветные куски тканей. Белье они не стирают — в Индии

это не женское дело. Ведь только мужчинам под силу молотить бельем о прибрежные камни. Еще дальше у бамбуковых хижин моются девушки. Их веселые голоса далеко слышны по воде. После купания они с серьезным выражением лиц снимают мокрые сари и ловко заворачиваются в сухие. Теперь можно взойти на верх гхата и выйти на улицу.

На берегу все радует глаз: приятно пригрело весеннее солнышко, тихо ударяются о берег голубые волны Гхагхры. В отличие от гхатов Варанаси, на которые стягиваются тысячи нищих и святых, в Айодхье нет протянутых к вам со всех сторон рук, требующих бакшиш только за то, что их владельцы еще существуют. [19]

Мы отправились в центр города пешком, хотя господин Шривастава настойчиво уговаривал поехать на машине. Я же хотел тщательно осмотреть все подступы к храму и убедиться, что и сегодня «цветы украшают его пестрой палитрой», как бывало во времена принца Рамы.

Главный объект паломничества — храм «Крепость Ханумана» воздвигнут в центре города на невысокой скале. Своими башнями и стенами он действительно напоминает неприступную крепость. По преданию, храм стоит на месте старого дворца, в котором воспитывался Рама, а позднее жил вместе с прекрасной Ситой.

К храму ведет длинная, довольно крутая, чисто вымытая лестница. По обе стороны ее сидят продавцы цветов, сладостей, ароматических палочек и вообще всего, что может понадобиться верующим паломникам. За несколько пайс я купил малу — гирлянду из резко пахнущих оранжевых и белых лепестков, нанизанных на нитку, и несколько палочек агарбатти³). После того как я уже сделал покупки, я понял, что надо бы купить чего-нибудь еще съестного, лучше всего, пожалуй, немного сладостей или хотя бы банан: по перилам лестницы, подпрыгивая и весело вереща, к нам приближалась стайка обезьянок. Они протягивали свои лохматые лапки и, комично гримасничая, выпрашивали угощения.

Я вернулся, чтобы купить кулечек со сладостями, которые быстро оказались в натренированных цепких лапках обезьянок. Вероятно, я что-то сделал не так, как здесь принято, в результате со всех сторон, с крыш и ветвей деревьев на нас буквально посыпались большие и малые обезьянки. Через мгновение возле нас собралось огромное число этих животных. Они раскачивались даже над нашими головами, ловко зацепившись хвостами за раскидистые ветви фигового дерева. Перед нами важно уселся большой светло-коричневый старый Хануман с черным лицом. Он не обращал никакого внимания на суету вокруг себя и преспокойно чистил банан, который только что получил от стоящего рядом с нами паломника. Представитель армии, помогавшей Раме, полон внутреннего достоинства.

Когда, казалось, уже нет сил защищаться от нападения [20] лохматых лап, послышался удар бамбуковой палкой о камень. Новый удар пришелся по спине одной из вымогательниц. Со стороны храма навстречу нам шел полуобнаженный брахман. Через плечо у него был перекинут священный шнур. Приветливым жестом он пригласил нас подняться выше по лестнице и принял из моих рук цветочное пожертвование. Однако, будучи иностранцем, то есть человеком, не принадлежащим ни к какой касте, я не имел права войти в храм бога Вишну. Мне разрешили лишь пройти во внутренний двор, где я мог осмотреть храмовые серебряные двери и заглянуть в темноту самой святыни.

Прямо напротив входа сквозь облака благовонного дыма от агарбатти проступали очертания скульптур Рамы, Ситы и Ханумана. Скульптура в центре украшена огромным зеленоватым сапфиром. В храм вливались все новые потоки верующих, несущих своему любимому богу пожертвования, главным образом цветы и рис. Нет-нет, да и звякнет в жертвенной чаше звонкая монета.

Вместе со своими друзьями я прошел на храмовую галерею. Перед нами как на ладони открылась панорама города, утопающего в тени садов и фруктовых деревьев.

Однако он уже не такой чистый, каким был утром, когда мы сюда приехали. Как и в любом другом индийском городе, здесь все, что было вычищено рано утром, к вечеру снова запачкано обезьянами. Перед храмом мы убедились воочию в том, как их здесь много. Если в Варанаси туристам показывают храм обезьян как нечто экзотическое, то здесь можно увидеть целый обезьяний город. С этим вынуждены мириться, ведь обезьяны охотно помогли Раме победить демона, а потому их потомки имеют право на уважение, хотя и загрязняют они все, что можно.

Когда я вышел на западную сторону храмовой галереи, то на краю города усмотрел еще одно священное место: Рам-джанамстхан, дословно — «Место рождения Рамы». Пешком мы добираемся туда за двадцать минут. Место, где родился Рама, обозначено площадкой, огороженной невысокой изгородью. Когда-то здесь стоял индуистский храм, однако император Бабур в XVI столетии приказал перестроить его в мечеть. Рядом соорудили индуистский храм, не очень красивый и небольшой. [21]

Я снял ботинки, оставил их на пороге и вошел в мечеть. С первого взгляда видно, что она перестроена из старого индуистского храма. Внутри я насчитал двенадцать колонн. На одной из них заметно проступали остатки скульптурного изображения какого-то бога, что, безусловно, свидетельствует о том, что эта колонна была взята из политеистического храма, так как исламский монотеизм не допускает изображения живых существ.

В заднем коридоре мечети я обнаружил еще одно интересное помещение — кухню (расои). По преданию, здесь готовилась пища для самого Рамы. С тех пор тут никогда не прекращали варить и жарить, а теперь готовят еду для паломников, правда чисто символически, ведь на кухоньке с одним очагом еду для нескольких тысяч человек приготовить невозможно.

На металлической посуде отражается красноватый пылающий огонь простого очага. Старый жрец, брахман с благородной внешностью, склонился над котлом и положил на чистый банановый лист перед каждым из нас небольшую горку сладкого риса с изюмом. Чтобы почтить память легендарного индийского героя, мы принимали угощение и, сложив ладони рук перед грудью, поблагодарили брахмана индуистским приветствием.

Возле расои спрятался еще один небольшой храм, возраст которого исчисляется в несколько столетий. Предполагают, что именно на этом месте Сита — верная супруга Рамы — после его смерти совершила обряд самосожжения. Однако боги не допустили, чтобы был совершен обряд сати, и стоило Сите взойти на костер, как тело ее стало медленно подниматься в небо⁴).

— Мы вам показали Айодхью историческую и легендарную. Возле здания вокзала вы увидите еще Айодхью современную, которая ни в чем не уступает Фаизабаду, а, возможно, в чем-то и превосходит его, — такими словами господин Шривастава закончил нашу экскурсию по старому городу.

Новенькое здание вокзала окружено ярко-оранжевыми, заботливо ухоженными газонами. У вокзала расположены современные строения складов, а дальше, по направлению к городу, видны дымящиеся трубы какого-то завода. Скорый поезд до Лакхнау уже ушел, и мне [22] не оставалось ничего другого, как воспользоваться почтовым.

Устроив меня в вагоне второго класса, мои спутники попрощались со мной в соответствии с индийскими традициями. Мы обменялись адресами и обещаниями, что будем писать друг другу. Последние рукопожатия, и поезд медленно отошел от перрона. Я остался в одиночестве и поэтому очень обрадовался, когда ко мне подсел молодой солдат. Он на службе и потому при полной амуниции. Говорят, здесь бывают случаи бандитизма, и железнодорожное управление издало распоряжение о сопровождении ночных поездов вооруженной охраной. Однако пассажиры могут быть спокойны: опасность грозит в первую очередь товарам. Их грабят при погрузке и разгрузке на станциях, и охране необходимо следить за тем, чтобы мешки с ценным грузом попадали в нужные вагоны. Что касается того, что раньше бандиты останавливали в некоторых местах поезда в пути, так об этом сейчас уже почти не слышно.

Дорога, как всегда, бесконечна. Выехали мы точно по расписанию, но уже через несколько станций наш поезд опаздывал часа на два. Расстояние в сто тридцать пять километров преодолели за полных шесть часов и на лакхнауский вокзал прибыли уже за полночь.

Город танцовщиц и куртизанок

Несмотря на то что наш состав дотащился до Лакхнау поздно ночью, на вокзале меня ждал молодой ассистент лакхнауского университета, в котором мне предстояло пройти короткую стажировку. Ассистент сообщил, что в общежитии, в котором я первоначально предполагал остановиться, пока свободных мест нет. Однако профессор Хашими, заведующий кафедрой языка и литературы урду, предложил мне на несколько дней остановиться у него.

Я с радостью принял приглашение профессора. Знал, что он живет в исторической части города и его семья до сих пор не отказалась от традиционного образа жизни. Супруга Хашими все еще носит парду, т. е. придерживается старого обычая мусульманских женщин не показывать лицо на людях.

Ассистент усадил меня в коляску велорикши, сам втиснулся рядом со мной на узенькое сиденье, и мы [23] съехали с небольшой горки по улице Ла Туше к центру старого торгового района Аминабад. Рикша резко свернул в темный переулок и притормозил у разукрашенного входа в невысокий дом.

За ажурной калиткой широкий двор. Из темной кухни на первом этаже на нас устремлены изумленные глаза служанки. Профессор Хашими спустился к нам навстречу по ступенькам веранды; на нем длинный облегающий пиджак — черное

шервани, свободные белые штаны и черная шапочка. Он церемонно поприветствовал меня и провел в библиотеку. Здесь я буду спать. Профессор показал мне, где находится ванная — небольшая комнатка с деревянной решеткой на бетонном полу, с каменным корытцем и кружкой для обливания, — и пожелал мне доброй ночи.

Утром Хашими отвез меня на рикше через весь город к себе в университет, который занимает большой парк за рекой. Некоторые факультеты разместились в бывших навабских дворцах, другие получили удобные современные здания. Я прежде всего направился в библиотеку — оформить читательский билет и узнать вкратце об истории Лакхнау.

Оказывается, столица сегодняшнего штата Уттар-Прадеш названа в честь Лакшманы, брата героя «Рамаяны». В давние времена город назывался Лакшманпур. Во времена Великих Моголов город разросся и превратился в провинциальный экономический центр. Однако он оставался в тени более удачно расположенного города Аллахабада. Наивысшего расцвета Лакхнау достиг в конце XVIII столетия, когда он стал столицей навабства.

Несмотря на свое древнее происхождение, город Лакхнау относится к сравнительно молодым индийским городам. Свой нынешний облик он приобрел лишь после 1775 года. Основатель династии навабов Саадат-хан стал аудским наместником еще за несколько десятилетий до этой даты, но он уделял большее внимание своим обязанностям вазира и поэтому жил при императорском дворе в Дели. Третий наваб предпочел Фаизабад. Лишь его сын Асаф-уд-даула принял решение обосноваться в Лакхнау и превратил его в красивейший город.

Однако ни один из преемников Асаф-уд-даулы, за исключением, пожалуй, его брата Саадат Али-хана, не уделял особого внимания ни благоустройству города, ни судьбе государства. На престоле чередовались религиозные [24] фанатики и утопавшие в роскоши распутники, которые ради беспечной жизни выжимали из подданных невероятно высокие налоги.

Тем не менее мир культуры не предал их имена полному забвению. Дело в том, что они способствовали зарождению феномена, в своем роде весьма значительного: благодаря им был создан особый вид рафинированной цивилизации, на почве которой выросли новые школы эпического танца катхак. Бесчисленные варианты катхака исполняли прекрасно вышколенные танцовщицы и куртизанки. Беззаботный стиль жизни двора содействовал процветанию музыки, пения и поэзии, главным образом лирических газелей, и даже способствовал возникновению новых литературных школ языка урду.

Во время правления последнего наваба Ваджид Али-шаха (1847—1856) распутство лакхнауского двора дошло до предела. Наваб рос во дворцах, среди очаровательных куртизанок. Именно они воспитывали его с малых лет. После себя он оставил любопытные записи о том, как изощренно они его портили. Они совратили его, когда ему было всего десять лет. Став взрослым, он окружил себя красивыми девушками, которых называл пери — «феи», приказал построить для них Пери-хану — Дворец фей, где самые лучшие учителя того времени обучали девушек музыке, пению и танцу.

Личная гвардия наваба также была составлена из отобранных и специально

обученных женщин. Желая иметь храбрых и в то же время женственных телохранительниц, наваб разработал для них специальный устав и красочную униформу.

Однако наваб совсем не заботился об управлении своим государством. Правительственные посты были им отданы музыкантам, художникам и архитекторам. Сам правитель увлекался не только музыкой и танцами, но и архитектурой, и изобразительным искусством. Он основал свой придворный театр и приглашал играть в нем странствующие театральные труппы. Говорят, больше всего ему нравилось самому исполнять роль бога Индры, окруженного толпой легконогих фей, или же быть в роли молодого бога Кришны, заигрывающего с очаровательными пастушками. Наваб не обращал внимания на то, что это были индуистские сюжеты, а официальной религией Ауда — ислам шиитского толка.

Со второй половины прошлого столетия дух изысканной [25] лакхнауской культуры понемногу, но неуклонно умирал. Потомки навабов обнищали, потеряли уважение и престиж. Роль меценатов стали играть более энергичные и практичные торговцы-индуисты.

Эта перемена началась после поражения Великого индийского народного восстания (1857—1859). Одна из наиболее драматических и кровавых глав истории этого восстания была написана именно в Лакхнау. До сегодняшнего дня о событиях того времени напоминают разрушенные здания бывшей британской резиденции, в которой в течение трех месяцев укрывались англичане от превосходивших их во много раз войск восставших индийцев. Оттуда их вызволил генерал Хэвелок со своим боевым отрядом. Однако и он с остатками гарнизона попал в окружение на два месяца.

Англичане жестоко отомстили жителям Лакхнау. Главный удар был направлен против мусульманской верхушки, так как именно она стояла во главе восстания, целые семьи родовитых лакхнаусцев были истреблены или же лишены имущества и высланы. Гаремы распустили, танцовщиц переселили в другие места, а управление городом взяли в свои руки индусские торговцы и банкиры, для которых традиции лакхнауской культуры ничего не значили.

Решающий удар по этим традициям был нанесен в 1947 году, когда Индия была разделена на Индийский Союз и Пакистан. Многие состоятельные мусульмане переселились тогда в Пакистан. На их место из западнопакистанских деревень пришли небогатые переселенцы-индусы. В Аминабаде, там, где раньше находились самые элегантные салоны образованных куртизанок, стали жить в переполненных помещениях переселенцы. И хотя индийское правительство старается оказывать им всестороннюю поддержку, они не могут найти подходящей работы и зарабатывают себе на жизнь в качестве поденщиков, возниц, мелких продавцов, носильщиков и неквалифицированных рабочих.

Рабочих в Лакхнау не так уж много, так как, за малым исключением, здесь нет сколько-нибудь важной отрасли промышленности. Лишь совсем недавно в городе начали появляться небольшие механические и ремонтные мастерские, между прочим, тут есть мастерская по сборке чехословацких тракторов «Зетор». Однако в целом преобладающую часть рабочего класса составляют мелкие ремесленники и кустари. [26]

Мои размышления о судьбе города прервал профессор Хашими — он пригласил меня на обед. Мы вышли на улицу, залитую ослепительно ярким солнцем, и наняли рикшу. Переехали мост и углубились в небольшие улочки старого города. Вижу, как в одном из переулков в тонгу — конную коляску — садятся два старика, с серьезным видом предлагая друг другу сесть первому. Возница нетерпеливо подергивал вожжи, но старики настойчиво проявляли взаимное уважение и повторяли типичное пахла ап — «сначала вы», «после вас».

Чем объяснить, что местные жители столь упорно придерживаются особых аристократических манер? Почему даже средние слои населения стремятся здесь сохранить старосветскую вежливость и изысканность манер? Ведь в другом месте такого не встретишь. И тут же этот вопрос возвратился ко мне в другой форме.

Дело в том, что по дороге профессор встретил знакомого, тот приехал в город, чтобы навестить свою замужнюю дочь, но не застал ее дома. Профессор пригласил его пообедать вместе с нами. Знакомый наверняка устал и голоден, но из вежливости отказался от искреннего приглашения. В конце концов приглашение было принято, однако лишь после того, как хозяин в возвышенных выражениях убедил знакомого, что такой почетный гость, как он, будет украшением дома и, кроме того, он поможет приятно развлечь европейского друга, особенно если после обеда согласится спеть несколько старых газелей.

Итак, за обеденным столом мы оказались втроем. Вышколенный слуга с козьей бородкой церемонно полил нам на руки воду и жестом пригласил в столовую, элегантно обставленную в стиле прошлого столетия. В комнате кроме стола с белой скатертью было несколько низких табуреток, на которых блестели начищенные панданы, серебряные коробочки для листьев бетеля и других необходимых компонентов для составления жевательной массы. Для сплевывания бетелевой жвачки стояли чеканные тхукданы, серебряные и медные плевательницы в форме больших чаш. На пышном ковре рядом с мягкими подушками в ожидании гостей — посеребренная хукка, трубка с длинным мундштуком для курения через воду, а около нее — маленькая кочерга и щипцы для разгребания древесных углей на случай, если трубка погаснет. К обеду на стол подали традиционное лакхнауское блюдо — мясной рулет с маринованным [27] манго и рисовым гарниром. Профессор ловко скатывал пальцами в шарик рис с соусом и изящным движением отправлял его тремя пальцами в рот, при этом не уронив ни рисинки. После того как приторно-сладкий розовый сироп, поданный на третье, был выпит, Хашими вернулся к первоначальной теме разговора. Полушутя, полусерьезно он превозносил лакхнаускую вежливость, над которой другие жители Индии лишь посмеиваются.

— Остатки традиционной воспитанности здесь кое в чем пригодились. В бурные дни, последовавшие за разделом Британской Индии, искусственно разжигаемые религиозные страсти заставили в иное время миролюбивых людей хватать, что попадало под руку, и участвовать в кровавых столкновениях. Такие стычки особенно часто случались там, где мусульмане и индусы жили рядом. Лишь наш город устоял перед волной массового сумасшествия. Хорошее воспитание, вероятно, не позволяло браться за оружие первым и идти против ближнего. По всем законам лакхнауской вежливости надо было подождать, пока не получишь удар...

После обеда мы удобно устроились на подушках, разложенных на ковре, чтобы

послушать обещанные нам газели. Мы попросили исполнить газели, сочиненные последним навабом Ваджид Али-шахом. В полутемной комнате зазвучал, вплетаясь в орнамент монотонной мелодии, довольно приятный голос певца.

Музыкальную программу неожиданно прервал резкий стук в дверь. Вошел ученик профессора господин Шамим, сын одного из крупнейших лакхнауских торговцев. Оказывается, профессор попросил его сопровождать меня во время моей первой ознакомительной экскурсии по городу. Для этой цели отец Шамима разрешил ему взять красно-белый джип, на котором они обычно возят товары вплоть до непальской границы.

Я счастлив — ведь в первый же день пребывания в Лакхнау мне удастся осмотреть достопримечательности города, лежащего в стороне от туристических дорог и не очень приспособленного к приему туристов. Как уже говорилось, архитектурный стиль Лакхнау намного напоминает европейское рококо. Это поздний провинциальный вариант классического индо-персидского стиля, осложненного украшательством, заимствованным из Европы. В этом хаотическом смешении разнородных архитектурных элементов виноваты прежде всего архитекторы-европейцы, находившиеся на службе у навабов. [28] Один из видов строений в Лакхнау особенно знаменит — это так называемые имамбары, павильоны имамов — особые здания, в которых проходят религиозные празднества шиитов. Лакхнау — признанный центр шиитов, хотя здесь их живет сравнительно немного.

Шиитов можно рассматривать как членов самой старой мусульманской секты. Ее название происходит от слова шиа — «партия», а точнее, «партия четвертого халифа Али». Шииты рассматривают Али, в отличие от суннитов, как единственного и истинного преемника пророка Мухаммеда. К обязательной для всех мусульман формуле «Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед его пророк» шииты добавляют «и Али наместник бога». Шииты почитают двенадцать имамов — высших духовных наставников, святых. Говорят, последний из них еще жив, но никто не имеет права его видеть. Это так называемый «скрытый имам», который когда-нибудь в будущем явится как спаситель, махди. Шиизм распространился сначала в Иране, а оттуда и в другие страны, с которыми Иран поддерживал прямые отношения. На индийском субконтиненте шиизм пустил самые глубокие корни в бывших султанатах Декана на юге страны. В Ауде шиизм был в течение довольно длительного времени государственной религией и, таким образом, способствовал созданию великолепных художественных построек.

— Через две недели будет мухаррам, — господин Шамим листал календарь. — Так что вы еще застанете религиозные процессии. Они будут проходить через город каждый день, а на десятый день мухаррама состоится самое большое траурное действо. В городе загорятся сразу тысячи свечей. Все это вы увидите сами. А пока давайте посмотрим имамбары в обычные дни, — предлагает он, и мы выезжаем на джипе в хусейнабадском направлении.

Простым изяществом своих арок меня покорила Большая имамбара, построенная по приказу наваба Асаф-уд-даулы на правом берегу реки Гомти. В стороне от главного входа во двор имамбары грустно стоят Турецкие ворота — Руми дарваза. Возможно, печалются о том, что мало кто мог оценить в них прекраснейший образец индо-персидского рококо, главным образом своеобразный свод широко раскрытого портала и ослепительно белые лепные

зубцы ажурных арок.

В мечеть, расположенную во дворе имамбары, нам, [29] иноверцам, вход строго запрещен. Шамим — суннит и заслуживает, по шиитским представлениям, еще большего проклятия, чем самый отъявленный безбожник. Нам ничего не оставалось, как поприветствовать изящные минареты и перейти к осмотру широкого строения — имамбары. В центре длинного сводчатого зала мы склонили головы перед балдахином, поставленным над могилой основателя, затем поднялись наверх и внезапно оказались в Лабиринте навабов — Бхульбху-лайян. Здесь в многочисленных коридорчиках, тупичках, нишах и темных закоулках последние из навабов любили играть в прятки с красавицами своего гарема. Какие уж там дела государственные...

После осмотра глубокого колодца мы продолжили нашу экскурсию дальше на запад, вплоть до пригорода Хусейнабада. Здесь нас привлекла своим позолоченным куполом Малая имамбара наваба Мухаммед Али-шаха, построенная в 1837—1842 гг. Свою старшую сестру она превосходит разноцветной лепниной интерьеров, тяжелыми металлическими подсвечниками и венецианскими зеркалами в позолоченных рамах. Имамбара открывает перед нами свои японские клумбы, разбросанные вокруг неглубокого бассейна, через который перекинут железный арочный мостик. Все здесь как бы направлено на то, чтобы отвлечь наше внимание от стоящей рядом уродливой мечети, слабой попытки достичь сходства с великолепным Тадж-Махалом в Агре. Однако строителям явно не удалось воспроизвести благородное изящество гармоничной конструкции Тадж-Махала.

Прежде чем покинуть Хусейнабад, нам еще предстояло нанести визит целой династии правителей. Все навабы, как бы выстроенные в шеренгу, один за другим предстали перед нами со старых, написанных маслом картин европейских мастеров с такими звучными фамилиями, как Зоффани, Хэмфри или Дэниеали. Картины висели на втором этаже в так называемой барадари, небольшом павильоне с двенадцатью дверьми, воздушная колонная балюстрада которого удачно воспроизводила элементы итальянского Ренессанса.

— А теперь давайте поедem и посмотрим дворянские европейские постройки,— пригласил меня Шамим. Он развернул джип, и мы понеслись назад к городу.

Мы проехали тенистыми аллеями, среди бывших военных казарм, в восточную часть города. Наконец джип остановился возле широко раскинувшегося парка, внутри [30] которого возвышалось нечто похожее на средневековую французскую крепость, перенасыщенную балконами, башенками и бойницами. По подъемному мосту мы перешли глубокий ров, наполненный водой, и в изумлении остановились перед фасадом, который рядами европейских скульптур напоминал богатый итальянский костел.

— Это Ла Мартэньер,— сказал студент.— Французский генерал Клод Мартэн поставил его здесь в конце восемнадцатого столетия. В Индию он приехал искать счастья в качестве солдата французской Ост-Индской компании. В битве у Пондишери англичане взяли его в плен, но вскоре, за оказанные им ценные услуги, ему было присвоено звание капитана. Однако Мартэн оставил колониальную армию и поступил на службу к навабу Асаф-уд-дауле. Вместе с другими французами он создал плантации индиго, быстро разбогател и вскоре

уже одалживал навабам деньги для строительства великолепных зданий. Он прославился также тем, что на средства, накопленные разнообразными способами, построил три колледжа для детей из европейских семей: один здесь, в Лакхнау, другой — в Калькутте, а третий — дома в Лионе.

На строительстве местной школы работали в основном итальянские и французские мастера. Ее украшали коринфские колонны и фантастические водостоки в виде голов драконов, словно какой-то готический собор. От каждого европейского архитектурного стиля было взято всего понемногу, и все это ловко скомбинировали с восточными элементами. Ансамбль, правда, выглядел немного причудливо, тем не менее оставлял приятное впечатление.

Студенты здесь должны руководствоваться полезным лозунгом: «Labor et Constantia» («Труд и настойчивость»). Лозунг всегда перед их глазами, так как выбит на фронте. Поэтому школу, сколько она стоит, всегда называли Констанция.

Вскоре Шамим распрощался с нами — он спешил отдать машину отцу, так как еще сегодня она должна отправиться в дальнюю дорогу к Гималаям.

В фиолетовых сумерках я снова знакомился с городом танцовщиц и куртизанок. Чем он все-таки отличается от других городов Северной Индии? Тем, что здесь внешний блеск феодального общества не столкнулся с холодной целесообразностью британского колониального [31] правления так остро, как это было в других местах страны? Или, может, тем, что мрачный шиитский фанатизм встретился здесь с игривой легкостью французского искусства?

Постепенно улетучивается терпкий запах духов, производством которых раньше так славился Лакхнау. Известные производители духов или уже умерли, или перебрались в Пакистан, и сегодняшнему Лакхнау остается ностальгически вдыхать лишь аромат невосвратимо потерянного славного прошлого. Следующее поколение в быстром темпе современной жизни наверняка не уловит и этого запаха.

Оперетта в гареме

После стольких впечатлений прошедшего дня я долго не мог заснуть. Наконец погрузился в неглубокий беспокойный сон. В полусне я видел, как с одной из книжных полок приподнялась призрачная фигура молодого мужчины в белой шапочке. Он вышел из книги поэзии на урду и, улыбаясь, приблизился к моей постели.

— Не бойся и следуй за мной, — прошептал он и поманил пальцем, — ведь ты меня знаешь, я поэт Ага Хасан Аманат. Мне известно, что ты читал мою пьесу «На дворе бога Индры». Я хочу вернуть тебя на сто двадцать лет назад и пригласить в королевский дворец, где сейчас играют мою пьесу. Ты это увидишь своими глазами.

И он потащил меня сонного через спящий город к Императорскому саду. Но что это? Ансамбль дворцовых сооружений уже не выглядит обветшалым, каким я его видел днем. Сейчас галереи и все четыре башни, и зеленые мягкие газоны с пестрыми цветами празднично освещены. Из комнат дворца доносится музыка.

Мы поднялись по широким лестницам и вошли в зал приемов. Многочисленные свечи в стеклянных шарах дают невообразимо много света и еще более подчеркивают торжественность происходящего. Я заметил, что свет исходит также от ламп, имеющих форму цветов лотоса. Они укреплены на высоких подставках, сделанных из стволов кипариса, и расставлены по углам зала. Свет исходит также от светильников, пестро разукрашенные абажуры которых словно кружились в теплых [32] потоках воздуха. Около окон потрескивали толстые свечи.

За длинным столом восседали многочисленные гости. Среди них оказался генерал-европеец в наглухо застегнутой форме.

— Это Джеймс Аутрам, британский резидент. Через несколько лет он станет комиссаром Ауда. Произойдет это после того, как англичане лишат власти нашего наваба, — пояснил мне мой спутник и повел к другому концу стола.

Пир подходил к концу. С почетного места во главе стола поднялся статный мужчина в богато украшенном халате. Из-под золотой короны на плечи ему ниспадали длинные, словно женские, волосы. Они странно контрастировали с черными, как уголь, закрученными усами.

— Ваджид Али-шах, наш наваб, — прошептал Аманат. — Наверно, собирается переодеться, чтобы самому сыграть роль бога Индры. Тебе известно, что эту пьесу я написал по его приказу? Он большой поклонник музыки, песен и танцев, однако сольные выступления уже перестали его интересовать. Поэтому он попросил меня подчинить их какому-нибудь общему действию. Французские офицеры короля рассказывали мне, как у них дома играют театр: во время действия актеры то говорят, то поют, то танцуют. Мне это понравилось, и я решил попробовать создать нечто подобное. Получилась пьеса с пением и танцами.

— Скорее такой спектакль можно назвать опереттой, — решился я осторожно его поправить и в свою очередь спросил: — Знаете ли вы, что профессор Розен перевел вашу пьесу на немецкий язык? Сюжет так понравился немецкому композитору Линдеггеру, что он на его основе написал настоящую оперетту «В царстве Индры». В начале двадцатого столетия она имела довольно большой успех в Германии и долго не сходила со сцены.

— У нас это было бы невозможно, — возразил поэт. — Здесь такой спектакль ставят лишь раз в год, и всегда на день рождения короля. Пьеса не длинная, и ее вполне можно показать за один вечер, но в ней есть возможность прославить короля музыкой и танцами. Поэтому управляющий театром сделал из нее красочный музыкальный спектакль, который играется в течение десяти дней. Мы попали сюда как раз в последний кульминационный день торжеств. Феи предстанут перед [33] королем во всей своей красе и вручат ему драгоценные подарки. Правда, делается это так, для проформы. Ведь король для этой цели вынужден выделять средства из собственной казны...

К нам подошел слуга, низко поклонился и предложил чашу с шербетом. Пока я пил, мне рассказали содержание пьесы, игравшейся в предыдущие девять дней.

После короткого пролога пьеса начинается с того, что на сцену выходит сам Индра и созывает своих фей, чтобы они развлекали его пением и танцами. Демоны поочередно приводят четырех главных фей по имени Топаз, Сапфир, Рубин и Изумруд. Каждая из них исполняет длинный цикл песен, не имеющих ничего общего с содержанием пьесы. Сначала они исполняют лирические газели, сочиненные по персидским образцам, затем индийские напевы, посвященные весеннему празднику холи. При этом феи как бы преображаются в пастушек, заигрывающих с богом Кришной. Затем наступает очередь песен, посвященных благодатной поре дождей — саванов.

Со второго дня начинается собственно действие. Фея Изумруд, побывавшая в мире людей, приказывает Черному дэву доставить ей принца Гульфама, в которого она влюбилась, увидев спящим на открытой галерее дворца. Черный дэв спешит исполнить приказание и через мгновение кладет к ее ногам спящего юношу. Фея Изумруд будит его и признается в своей любви. Сначала принц отвергает ее, но затем в нем пробуждается желание попасть в царство волшебных дев — Перистан. Он обещает Изумруд, что полюбит ее, если она отведет его ко двору бога Индры. Фея предостерегает принца — такое легкомысленное желание может привести его к гибели. Однако принц настаивает, и Изумруд, переодевшись певицей, на летающем троне переносит его в царство Индры. Там по совету феи принц прячется в саду, однако Красный дэв обнаруживает его. Изумруд вынуждена признаться в своей любви к сыну человека. В наказание Индра отбирает у нее крылья и изгоняет из Перистана, а принца повелевает заточить в глубоком колодце на горе Каф.

В следующем действии бывшая фея предстает в виде кающейся отшельницы. Она бродит по свету с лицом, посыпанным пеплом, и поет в пустыне диким зверям грустные песни о своей несчастной любви. Однажды ее песни услышал Черный дэв, который сообщает своему [34] правителю о певице с волшебным голосом. Индра призывает ее к своему двору. Грустные песни отшельницы настолько тронули сердце Индры, что в знак своего расположения он предлагает певице сначала бетель, затем гирлянду цветов, которую снимает с себя, и, наконец, почетную шаль. Изумруд отказывается от всех подарков и просит вернуть ей принца Гульфама. В этот момент Индра узнает фею, прощает и посылает Красного демона за принцем. Счастливые влюбленные снова вместе. Так заканчивается эта часть представления.

— Сегодня вы увидите заключительные сцены спектакля, — спешит закончить свой рассказ Аманат, — основное место в них будут занимать песни и танцы в честь повелителя волшебниц. Давайте выйдем во двор. Кажется, там уже начинается спектакль.

В этот момент за окном стал разливаться ярко-алый свет. Мы выбежали из дворца, и еще на лестнице нас ослепил свет бенгальских огней. Все небо над Императорским садом было залито сверкающим огнем красочного фейерверка. Золотистые капли огневого дождя не успели еще долететь до земли, как в небо взметнулись новые струи разноцветных фонтанов. Было такое впечатление, будто кто-то разбросал по небу тысячи радужно сверкающих жемчужин, волнистые ряды которых приобретают очертания огненных змей. Огни искрились над дворцом маленькими звездочками, среди которых проплывали голубоватые, похожие на полную луну шары. Началось царственное шествие. Из дворца вышли слуги правителя. Впереди выступал плащеносец наваба, за ним ответственные за

хукку, за приготовление бетеля и расстилание ковров. Потом шел главный егерь. На нем был бархатный плащ, на поводке он вел дрессированного леопарда. Появились главный придворный, старший жрец, конюший... Вслед за самыми знатными придворными появился сам наваб, сопровождаемый свитой куртизанок. Он поднялся на сцену и тут же опустился на мягкую подушку инкрустированного драгоценными камнями трона. Над ним взметнулся балдахин со свисающими рядами жемчуга. Вокруг трона выросли хрустальные деревца необыкновенной красоты, с листьями из изумрудов. На сцену вышли главные действующие лица спектакля: алая, золотистая и голубая феи в тяжелых парчовых платьях, с зелеными крыльями на спинах, несчастный принц Гульфам и его любимая — кающаяся грешница — она в лохмотьях. Здесь же топчатыся, наступая [35] друг другу на хвосты и поправляя маски на головах, ужасные дэвы.

После того как наваб, британский резидент и придворные заняли свои места, музыканты, расположившиеся возле трона, начали постукивать кончиками пальцев по табла́, проводить смычком по саранги и трогать струны ситара. Над головами зрителей разлилась чарующая мелодия флейты шахнаи. Наваб сделал знак рукой, и из-за занавеса бесшумно появилась стройная девушка. В руках у нее веер из павлиньих перьев. Блестящие иссиня-черные волосы девушки были заплетены в косы, скрепленные несколькими рядами жемчужных нитей, в причёске сверкали серебряные булавки и заколки. Легкая, словно паутинка, вуаль ниспадала с головы на белую прозрачную ткань, которая скорее подчеркивает, чем скрывает, золотистую наготу ее тела.

Прекрасная куртизанка садится перед зрителями, вуалью прикрывает руки и ноги. Мой сосед пояснил мне, что она исполнительница танца тхумри (дословно: «семенить ногами»). В то же время это и короткая любовная песня, под ее аккомпанемент исполняется танец. В песне говорится о жажде любви, любовном томлении и отказе, пробуждении чувств и успокоении. Расскажу вам о болезни, от которой нет лекарств, И о муках, для которых все лекарства яд, —

пела певица под монотонные удары небольшого барабана и мелодичные звуки ситара. После первых строк песни она встала и в танце пыталась изобразить любовные страдания. Затем исполнила тот же куплет еще раз и при помощи новых танцевальных движений «рассказала» о своей страсти еще более выразительно. Последовали новые куплеты и новые танцевальные повторы, короткие тхумри давали ей возможность показать бесчисленное количество вариантов пластического танца на одну и ту же тему.

Свои чувства танцовщица передавала сначала мимикой лица, главным образом выражением и движением глаз. Она то стыдливо наклоняла голову, то из-под полуприкрытых ресниц бросала вызывающие взгляды на своего правителя и зрителей.

— Обрати внимание на игру глазами, — сказал Аманат. — Конечно, из персидской поэзии тебе известно, что такой кокетливый взгляд называется гамза. Этот, вероятно, единственный мусульманский выразительный элемент [36] в индийском танце пришел к нам из Ирана. Наши мастера танца считают, что гамза превосходно отвечает представлениям индийцев о том, что глаза — зеркало человеческих чувств.

Темп танца все убыстрялся. Стройные руки танцовщицы, украшенные браслетами с колокольчиками, стремительно взлетали, словно языки пламени, и неожиданно бессильно опускались. Бедра вызывающе колебались в быстром ритме барабана, а тяжелые груди под легкой просвечивающейся материей двигались в такт. В момент наивысшего напряжения музыка внезапно прекратилась, чтобы через мгновение разразиться в еще более яростном темпе.

— Если бы это зависело от меня, не разрешил бы ей выступать на сцене без специально сшитого классического костюма, — раздался сзади нас бархатный баритон.

Аманат оглянулся, по-дружески поклонился какому-то господину, а затем представил мне его: Тхакур Прасад, известный мастер лакхнауской танцевальной школы.

— Танцовщица должна быть одета в прекрасное шелковое сари нежных тонов или же в широкую свободную юбку, прилегающий корсаж и вуаль с блестящими зеркальцами, — сказал Тхакур Прасад. — Ведь тхумри — это вид катхака, танца эпического, корни которого глубоко уходят в древние индуистские традиции.

У нас в Лакхнау этому виду танца пришлось приспособиться к новым условиям и соединить в себе индуистские и мусульманские элементы. Что касается меня, то я стараюсь выбирать такие сюжеты, которые давали бы возможность раскрыть все прелести куртизанок наваба, но вместе с тем не уводили бы катхак далеко от его первоначального религиозного содержания. Поэтому я использую чаще всего легенды о боге Кришне и его возлюбленной Радхе, — они наиболее полно отвечают тем требованиям, о которых я говорю. Однако со старыми текстами кришнаистских легенд соперничают пришедшие извне формы, главным образом лирические газели на урду и персидском языках. Наш правитель сам сочинил несколько тысяч газелей. Его куртизанки исполняют их в свободных танцевальных формах, которые, хотя и используют выразительные средства катхака, однако ничего общего с его прежним содержанием не [37] имеют. С чуждыми сюжетами в наш танец проникают также и мусульманские костюмы, и гаремные ужимки.

Учитель танцев с явным неудовольствием покачал головой и стал пробираться к сцене, на которой разворачивалось заключительное действие. Старший придворный разложил на ковре перед повелителем великолепную кашмирскую шаль с золотой вышивкой. Наваб встал на нее и взял в руки цветочные гирлянды. Он будет награждать ими тех, кто преподнесет ему свои дары. Но не успели придворные встать в полукруг, как к навабу подбежала девушка, чтобы символически пожертвовать ему свое целомудрие. На какой-то момент она застыла на месте под звуки небольшого барабана мриданга. На ней были лишь пояс из тяжелых шнуров белого жемчуга и гирлянды алых кораллов, под которыми сверкали в невиданном количестве золотые украшения. Когда раздался звук гармонии, девушка начала свой танец, во время которого она постепенно снимала с себя одну связку кораллов и жемчугов за другой и складывала их к ногам наваба. Ритм музыки все убыстрялся, а с ним и движение рук танцовщицы. Девушке как бы не хотелось расставаться со своими драгоценностями, но она должна была это сделать, ибо иного выхода не было, и один за другим они покидали ее тело, браслет за браслетом, пояс за поясом и, наконец, зазвенели снятые с ног браслеты, и танцовщица, лишенная всех своих

украшений, смиренно склонила колени возле ног наваба.

— Шабаш! Превосходно! — закричал повелитель и опорожнил в честь своих фей несколько чаш вина. Он пожал руку резидента, преподнесшего ему украшенную резьбой шкатулку для драгоценностей, и стал надевать гирлянды на высших придворных сановников.

— Надо бы и тебе что-нибудь ему вручить, — напомнил мне поэт.

Об этом я и не подумал, поэтому ничего с собой не взял. Однако я вспомнил, что у меня есть миниатюрный коран, изданный в чешском городе Вимперк, может, он подошел бы к данному случаю. Надо мигом слетать в дом профессора.

В этот момент я просыпаюсь от сильного чиханья. Нечего и удивляться, ведь я босой стою на каменном полу и почему-то роюсь в чемодане. [38]

Шиитские празднества

Спустя дня три после нашей первой встречи Шамим снова зашел за мной, на этот раз уже в общежитие. Он не забыл о своем обещании сопровождать меня во время шиитского праздника мухаррама.

Каждый год в месяце мухаррам шииты устраивают свои самые большие мистерии. В это время отмечается и начало мусульманского Нового года, так как мухаррам, в переводе с арабского языка «заповедный, священный», является первым из двенадцати месяцев мусульманского лунного года. Мусульманский год содержит 354 дня, поэтому праздник мухаррам отмечается каждый раз в разное время. Он начинается сразу же после того, как достоверные свидетели увидят на небе выходящий серп нового месяца, и продолжается десять дней, которые называются ашура, то есть «десятка». На индийском субконтиненте шиитские мистерии проходят с наибольшим размахом в таких старых мусульманских центрах, как, например, Лакхнау, индийском и пакистанском Хайдарабадах и в Карачи. Во время ашуры мистерии инсценируют трагические события, которые имели место в арабских странах Западной Азии тринадцать столетий назад, когда между различными группировками мусульман развернулась борьба за место халифа — имамат.

Во главе сирийской провинции стоял тогда наместник Муавия из рода Омейядов. Прямые наследники пророка Мухаммеда — его дочь Фатима и ее муж, двоюродный брат пророка, «праведный халиф» Али, глава шиитов, — были уже отстранены с ведущих позиций в общине верующих, и место заместителя пророка, то есть халифа, заняли чужие им люди. Позднее Али был убит, а его старший сын, второй шиитский имам, отравлен. На защиту прав семьи пророка выступил младший сын Али, третий шиитский имам Хусейн.

Тем временем Муавия из рода Омейядов сделал халифом своего сына Язида. Тот призвал Хусейна признать его за главу мусульман и подчиниться. Однако Хусейн отказался сделать это и с небольшим отрядом своих приверженцев выступил из Мекки, чтобы свергнуть халифа Язиду. Уже будучи в пути, он получил известие о поражении своих сторонников в Куфе, но не захотел повернуть назад.

На второй день мухаррама 61 года хиджры (10 октября [39] 680 года по

григорианскому календарю) Хусейн со всего лишь семидесятью самыми верными единомышленниками стал лагерем в безводной пустыне у местечка Кербела недалеко от Куфы. Здесь его окружило четырехтысячное войско халифа. Путь к реке Евфрат был отрезан, и отряд Хусейна, находясь в сильную жару в пустыне, страдал от нестерпимой жажды. Однако шииты отказались сдаться и предпочли честную смерть в бою. Имам Хусейн погиб в неравном бою на восьмой день мухаррама. В тот же день были убиты младший брат Хусейна Аббас, а также его племянник Касим. Победители перебили небольшую горстку шиитов, взяли в плен их жен, и, выстроив их в одну колонну, во главе которой несли отрубленную голову Хусейна, отправили к халифу в Дамаск.

Поражение у Кербелы решило судьбу шиитов: сторонники Али навсегда потеряли свое ведущее положение в мусульманской общине. Шииты, разбросанные по всему свету, до сих пор чтят кербельских мучеников как святых и верят, что попадут в рай, если хотя бы один раз в жизни прольют за них кровь и слезы. Эта вера лежит в основе кровавых шествий, которые можно увидеть в годовщину кербельской битвы на улицах индийских и пакистанских городов. Такие шествия выходят из имамбар, которые также носят название таазиехана («дом оплакивания»). Здесь во время мухаррама отпевают на протяжении целой ночи шиитских мучеников и ставят катафалки. Перед началом мухаррама в таазиехану также торжественно приносят и оружие героев. Например, двойной меч Али, подаренный ему пророком Мухаммедом. Тут же находятся различные символы, например подкова рысака, на котором Хусейн ехал к месту своей последней битвы. Говорят, ее нашел в Ираке какой-то шиитский паломник и принес с собой в Индию. За подковой несут знамя шиитских воинов, а также панджу, изображение руки Али или Фатимы с пятью растопыренными пальцами, шиитский талисман, обладающий чудодейственной силой против зла. В лакхнауских шествиях непременно увидите и символ рыбы, изготовленный из серебристой или золотистой жести. Доказательство того, что навабы Лакхнау всегда с гордостью заявляли о своей принадлежности к шиитской ветви ислама.

Перед началом мухаррама каждую ашурхану украшают так, чтобы она могла достойно встретить процессию [40] со знаменами и другими реликвиями. Знаменосцы устанавливают знамена перед зажженными светильниками, рядом ставят шесты с хвостами яков — символом королевской власти, благовонные палочки на подставках и развешивают гирлянды цветов. Тут же кладут камень с отпечатком ступни пророка — кадам-е расул. Вечером под знаменами располагается хор мальчиков. Всю ночь они поют псалмы, в которых поэтически и до мельчайших подробностей рассказывается о битве при Кербеле. После таких ночных бдений (шаб-бедари) присутствующих угощают сладостями и шербетом. Прежде чем их отведать, все должны еще прослушать проповедь муллы, посвященную мученикам Кербелы.

С господином Шамимом у нас была договоренность, что он покажет мне матам — обряд хождения по огню. На пятый день мухаррама он взял меня с собой в одну из имамбар, на широком заднем дворе которой должен был состояться ритуал матам. Шамим обратил мое внимание на неглубокую четырехугольную канаву, по краям которой была низкая глиняная насыпь.

— Это алао, огненная яма, — пояснил он мне. — Как видите, она размером примерно в полметра шириной и в два длиной. Ее копают каждый год на том же самом месте, причем делают это в торжественной обстановке: как только на небе

покажется серп молодого месяца, самые почтенные шииты совершают обряд начала копания мотыгой. Затем осторожно снимают дерн и углубляют место для горящих углей.

Стали собираться участники матам. Сначала пришли первые энтузиасты. На некоторых из них была новая одежда, как и полагается в праздники, на других — повседневная. Зато все они были босые. В вечерних сумерках худой дервиш с четками на шее заполнил ров древесными углями, стараясь как можно ровнее высыпать их из мешка. Затем он поджег их и стал ждать, пока они разгорятся.

Тем временем собралось уже много народа: как участников, так и зрителей. Поодаль устроился барабанщик, и певцы затянули свою заунывную долгую песню в однотонном ритме элегии. В их глазах отражался красноватый свет невысокого пламени, освещающего столпившихся у площадки людей. Первым на огненную дорожку вышел сам дервиш. Подбрав длинную темную юбку, мелкими шажками он пританцовывал на пылающих углях. Я все ждал, когда у него загорится кожа на [41] ступнях ног, но ничего подобного не произошло. Я поинтересовался у Шамима, как же это у дервиша так получается.

— Иногда говорят, что огненные танцоры натирают ступни ног поташем, который создает как бы защитную пленку, — смущенно ответил Шамим, — но я этому не верю. Все чудо состоит, по-моему, в определенном ритме движений ногами и в том, как осторожно они ступают. Ну и, конечно, в силе духа, благодаря которой они могут управлять своими физическими ощущениями.

Через огонь, который, возможно, символизирует раскаленный песок кербельского поля битвы, проходили все новые и новые фанатики. Каждый, держа в руках меч или хотя бы палку, пританцовывал на раскаленных углях и перепрыгивал высокие языки пламени. Некоторые даже брали горящие угли в руки и разбрасывали вокруг себя полные горсти огня. Менее отважные довольствовались тем, что бегали вокруг огненной дорожки и кричали:

— О, Хасан! Король Хусейн! Друзья, останьтесь! Хаэ, Хаэ! Беда, Беда!

На противоположном конце лужайки женщины выкопали огненную яму для себя. Одетые в новые наряды из блестящего черного батиста, они сидели вокруг огня, смотрели на пляшущие языки пламени, напевали псалмы и в песенном ритме ударяли себя в грудь. Даже до нас долетали их выкрики:

— Хаэ, Хаэ, благородные воины! Залитые кровью! Все трое погибли! Они мертвы! О, Али!

Шамим сказал, что, если у шиитов нет возможности развести огонь, они садятся вокруг глиняного горшка, перевернутого вверх дном, ставят на него свечу и рыдают над ее пламенем. Затем он стал убеждать меня уйти отсюда, прежде чем страсти фанатиков, возбужденных болью, вспыхнут и обратятся против иноверцев.

Под иноверцами он, конечно, имел в виду скорее себя, чем меня. Он суннит, следовательно, потомок тех, кто виновен в смерти Али и его сыновей. Пожалуй, он прав, нам лучше поскорее убраться отсюда.

На следующий день Шамим повел меня в центр старого города, заселенного в основном мусульманами. За ночь здесь почти на каждом углу выросли ярко разрисованные палатки из дерева, картона и из длинных полос материи. Одни из них скромно прижимались к узким входам в дома, другие как бы напоказ выставляли [42] свои позолоченные купола, охраняемые тонкими минаретами из покрашенных белой краской планок. Были и такие, которые потрясали прохожих серебряными украшениями своих балдахинов и ослепляли их масками драконов. Услужливые руки протягивали прохожим металлические кружки с холодной водой или стаканы с шербетом.

— Это абдарханы, хранилища воды, — пояснил мне Шамим. — Их еще называют себилы или свободные колодцы. Шииты ставят их в память о том, как мученики их религии вынуждены были страдать от невыносимой жажды во время битвы при Кербеле. Посмотрите, на этом красном знамени мы можем прочесть стихи Аниса о жажде Хусейна и его сторонников. А рядом, на другом знамени, зеленого цвета, вы разберете имена Аллаха, пророка Мухаммеда и нескольких имамов. На себيله около мечети вы увидите цитаты из Корана, которые наверняка будут засыпаны цветочными гирляндами и надувными шариками. Вы даже представить себе не можете, что произойдет, когда наступит вечер! Как только стемнеет, каждая большая себила осветится зеленым или красным неоном, а ее силуэт высветится рядами маленьких лампочек.

Я подумал, что вряд ли смогу еще раз прийти сюда, когда себилы будут здесь еще стоять. Но Шамим словно прочитал мои мысли и оказал:

— Они останутся тут, пока не пройдет главная процессия. Тогда настанет самый большой спрос на воду. Если воды в себилах не хватит на всех, то на улицах поставят передвижные цистерны на повозках, запряженных ослами или мулами. У кого будет очень большая жажда, тот сможет утолить ее прямо из шланга одной из пожарных машин, которые целый день дежурят на улицах.

Второй раз я так и не сумел выбрать время, чтобы посетить себилы. Одно шествие сменялось другим. На седьмой день мухаррама через весь город прошла процессия в память мученической смерти племянника Хусейна Касима. В возрасте десяти лет его помолвили с дочерью Хусейна Фатимой, но еще до свадьбы он погиб в битве у Кербелы. Сегодняшняя процессия воспроизводила свадебное шествие Касима. Во главе верхом на украшенной лошади ехал мальчик, одетый как жених, в руке он держал знамя Касима. За ним следовала процессия, впереди которой шел оркестр, затем [43] танцовщицы, пританцовывая и напевая элегии, ударяя при этом себя в грудь и время от времени, жалобно выкрикивая: дулха, дулха! — «жених, жених!». В ашурхане мальчика положат на катафалк, обмоют словно покойника и оденут в саван. Затем придут плакальщицы, и всю ночь из ашурханы будут раздаваться их стенания.

На следующий день шииты обычно устраивают поминки младшего брата Хусейна Аббаса, погибшего мученической смертью при попытке пробиться через окружение к Евфрату и принести своим соратникам воду. В тот же, восьмой день погиб также и имам Хусейн, поэтому в процессиях можно увидеть завернутые в материю копья с наколотыми на них лимонами, которые символизируют отрубленную голову Хусейна.

В предпоследний день мухаррама по улицам города движется процессия зуль-

джанах — «окрыленный» (так называли быстрого словно ветер коня Хусейна). Впереди идут люди, которые несут подкову — символ коня Хусейна. Они врезаются в толпы зрителей, толкают и бросают их на землю, как бы тем самым демонстрируя боевые качества коня Хусейна. Шииты приписывают подкове волшебные свойства и наделяют сверхъестественной силой. Они верят, будто от прикосновения к ней проходят все болезни, подкова может способствовать рождению сына или исполнению сокровенных желаний и т. п. Во время ашуры шииты строго следят за чистотой своей одежды, дома избегают всего, что могло бы осквернить их тела: не общаются с женщинами, не едят мясо и рыбу и не жуют бетель. У шиитов молодая жена открывает свое лицо мужу и переходит к нему в дом лишь после первого мухаррама.

Наконец наступает десятый, самый торжественный день мухаррама — день мученичества, поминовения имама Хусейна. Шамим заранее обещал мне, что отведет меня к одному своему знакомому, дом которого находится на центральной улице. С балкона этого дома мы сможем спокойно наблюдать за всей процессией.

Безусловно, на религиозные шествия лучше смотреть сверху, чем участвовать в них. К тому же следует учитывать, что хотя шииты и не отличаются особой вспыльчивостью, однако в десятый день мухаррама у некоторых из них кровь словно вскипает. Достаточно незначительного повода, неуместной улыбки или шутки для того, чтобы началось кровопролитие. Любопытный зритель — суннит или индус — легко может стать жертвой [44] остро наточенных ножей, и тогда весь город превращается в арену братоубийственной распри.

Центральная улица уже была заполнена народом. Все ждали главную и самую длинную процессию, в которую по мере ее прохождения вливались из прилегающих улиц толпы. Зрители с нетерпением ожидали увидеть снова все знамена и знаки кербельских мучеников, их оружие, катафалки и королевские троны. Однако более всего внимание присутствующих привлекало основное действие сегодняшней программы — шествие самоистязателей с бичами и камнями в руках.

На башне англиканского костела пробило девять часов, и улица под нами заволновалась. Из большой имамбары выползла белая змея траурной процессии имама Хусейна. Полицейские в белой униформе с помощью длинных дубинок пробивали дорогу для торжественного шествия в толпе зрителей, заполнявших всю улицу. Во главе процессии появился всадник на черном как уголь коне. Он беспрестанно бил по свисающим на ремнях двум барабанам. В его окружении шли дудари и знаменосцы. Вслед за ними появилась лошадь, к седлу которой за ноги были привязаны два белых окровавленных голубя, символизирующие души погибших мучеников. Чуть поодаль величаво выступал слон. В знак траура погонщик, сидя на спине слона, сыпал вокруг себя пепел. Появился еще один конь без всадника: на его седле — оружие Хусейна.

Толпа раздалась еще больше — перед зрителями проходили кающиеся грешники. Они били себя то ладонями, то кулаками по обнаженным телам. Одни раздирали себе кожу при помощи стальных ежей или круглых латунных щеток, другие — деревянными палками и острыми камнями. В ритмичные удары деревянных палок и глухих шлепков грузных плеток вплетались выкрики:

— Ха-сан! Ху-сейн! Ха-сан! Ху-сейн!

Затем до нашего слуха долетели пронзительные крики, и зрители спешили занять лучшие позиции, стремясь ничего не пропустить из происходившего на улице. Шли самоистязатели. Тела у них были забрызганы засохшей и свежей кровью. Одни держали в руках длинные острые ножи, которыми они время от времени наносили себе удары по телу. Другие били себя цепями с остро заточенными крючками на концах так, что кровь брызгала во все стороны. Менее азартные истязали себя [45] плетками с узелками на конце и вместо кровавых ран довольствовались синяками и шишками.

Как правило, бичеватели идут по двое, лицом к лицу, поощряя друг друга к новым ударам. Многие были обнажены по пояс. Из глубоких ран кровь стекала на белые брюки. Многие одели белые длинные рубахи, как будто для того, чтобы еще более усилить эффект от пропитанной кровью одежды.

Самоистязатели шли приплясывая по пыльной дороге, их головы мотались из стороны в сторону, словно шейные позвонки у них были перебиты. Они размахивали руками и с пеной у рта охрипшими голосами скандировали:

— Я Хасан! Я Хусейн! — В том же ритме следовали удары ножами, камнями или плетками по телу. Они брели, ничего не видя перед собой, залитые кровью, с вытаращенными глазами, со страдающими и истощенными лицами.

По обе стороны шествие сопровождали друзья и родственники основных участников. Можно было подумать, что они здесь для того, чтобы воодушевлять самобичевателей. Однако стоящий рядом со мной знаток шиизма сказал:

— Сопровождающие самоистязателей люди здесь для того, чтобы присматривать за «своими» и не дать им случайно зарезаться. Бывает и так, что какой-нибудь ярый поклонник Хасана теряет контроль и начинает лупить себя с такой силой, как будто решил расстаться с жизнью. Заметив это, родственники и друзья набрасываются на своего горе-бичевателя и отводят его в безопасное место.

— Неужели бывают случаи со смертельным исходом? — поинтересовался я.

— Насколько мне известно, в последние годы смертельных случаев не было. Может быть, это объясняется тем, что большинство бичевателей стало пользоваться лишь плетками. Но в прошлом столетии случалось еще и так, что разъяренные зрители в ажиотаже набрасывались на актера, представлявшего убийцу Хусейна, и, переполненные ненавистью, убивали его. Что касается тех самоистязателей, которых вы видите, то можете о них не беспокоиться. Как только шествие закончится, тяжелораненых отнесут в баню, где им перевяжут раны и напоят напитком, который способствует быстрому восстановлению крови. Остальные обращаются за помощью [46] к традиционному лекарю — хакиму, и после того, как тот обработает их раны, они снова возвращаются на празднество.

Между тем на нас надвигались колеблющиеся из стороны в сторону разноцветные башни с куполами — табут, или тазия, что значит «катафалк». Это своего рода похоронные носилки на бамбуковом каркасе, обвешанные блестящей материей, бумажными украшениями и цветными зеркальцами, — копия мавзолея, возвышающегося в кербельской равнине над останками Хусейна.

— Традиция строить тазии и носить их по городу восходит, собственно говоря, к Тамерлану, — объяснил мне однокурсник Шамима. — Говорят, совершив паломничество в Кербелу, он приказал построить миниатюрную гробницу Хусейна в память о нем. В 1398 году Тамерлан вторгся в Индию, и обычай строить тазии распространился по всей стране, а шествия с тазиями стали главной частью мухаррама. Сегодня в нашем городе наверняка несут еще несколько сот таких табутов. Иногда вслед за ними движется еще и трон Хусейна, обвешанный коралловыми бусами и обклеенный для блеска кусочками слюды.

Меня заинтересовало, куда направляется процессия и что затем будет с катафалками.

— По индийскому обычаю процессии направляются к месту, которое называется карбала ка майдан — «кербельская равнина». У нас в Лакхнау это место находится на берегу реки Гомти. Там, в заранее выкопанных очагах, разведут костры, три раза обойдут вокруг них и, повернувшись лицом к Мекке, произнесут вводную суру из Корана. Затем снимут с катафалков ценные украшения, свернут занавески и отнесут знамена. Голые скелеты похоронных носилок бросят затем в воду. Эта традиция, в сущности, не имеет ничего общего с исламом. По всей видимости, раньше это был индуистский обряд обращения к богу с просьбой о дожде или о предотвращении наводнения. После того как обряд завершен, приходят фокусники с дрессированными медведями и обезьянами, крутятся карусели, — на «Кербеле» начинается народное гулянье.

Шиитский праздник ашура подходил к концу. Раньше в имамбарах или на «Кербеле» еще показывали мистериальные драмы, во время которых перед глазами зрителей снова представала грустная история членов семьи пророка. Однако подобные театральные постановки [47] ушли в прошлое. Здесь, вероятно, необходимо пояснить, что шиитские мистерии не похожи на христианские. Они не воспроизводят священный текст писания (в данном случае Корана), а пересказывают события в устной форме.

Профессор Ахтар выдает свою дочь замуж

Прекрасным весенним днем ассистент Ахмад и я шли по улицам навабского города. Мы были приглашены на мусульманскую свадьбу, которая, вероятно, будет далеко не ординарной. Дело в том, что профессор здешнего университета выдавал свою дочь замуж. Человек он зажиточный и придерживающийся мусульманских традиций, поэтому мы надеялись увидеть свадебные торжества такими, какими они бывали во дворцах Лакхнау в былые времена.

Мы свернули за угол и оказались перед мощными воротами в высокой стене. У входа нас встретили слуги в желтых ливреях. Они низко кланялись и приглашали нас войти в сад, который, как и стоящий в нем дом, гудел от лихорадочного возбуждения. Дамы, одетые в пестрые шелковые сари, метались с одного места на другое, стараясь как следует все приготовить к достойному приему гостей.

Мне было непонятно, что, собственно, здесь происходит сегодня? Ведь профессор предупреждал, что свадебный обряд состоится лишь через несколько дней. Понятно, что организовать настоящую свадьбу дело не простое; ведь о ней будут позднее рассказывать и вспоминать как о чем-то сказочном. Однако до

свадьбы еще далеко, а сегодня мы будем свидетелями лишь предварительного обряда, который называется манджха, что означает не что иное, как «оттирание невесты», точнее ее свадебное купание.

Мы вошли в большой, специально украшенный по этому случаю зал. С красками цветов соперничают пестрые оттенки занавесок и портьер, пропитанных солнечными лучами, благодаря чему они выглядят еще более светлыми и воздушными. На мозаичном полу раскинуты чистые белые простыни. Мягкие коврики и туго набитые валики как будто приглашали гостей снять обувь и с удобством расположиться, то есть в данном случае сесть на пол, скрестив ноги. [48]

Меня усадили на самое почетное место в зале, на ковре, за спину и под локти подложили подушки так, чтобы было удобно не столько сидеть, сколько полулежать. Пытаюсь подобрать свои ноги в носках под себя, как это сделали остальные. Мне это не совсем удастся, чувствую, что поза моя неудобная: с непривычки я так долго не выдержу.

Надо мной склонился слуга. В руках он держал большую серебряную шкатулку, крышка которой была сделана в форме остроконечного купола. В этот момент ко мне подошла хозяйка дома (не забывайте, что мы гости современной эмансипированной семьи). Она открыла крышку шкатулки и предложила мне бетель, однако не в таком виде, в каком его обычно преподносят после еды, то есть уже завернутым в кулек. На сей раз мне предложили отдельные компоненты бетеля с тем, чтобы я сам мог приготовить его по своему вкусу. К сожалению, у меня нет никакого опыта приготовления пана (как называют такую бетелевую самокрутку), и я попросил хозяйку сделать это вместо меня. С милой улыбкой она вынула из шкатулки серебряный ящичек, и тут передо мной предстало все богатство его многочисленных отделений. Здесь и мелкие колотые арековые орешки, и табак, и кардамон, и гвоздика, и белая липкая известь. Из верхней части шкатулки хозяйка достала свежий, чисто вымытый и еще влажный лист бетеля. Одну его половину она быстро намазала известью, а другую густым арековым соком, затем посыпала его сверху кусочками арека, кардамоном и гвоздикой. Несколькими ловкими движениями пальцев она свернула содержимое в изящный кулечек, а затем обернула его еще серебристой фольгой. Наконец, с присущим ей очарованием, она подала мне свое творение. Я закрыл глаза, положил в рот бетель и мужественно начал жевать.

Признаться, от бетеля я никогда не испытывал наслаждения, может, потому, что я не курю. Сок бетеля обладает одновременно сладковатым, горьковатым и еще немного кисловатым вкусом. Бетель быстро окрашивает десны и губы в некрасивый, как мне кажется, яркий красно-коричневый цвет. Честно говоря, мне всегда хотелось эту большую бесформенную жвачку как можно скорее раскусить и проглотить. Еще легче было бы сразу ее выплюнуть, однако от такого шага меня всегда удерживали правила приличия.

Итак, я с достоинством выполнял светскую обязанность [49] гостя — учтиво жевал бетель и вместе с тем поглядывал, где же все-таки стоит обычная для богатых лакшнауских домов серебряная чаша. Это тхукдан, или просто плевательница, которую обычно ставят возле гостей. Найдя тхукдан, я с большим чувством облегчения выплюнул разжеванные кусочки бетеля.

Тут в зал вошел профессор и стал знакомить меня с присутствующими. Большинство гостей — хорошо знакомые семьи, уже не раз бывавшие здесь. Остальные, в том числе и я, приглашены сюда впервые. Обрядовое купание невесты является первым торжеством, на которое приглашаются многочисленные родственники и знакомые. В Индии бракосочетание не проходит в таком быстром темпе, как у нас. Здесь все должно совершаться размеренно и продуманно, так, как это происходило, в течение многих столетий.

Прежде всего должна прийти мушшата — «сваха», которая появляется даже тогда, когда жених и невеста давно уже знакомы между собой. Правда, такое случается лишь в зажиточных европеизированных семьях. Итак, сваха вместе со своими помощницами и длинным списком надежных женихов приходит в дом будущей невесты. О каждом кандидате в женихи она поет дифирамбы, восхваляет его высокую образованность, кроткий характер и набожность, сказочное богатство, движимое и недвижимое. В такой момент у невесты, бывает, ёкнет сердце, — вдруг родители выберут не того, кто ей мил. Однако все кончается счастливо.

После выбора жениха приглашаются его ближайшие родственники — с ними обсуждаются все подробности предстоящего бракосочетания. Необходимо определить время проведения предсвадебных обрядов, ну и, конечно, установить дату самого бракосочетания. Лишь после этого можно считать, что состоялась мангни — «помолвка».

Мангни дочери профессора проводилась в точном соответствии со стародавними традициями. В установленный день пришли родители жениха, заблаговременно прислав рулоны парчи и прошитые золотой нитью шелка, цветы жасмина и дюжину корзин со сладостями. Гостям демонстрировали невесту, одетую в один из подаренных нарядов и увешанную драгоценностями. При этом невеста, как это и должно быть, выглядит олицетворением скромности; конец сари прикрывает ее лицо и низко склоненную голову. Родственники жениха передают [50] ей украшения и драгоценности, которые принесли в подарок. Затем они кладут ей в рот сахарный песок и преподносят великолепно расшитый кошелек, в котором невеста находит пятьсот рупий. Не позабыты и ромини, профессиональные цыганские певицы, которые приглашаются для исполнения старых свадебных напевов.

Солнце медленно опускалось за горизонт, и дом наполнился празднично одетыми гостями. В углу зала на низких, искусно задрапированных красным ковром подмостках лежало несколько подносов, накрытых желтыми вышитыми покрывалами. Сюда слуги складывали подарки. На одном из подносов стоял изящный серебряный стульчик. Рядом на серебряной тарелке семь круглых пинди (особый вид сладостей), которые были специально приготовлены по случаю обрядового купания невесты. Позади блестела серебряная чаша, наполненная мягким, хорошо замешенным тестом, от которого, говорят, кожа невесты светлеет. Дело в том, что светлая кожа в Индии считается более привлекательной, чем темная. Наверное, сказывается влияние все еще бытующего предрассудка о превосходстве белой расы. Поэтому и невеста со светлой кожей ценится дороже. На последнем подносе лежит одежда жениха, сшитая из желтого блестящего шелка. Ее осыпали для полного счастья жареными зернами риса. Здесь был вышитый золотом тюрбан в гирляндах жасминовых цветов.

Младшие дочери хозяина подняли с подноса серебряный стульчик и перенесли его в комнату невесты, где ниспадающий с потолка пурпурный занавес образовывал своего рода шатер. Сестры поставили стульчик внутрь шатра, усадили на него невесту так, чтобы ее лицо было обращено в сторону Мекки, а под ступни ног подложили листья бетеля. Затем они взяли стебли молодой зеленой травки и стали втирать их с помощью серебряных монет в волосы невесты.

Наконец, невесту торжественно искупали, одели в желтый наряд, присланный ей родителями жениха, а на левое запястье повязали ленту, другой конец которой позднее привяжут на запястье жениха. Мать, супруга профессора, предложила дочери присланные женихом сладости и со слезами на глазах попрощалась с ней со следующими словами:

— Сделала я для тебя, доченька, все, что могла. Теперь отведай еду своего супруга, который с сегодняшнего дня будет тебя содержать. [51]

И вот невесту ввели в зал, где уже собрались многочисленные гости. На этом обряд купания невесты закончился. Через несколько минут все выстроились в колонну, и торжественное шествие отправилось в дом жениха.

К тому времени на улице уже стемнело, и шествие сопровождали факельщики — они несли на головах мощные ацетиленовые лампы. В ярко-голубоватом свете ламп медленно движущееся шествие казалось фантастическим. Это впечатление еще более усилилось, когда несколько факельщиков встало в ряды музыкантов, одетых в красные пиджачки с золотыми галунами и бахромой на плечах, что очень напоминало форму цирковых укротителей зверей. Процессию сопровождал духовой оркестр городской полицейской части. Как выяснилось, отец жениха был хорошо знаком с начальником городской полиции, поэтому он без особого труда смог пригласить на свадьбу этот оркестр. Капельмейстер поднял кованный жезл, дал знак — и улица наполнилась оглушительными звуками военного марша колониальных времен, наполовину индийского и наполовину британского происхождения. Однако идти в ногу под такой марш вполне приемлемо, так что выстроившееся в колонну шествие стало двигаться быстрее.

Минут через пятнадцать мы свернули с улицы и оказались прямо у ворот большой современной виллы. В саду нас уже ждала семья жениха. В знак приветствия двоюродные братья жениха обрызгали гостей розовой водой и вручили каждому пучок ниток, смоченных в резких лакхнауских духах. Тут же сидели ромини, развлекавшие гостей непристойными песенками.

Сестры невесты, родные и двоюродные, согласно древнему обычаю, собрались за занавесом шатра и торжественно передали жениху желтую свадебную одежду, которую он надел тут же, прямо на костюм. Затем на шею ему набросили гирлянды цветов, украсили его тюрбан серебряными шнурками и кисточками, сквозь которые он почти ничего не видел. Наконец, его запястье обвязали вторым концом ленты, соединившей его с невестой, и возвратили ему расшитый кошелек с пятьюстами рупий, к которым теперь прибавилось еще пятьсот. Семья невесты таким образом показала, что и она не из бедных.

Тем временем гостям поднесли в серебряных чашах сладкий шербет. Старый обычай требует выпить шербет [52] и положить на поднос пять или десять рупий.

Вместе с шербетом нам предложили каленые арековые орешки, сушеные фрукты и кардамон в серебряной фольге. Конечно, все гости были обвешаны сладко пахнущими цветочными гирляндами из свежих оранжевых и белых лепестков, нанизанных на нити. В Индии редко можно увидеть букеты цветов. Цветы не продаются поштучно — их покупают на вес, а затем нанизывают на нити.

Торжественный день первого предбрачного обряда подходил к концу. Наступало время прощаться. Вечером накануне свадьбы сестры невесты и ее родители снова отправятся в дом жениха. Однако тогда все уже будет скромнее и тише. Жениху преподнесут пурпурное одеяние и свободный халат для первой свадебной ночи. Если на улице будет темно, то на края подносов, с которыми придут родственники невесты, прикрепят множество маленьких свечей. Вместе с гирляндами цветов, золотистыми кисточками и хной принесут и горку малиды, сладкой просяной запеканки. После передачи всех подарков жениха облакут в приготовленный наряд, а на указательный палец наденут кольцо с огненным рубином.

Наконец, наступает день свадьбы. Рано утром четыре замужние женщины купают невесту, поливают ее из большого глиняного кувшина, который за несколько дней до того был обмазан толстым слоем земли с зернами ячменя. Теперь ячмень пророс, и вся поверхность кувшина зеленеет нежными изумрудными побегами — знак плодородия. Женщины кладут на голову невесты Коран, втирают ей в кожу сандаловую пасту и окрашивают хной ладони и ступни ног. Затем ее обрызгивают духами и наряжают в свадебную одежду.

В знак того, что невеста готова к приему жениха, в его дом посылают сэхру. Это своего рода вуаль из серебряных нитей и гирлянд свежих жасминовых цветов. Лишь после того, как жених завесит себе лоб этой вуалью, свадебная процессия, то есть барат, может пуститься в путь. Еще в недавние времена жених ехал к невесте на разукрашенном слоне с позолоченными бивнями. Сейчас он едет в автомобиле, за которым вьется вереница машин, каждая от бампера до крыши увешана цветочными гирляндами. Однако, как и в давние времена, кругом разносятся трели свадебной свирели шахнаи. [53]

Гости ждали жениха перед домом профессора и приветствовали его праздничной стрельбой из пистолетов и ружей. Затем толпой прошли в шамияну, просторный разноцветный шатер, воздвигнутый по случаю свадьбы в саду. Народу было так много, что все гости просто не уместились бы в доме. Мы уселись на стулья перед возвышающимися подмостками, на которых приготовлен бархатный маснад, низкая скамеечка для священнослужителей.

Так как мы находились в шиитской семье, то кази — судьи, знатока законов здесь нет. Зато есть сразу два муджтахиды — мусульманских викария. Один — представитель невесты, другой — жениха. Они заблаговременно получили согласие жениха и невесты и теперь составляли вместе с ними никах — свадебный договор. Составной частью никаха должно стать соглашение о размере выкупа за невесту и порядке его передачи. Священнослужители завершили церемонию изречениями из Корана на арабском языке, после чего брак считается заключенным.

Шатер заполнился музыкантами и танцовщицами — началось представление. Жених исчез в женской половине дома, зенане, но нас, вопреки древним обычаям,

пригласили последовать за ним. Через открытые двери мы увидели еще одну часть торжественного ритуала бракосочетания — как сестры жениха накидывали ему на голову концы своих сари и вели к невесте, ожидавшей с закрытыми глазами. Она протянула ему руку, чтобы он взял губами с ее ладони рисовый пудинг. Сестры прикрепили на лоб невесты такую же, как у жениха, сэхру, опустили на лицо карминовую фату и посадили рядом с женихом.

Над молодыми растянули красное покрывало. Получилось нечто вроде балдахина, под которым поставили зеркало в серебряной рамке, а возле него зажгли свечу. Жених должен прочесть ихлас, главу из Корана о преданности и любви, а родные невесты — ответить ему. Чтобы молодожены были богаты и имели много детей, их обсыпали жареным рисом. Затем жених произнес:

— Открой глаза, невеста, я твой раб.

Невеста послушно открыла глаза, посмотрела в зеркало, в котором она, согласно древним традициям, впервые должна увидеть лицо своего суженого.

Наступила самая грустная часть церемонии — прощание невесты с родителями. Певицы исполнили бабуль, [54] печальные песни о том, что девушка должна покинуть тех, кто ее так любит, и уйти к чужим людям. Все женщины стали плакать и плакали до тех пор, пока молодой супруг не поднял на руки жену и не отнес ее в машину. После того как они приедут домой, он посадит жену на низкую табуретку в гостиной, раскинет на полу конец ее сари, преклонит на нем колени, и они вместе прочтут первую общую молитву. Его сестры окружают их, и каждая, в знак приветствия, даст жене брата какой-нибудь, пусть небольшой, подарок: золотое кольцо, браслет, серьги, гребень или же деньги. Вечером они проводят молодую жену до торжественно украшенной спальни.

На этом шумный день свадьбы завершился, однако связанные с ней торжества еще не кончились. Примерно через неделю профессор Ахтар пригласит самых близких друзей в гостиницу, в холле которой для них будет организована валима, заключительный прием — последнее свадебное торжество.

Приглашение на ужин

На свадебном приеме дочери Ахтара я, правда, не присутствовал, однако могу представить себе, как он проходил, так как бывал на подобных торжествах и в состоятельных, и в бедных семьях индийских мусульман не только в Лакхнау, но и в других городах. Индийские мусульмане крайне редко приглашают гостей на чай или кофе. И это вовсе не потому, что они не любят процедуры чаепития — чая они могут выпить куда больше, чем мы. Дело в том, что мусульмане считают своим долгом принять гостя как можно лучше и поэтому, если уж приглашают, то на обед или на ужин. Мусульмане, как правило, довольствуются различными видами бобов, горохом, овощами, рисом, пшеничными или кукурузными лепешками. Самые бедные едят один раз в день, чаще всего в полдень. Их меню удивительно однообразно.

Если вы приходите в гости в дом зажиточного представителя средних слоев города, то не рассчитывайте на то, что вас будет обслуживать хозяйка дома. Во время трапезы вы ее, пожалуй, совсем не увидите. Еду на стол будут подавать лишь мужчины.

Однако нельзя сказать «подавать на стол», ведь, [55] вероятнее всего, вы будете есть на полу. В семье, строго придерживающейся старых традиций, вас посадят на ковер перед дастарханом, белой скатертью, заменяющей стол. Здесь будут разложены различные миски и мисочки с едой, а в руки вы получите в лучшем случае тарелку. Сидеть придется по-турецки, опираясь о твердые валики. Еду надо накладывать самому большими ложками из стоящих на дастархане мисок в свою тарелку. Вероятно, ложки будут единственными приборами, которые вы увидите на дастархане. Итак, забудем о приборах и будем есть рукой, точнее, только правой. Однако перед едой и после вы должны хорошенько вымыть руки. Об этом позаботится стоящий рядом слуга с чистым полотенцем на плече. Он пригласит вас на веранду, предложит мыло и из красивого латунного кувшина с узким горлышком польет вам тонкой струйкой на руки воду.

Есть, скорчившись на полу, сначала покажется вам даже интересно и вполне удобно, однако вскоре ноги начнут неметь, и вы будете мечтать о том, чтобы хоть как-нибудь поменять позу. Но как это сделать? Вытянуть ноги перед собой нельзя, они окажутся на столе, а это здесь не принято. Повернуться чуть боком и выпрямить ноги в сторону тоже невозможно, так как гости сидят вплотную друг к другу и вы попадете ногой в чью-нибудь тарелку. Не остается ничего другого, как немного откинуться на левый бок. Однако никому не советую иметь на себе во время такой трапезы европейский костюм.

Однажды я принял приглашение на торжественный ужин во время рамазана, когда мусульмане в течение целого месяца приступают к еде лишь после захода солнца. Перед ужином все члены семьи устроились на веранде и стали ждать... Точное время конца дневного поста уже не определяют так, как это делали раньше — брали, например, белую и черную нитку и ждали момента, когда в сумраке их уже нельзя было отличить друг от друга. Теперь в газете можно прочесть точно, когда заходит солнце. В этот момент пост можно прервать и приступить к приему пищи. В больших городах еще проще, так как там о конце поста извещают заводские гудки и сирены.

Однако рамазан бывает лишь раз в году и гостей, как правило, приглашают на обыкновенный ужин. Если хозяева люди образованные и зажиточные, то, вероятнее [56] всего, ужинать подадут не на полу, а на столе. Но и в этом случае приборы будут отсутствовать и гостю из Европы лучше всего осторожно, но внимательно присмотреться, как едят присутствующие, и попытаться подражать своим соседям по столу, которые свернутым кусочком лепешки удивительно ловко подхватывают рис и подливу и кладут в рот при помощи трех пальцев.

Хозяин наверняка и виду не подаст, что замечает, как неловко гость воюет с различными кушаньями и каждую минуту вынужден облизывать пальцы, по которым течет соус. Если же хозяин попытается вывести гостя из затруднительного положения и предложит ему ложку, вилку и нож, то, пожалуй, лучше все-таки от них отказаться — атмосфера за столом сохранится более сердечной и непринужденной.

Ужин, как правило, начинается с нетерпеливого ожидания — каким вкусным блюдом угостит хозяин. Однако по крайней мере два часа после назначенного времени гостя будут кормить одними разговорами. Только когда он соберется уже попрощаться и уйти, так и не отведав ужина, его обостренное обоняние уловит

наконец аромат каких-то яств, исходящий откуда-то со двора. В Индии и Пакистане, даже в современных домах, кухня с открытым очагом расположена именно там, во дворе. Все сомнения начинают рассеиваться — ужин все-таки будет.

Едва ли трапеза начнется с супа — индийские мусульмане не большие любители первых блюд. Вероятнее всего, на стол будет подано сразу мясо, а именно баранина, так как свинину, как известно, мусульмане не едят, а говядина или телятина в Индии — слишком дорогое удовольствие. Существует несколько рецептов приготовления мяса. Это обязательно кюфты — они похожи на рубленый бифштекс, но сделаны в форме мелких шариков. Мясной фарш смешивается с луком, чесноком, перцем и всевозможными пряностями. Затем туда добавляют яйца и содержимое скатывают в небольшие шарики, которые обжаривают в кипящем жире, а затем еще варят в соусе карри.

Что такое карри? С этим словом знакомы, вероятно, многие. В Южной Азии огромное количество блюд, составной частью которых является карри — растертые в порошок кориандр, кардамон, фенугрек, черный и жгучий красный перец, чеснок, шафран, гвоздика, имбирь, корица, мускатный орех, разные виды тмина, горчичные [57] зерна — короче говоря, почти все индийские пряности. Большинство индийских хозяек готовят карри сами, в домашних условиях, так как полуфабрикат — порошок карри — можно купить лишь в больших городах. В соусе карри можно варить или тушить любое мясо, дичь, рыбу и овощи. Каждому блюду соответствует свое карри — овощное, рыбное или же куриное. Для самого уважаемого гостя хозяин распорядится приготовить традиционное блюдо наргиси кюфта — вкрутую сваренные яйца, запеченные в мясном фарше. Разрезанная на кусочки кюфта по цвету похожа на желто-белые нарциссы. Впечатление, что перед вами нежный цветок нарцисса, усиливается благодаря тому, что индийские яйца обычно меньше наших и круглые.

Если вы не любите рубленый бифштекс, то хозяин может предложить вам другое мясное блюдо, которое также популярно среди мусульман, — это антрекот или кебаб. Мусульманская кухня знает много видов кебаба. В Пенджабе, например, особенно любят антрекот на вертеле, так называемый сих кебаб. Постное мясо, заранее подсушенное на солнце, медленно поджаривается на вертеле вместе с кусочками лука. Сих кебаб чаще всего едят с хлебом. В лавочках на базаре везде готовят похожий на шашлык тикка кебаб, получивший свое название благодаря небольшим и круглым, как пятикопеечные монетки, кусочкам мяса. В пакистанском Пешаваре друзья обязательно поведут вас в какой-нибудь ресторан, где на деревянной веранде, выходящей на улицу, вам подадут чаппали кебаб — антрекот в форме башмака, с помощью которого, говорят, отбивают мясо для этого фирменного блюда, напоминающего ростбиф.

На любом более или менее торжественном ужине на столе обязательно присутствует блюдо, известное во всех мусульманских странах, — плов, который индийские мусульмане называют пулао. В сущности, это мясо с рисом, сваренным в супе. Чаще всего плов бывает с бараниной, курицей или рыбой, но в некоторых областях Индии пользуется популярностью плов с горохом и морковью. Однако основным и неизменным компонентом любого плова всегда будет вареный рис, основательно заправленный топленным маслом и приправленный различными специями.

Однажды я был приглашен на вкусный куриный плов со странным названием «между двух огней». Я, конечно, любопытствовал, что значит такое название. [58]

— Все довольно просто, — ответил мне хозяин, — Для того чтобы мясо как следует прожарилось также и сверху, прямо на крышке кастрюли разводят второй огонь. Однако лучше я вам объясню все по порядку, так как приготовление такого плова очень трудоемкий процесс, поэтому многое зависит от правильной последовательности. Понимаете, для плова берут обычно полкилограмма баранины, пять головок лука, немного имбиря, несколько кусочков корицы, два зерна черного перца. Все это кладут в глиняный (ни в коем случае не металлический) горшок. Туда наливают шесть литров воды, и мясо варится так долго, пока не выкипит по крайней мере литра четыре воды. Тем временем в другой посуде варят цыпленка. В еще одной, на этот раз медной, кастрюльке растапливают грамм двести пятьдесят масла, затем жарят в нем лук, нарезанный на длинные полоски. Когда лук зарумянится, в него кладут сваренного цыпленка и слегка поджаривают. Затем цыпленка вынимают, а на его место кладут сухой рис и баранину. Когда масло испарится, в кастрюлю наливают бульон и все содержимое снова варят. Не забудьте добавить двенадцать зубков чеснока и столько же зерен черного перца, специй, в том числе немного имбиря, корицы и, конечно, соль. Затем сваренный рис с цыпленком наверху надо поставить на слабый огонь. Кастрюлю закрывают крышкой, а на ней разводят еще один огонь, лучше всего на древесном угле, чтобы дать повариться рису с цыпленком еще между двумя огнями. Затем цыпленка вынимают, кладут на блюдо и засыпают рисом с несколькими слоями лука и разрезанными пополам яйцами вкрутую. Получается красивое и вкусное блюдо.

Иногда с рисом подают тушеное мясо без подливки, пропитанное различными пряностями. Такое блюдо называется корма по-турецки. Есть еще один способ, как варить мясо с рисом. Блюдо это называется берьяни. В больших семьях иногда варят баранину со свеклой и репой в медном котле всю ночь, для того чтобы утром все могли позавтракать густым питательным бульоном шаб дег — «ночной котел».

Кроме мясных блюд вам могут предложить и обыкновенный дал, вареный горох, а также разные виды бобовых в жидкой пряной подливке. Из овощей на стол обязательно поставят блюдо из баклажан. И наконец, наступает очередь для третьего блюда — «фруктового [59] салата», например качалу — сюда входят кроме картофеля еще и гуава, апельсины, бананы и другие фрукты.

Если вам удастся съесть основное блюдо до конца, то на первых порах с непривычки ваш язык и нёбо будут гореть от избытка пряностей. Но не расстраивайтесь — десерт и сладости все исправят. Среди сладостей основное место занимает приторная халва, приготовленная из манной крупы или пшеничной муки, сахара и масла. Для вкуса в халву добавляют различные орехи, фрукты, а также тертую морковь. Советую попробовать желтую зарду, сладкий рис с изюмом и миндалем, сваренный с различными специями и окрашенный шафраном, или балу шахи — сладкую, сваренную в меду, обжаренную лапшу из пшеничной муки, окрашенную в оранжевый цвет. Из кукурузной муки и сахара делают небольшие оранжевые шарики, шакар пара, из пшеничной муки — желтую вермишель, патиса. Список можно было бы продолжить до бесконечности, так как мусульманская кухня удивительно богата сладостями. Упомяну лишь о

«королевских кусочках» — шахи тукра, приготовленных из кокосового теста и получивших такое благородное название из-за тоненькой серебряной фольги, в которую они заворачиваются.

После ужина считается неприличным долго засиживаться и продолжать беседу до бесконечности. Как только хозяин кивнет слуге, чтобы тот помог вам вымыть руки и подал полотенце, примите это как знак, что время вашего визита истекло и пора прощаться. Само собой разумеется, что вы поблагодарите своего гостеприимного индийского или пакистанского хозяина не только за великолепный вечер, но и за прекрасный ужин. Ведь собственно, для того вы и были приглашены, чтобы отведать вкусно приготовленные блюда.

В кумаонском крае Коменский в Жемчужном дворце

В конце марта мне представилась возможность посетить город навабов с рыбой в гербе еще раз. Целью поездки было участие в организации и открытии выставки о развитии народного просвещения в ЧССР и о чехословацко-индийских связях в области культуры.

Туманным весенним утром представитель чехословацкого посольства и я выехали на серой «школе» из Нью-Дели и взяли курс по направлению к столице штата Уттар-Прадеш. Впереди дорога длиной почти в пятьсот километров. Мы мчались по старой императорской дороге все дальше на восток с единственным желанием как можно скорее добраться до Лакхнау.

Если ничего не случится, мы сможем добраться туда в лучшем случае часов за девять-десять. Все зависит от интенсивности движения и качества дороги. Быстрая езда в Индии, как и повсюду в мире, не безопасна. К тому же здесь твердое покрытие дороги настолько узкое, что две машины, идущие навстречу друг другу, нередко вынуждены сворачивать на пыльную обочину, на которой во время дождя можно застрять.

Асфальт, казалось бы, предназначен для быстро движущегося транспорта, а широкие обочины, покрытые толстым слоем белой пыли, — для различного рода упряжек, велосипедов, а также для прогона скота, в общем, для всего, что движется шагом или еще медленнее.

В действительности же многочисленные обладатели тихоходных средств передвижения в Индии игнорируют какие-либо правила дорожного движения и невозмутимо двигаются именно по заасфальтированной полосе дороги. Когда же позади них раздаются нетерпеливые сигналы автомашин, они удивленно оборачиваются и искренне [61] удивляются тому, что они могут кому-то мешать. Лишь вдоволь наслушавшись гудков машин, погонщики буйволов с присущим им большим чувством собственного достоинства сворачивают в пыль на левую сторону дороги. Как известно, в Индии движение организовано по английскому образцу — машины двигаются по левой стороне, а обгон разрешен лишь справа. Чтобы обогнать воловью упряжку на узкой дороге, водителю автомашины нередко требуется не менее пяти минут, при этом он должен демонстрировать все свое искусство водителя — в последнее мгновение перед обгоном притормозить, резко свернуть в сторону и промчаться по нетвердому краю дороги, оставляя за собой густые облака пыли. Однако погонщиков воловьих упряжек, вероятно, это

нисколько не смущает.

Более драматичный момент наступает, когда двум встречным машинам нужно разъехаться. Представьте себе, что на огромной скорости навстречу несется гигантский грузовик и, кажется, лишь в последний момент уклоняется и дает возможность проехать. Такие разъезды всегда бывают как бы маленьким чудом, которое индийские боги совершают ежесекундно в тысячах вариантов.

Наша «шкода» уже миновала Алигарх с известным тамошним университетом и мчалась дальше по североиндийской равнине Джамна-Гангского междуречья. Мы позволили себе сделать небольшой привал лишь в историческом Канаудже. Здесь находилась знаменитая резиденция раджпутских князей-рыцарей, которые тысячу лет назад оказали стойкое сопротивление мусульманским нашествиям в Северную Индию. Однако от былой славы Канауджа мало что осталось. Защитники Индии не смогли объединиться, и в 1018 году Канаудж сравнительно легко достался Махмуду Газневи. Позднее город перешел в руки других мусульманских военачальников. Сегодня от Канауджа остались лишь руины, которые тянутся на протяжении нескольких километров и, видимо, на время позабыты. Большинство зданий представляют собой лишь бесформенную груду камней.

Однако времени у нас мало, и поэтому пришлось отказаться от осмотра так называемой «кухни Ситы», части старой мечети, построенной на развалинах джайнистского храма. Красноватое словно манго небо приобретает индиговую синеву, и короткий весенний день угрожает превратиться в темную ночь. Однако ночь мы [62] решили провести в «Карлтоне», одном из известнейших отелей Лакхнау, где останавливаются «очень важные персоны».

Вскоре перед нами выросли контуры промышленного Канпура, города, который даже солнечным днем выглядит серым, а в вечерних сумерках, обступивших нас со всех сторон, и подавно удручает темной бесконечностью своих предместий. Мы ехали по узкой улице вдоль глухих фабричных стен к сердцу старого города. Не задерживаясь в центре, свернули налево, и вот уже наша машина с включенными фарами мчалась по безлюдной дороге дальше к цели нашего путешествия.

Часам к девяти мы добрались до умиротворяюще благоуханных садов Лакхнау. В это время года здесь цветет небольшими белыми цветками высокий кустарник ратки рани — «королева ночи», с незапамятных времен очаровавший всех лакхнауских ларфюмеров. Сладко-приторный запах сопровождает нас на всем пути через просторный парк, раскинувшийся вокруг гостиницы, построенной еще во времена британского владычества. Почтенная гостиница «Карлтон» — это достойный удивления архитектурный хаос, где по соседству с новой готикой уживается упадочный индо-персидский стиль, с характерными для него зонтиковыми павильончиками.

Дряхлый коридорный поднялся с нами на второй этаж и внес наш багаж в какие-то тускло-понурые апартаменты с огромной старой ванной. Как это ни удивительно, но из крана текла теплая вода. Я с удовольствием принял душ, а потом лег в постель. Массивные черные кровати, вероятно, еще помнили времена лорда Клайва, тем не менее спать на них вполне удобно.

Утром узнали, что представитель местного департамента просвещения, который должен обеспечить открытие и проведение выставки, оказывается, слышит о ней впервые. Он долго куда-то звонил. Сначала разговаривал вежливо и учтиво, — вероятно, с кем-то сверху. Затем — решительно и энергично, — видимо, на своем уровне. И наконец, стал кричать, — без сомнения, на того, кто стоял рангом ниже. При этом он автоматически переходил с изысканно вежливого английского языка на витиеватый хинди. Вероятно, он был в полной уверенности, что никто из нас его не понимает. Чиновник ругал и угрожал немедленно выгнать кого-то с работы, если все не будет готово до трех часов дня. При этом он особо отмечал, что сам придет и все проверит. [63]

Выставка будет проходить в расположенном на берегу реки Гомти бывшем дворце навабов «Моти махал» — Жемчужном дворце. В настоящее время в нем расположены различные отделения провинциальных учреждений, а самый большой зал выделен для организации выставок и других культурных мероприятий. Недавно, говорят, тут проходил даже бал-маскарад.

Служащий — чапраси — в форме цвета хаки услужливо распахнул перед нами двери зала. Мы вошли и буквально остоленели: перед нами зияло абсолютно пустое пространство. Мы пришли в отчаяние от одной лишь мысли, что завтра вечером в этом зале, в котором в тот момент не было ни одного стула или коврика, соберутся сливки лакхнауского общества, налетят тучи репортеров, горящих желанием заполнить свои блокноты впечатлениями о торжественном открытии выставки.

У нас остался один-единственный шанс не провалить дело: действовать самим, действовать, не теряя ни минуты. Материалы для выставки должны были уже прибыть из Канпура, где наша выставка закончилась. О получении экспонатов должен позаботиться какой-то местный художник. Я посадил в машину молодого человека, который утверждал, что знает, где живет этот художник, и вскоре мы оказались в сложных сплетениях переулков с расположенными на них кабачками сомнительной репутации и домами терпимости.

Улочки становились все уже и уже, и вот от них остались лишь проходы, среди кирпичных стен которых наша машина едва двигалась, зажата буквально в тиски. Неожиданно дорогу нам преградила глубокая канава. Что делать? Мы растерялись. К счастью, мой спутник нашел выход из положения. Из ближайшего дома он принес две тонкие доски, опытным глазом определил расстояние между колесами и перекинул доски через канаву. «Трах-бах, та-ра-рах» — раздался, как я и предполагал, вслед за нами треск ломаемых досок, однако наша машина уже стояла на другой стороне канавы и, к моему удивлению, непосредственно перед домом, в котором жил художник.

В «мастерской» на первом этаже мы действительно обнаружили несколько больших ящиков с выставочными стендами. Хозяин также дома. Оказывается, он даже не знал, что должен позаботиться о художественном оформлении выставки. Вместе с художником мы погрузили несколько ящиков с экспонатами в машину. Оставшиеся [64] стенды поедут вслед за нами на одолженной двуколке.

Тем временем мой коллега развил бурную деятельность в Жемчужном дворце. Ему уже удалось достать десятка два-три стульев и несколько столиков, которые поставили у входа и на сцене. Однако все вокруг было еще покрыто метровым

слоем пыли. Хорошо, что управляющий догадался прислать нам в помощь трех оборванных мальчишек.

Я несмело даю команду:

— Саф каро! Почистить! — и указываю на груды стульев. Ребята быстро сбегали за вениками из рисовой соломы и бросились на штурм мебельной баррикады. Высоко взметнулись густые облака пыли и стали медленно оседать на только что вынутые из ящиков экспонаты.

— Подождите! — сердито закричал я. — Чистить — это не значит пачкать все, что еще не запачкано. — Затем я объяснил каждому «помощнику», что надо делать. — Бальти лао, пани лао, капра лао! (Ты принесешь ведро, ты воду, а ты тряпку!).

Через минуту вернулся с пустыми руками первый мальчик.

— Сааб, бальти нахин (Господин, ведра нет).

Тут появился другой со словами:

— Господин, воды нет.

И наконец, прибежал последний:

— Господин, тряпки нет.

Я бросился на поиски в безлюдный двор. Действительно, нигде никого и ничего не было. Наконец, в соседнем дворе я заметил садовника — он поливал цветы. Он охотно согласился одолжить нам все необходимое. Через несколько минут мальчишки лихо размахивали мокрыми тряпками, и стулья засияли первозданной чистотой.

Мы тоже принялись за работу: укрепляли выставочные стенды, расставляли вдоль стен столы и стулья, накрывали столы материей, которую нашли в ящиках со стендами. Затем повесили картины, фотографии и диаграммы. При этом нас не оставляло неприятное ощущение, что мы делаем все не так, как это представляли художники-оформители из чехословацкой организации «Выставки». Они, наверное, все сделали бы иначе и, конечно, лучше нас.

Однако времени для бесплодных размышлений не [65] было. Так или иначе, но все должно быть готово к открытию выставки вечером следующего дня. В полночь мы обнаружили, что вешать и ставить больше нечего. Мы вернулись в гостиницу с приятным чувством, что выставка в целом к открытию готова.

Рано утром в субботу мы отправились на базар. Надо было купить еще шторы, занавески, ковры, вазочки и т. п. Для того чтобы приобрести все это здесь, на базаре, надо было еще найти лавочки, в которых продавались нужные нам товары, затем как следует поторговаться и выложить из кармана сумму в несколько раз меньшую, чем первоначально запросил ловкий торговец, увидевший перед собой иностранцев. На восточном базаре, как известно, принято торговаться, и мы с успехом это сделали так, чтобы на предельно малую сумму купить все необходимое для торжественного открытия выставки.

К обеду все украшения уже висели на своих местах. Зал сразу же стал уютным. Однако подготовка к открытию на этом еще не закончилась. В то время как я на искусно сооруженной пирамиде из старых школьных лавок балансировал с государственным флагом Чехословакии в руках, пытаясь укрепить его под потолком в одном углу зала, мой коллега боролся с огромным портретом Я. А. Коменского в другом его конце. Он старался отделить портрет от себя и оставить его на стене над богатой лепными деталями аркой. Наконец это ему удалось. На суету, происходящую в зале, с портрета смотрело мудрое лицо учителя.

К трем часам дня все наконец выглядело так, как на настоящей выставке: стенды стояли на своих местах, фотографии и надписи висели там, где им и положено было быть, а яркие цветы освежали унылые серые стены. Но не все еще было готово. Ведь во время вернисажа вечером по программе намечался показ чехословацкого фильма. Но на чем его показывать?

Усердные помощники принесли простыню и прибили ее огромными гвоздями к стене.

— Сааб, эта простыня всегда служила здесь экраном, — заверяли они нас. Однако мы не могли себе даже представить демонстрацию полнометражного художественного фильма на такой тряпке.

В конце концов все-таки выяснилось, что настоящий экран есть тоже. Однако он был настолько тяжелым и огромным, что укрепить его на стене не представлялось [66] возможным. Как выходили здесь из подобного положения раньше? Никто уже и не помнил, когда в последний раз тут демонстрировался художественный фильм. Но надо было действовать, так как часа через два начнет собираться публика. Что, если повесить экран, зацепив его за перила галереи, на которой во времена наваба играла музыка? Ведь перила достаточно прочны, чтобы выдержать такую тяжесть. Теперь нужно было лишь достать достаточно крепкую веревку. Снова я отправил своих помощников на поиски, надеясь, что хоть один из них выполнит свою миссию.

Вскоре с радостным криком прибежал первый мальчик :

— Сааб, рassi мил гаи! (Господин, я нашел веревку!) И он подал мне клубок тоненькой бечевки. Для того чтобы закрепить экран такой бечевкой, пришлось бы сложить ее по крайней мере раз в десять.

К счастью, другой посыльный появился с огромным канатом толщиной в два пальца. Остальные вернулись с пустыми руками. Итак, нам не оставалось ничего другого, как повесить этот экран на исполинский канат. Экран стал похож на подарочную коробку, тщательно перевязанную ленточками. Но все-таки он висел, а это главное.

В тот радостный момент к нам подошел сухонький мужчина в белой рубаше. Он разводил руками и пытался что-то нам объяснить. Выяснилось, что он киномеханик, но пустой бобины для перемотки киноленты у него нет.

В отчаянии я бросился к телефону и стал обзванивать школы и музеи. Я умолял одолжить бобину на один вечер, но везде получал отказ. Может быть, я говорил

неубедительно и мои слова не вызывали доверия?

И вот, словно по мановению волшебной палочки, появился куратор детского музея, расположенного совсем рядом. Он сказал, что пришел посмотреть, как далеко продвинулась организация выставки.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — успокоил он нас, — этот кинопроектор принадлежит нам, и, конечно, у нас есть запасные бобины. Я сейчас же пошлю за ними.

— Знал ли киномеханик, откуда взят кинопроектор?

— Конечно, знал.

— Так почему же он не взял вместе с ним и запасные бобины?

Директор пожал плечами и сказал: [67]

— Может быть, потому, что ему просто не захотелось в этот день работать.

Кажется, все наладилось. И мы поспешили вернуться в гостиницу, чтобы переодеться и повторить в уме то, о чем необходимо сказать в выступлении. Когда мы появились в зале, то он уже был заполнен избранной публикой. Среди гостей был и его превосходительство Сайид Али Захир, министр финансов штата. Он любезно согласился открыть выставку. Ровно в восемь часов вечера министр вышел на сцену.

После его вдохновенной речи слово взял представитель посольства Чехословакии. На английском языке он рассказал о прогрессивных традициях народного образования в ЧССР, о Коменском и о самом старом университете в Центральной Европе. Говорил он просто, с чувством, увлекая слушателей, ведь он в прошлом сам работал учителем.

Когда я выходил на сцену, очень волновался: в нескольких словах мне надо было рассказать о различных аспектах чехословацко-индийских культурных отношений, а я не знал, с чего начать. Однако после того, как я произнес Саджано татха девийо! — «Дамы и господа», увидел как глаза гостей загорелись любопытством: неужели я буду говорить на хинди?

Все внимательно слушали мое выступление, и я понемногу успокоился. Я рассказывал о давних глубоких традициях чехословацкой индологии, о том, как изучают индийскую культуру в моей стране, каким большим успехом пользуются книги, переведенные с разных языков Индии, в Чехословакии.

Затем началась демонстрация фильма «Западня» Мартина Фрича. После всех неурядиц я почти и не надеялся на успех. Но несмотря на то, что фильм не был дублирован, а сопровождался субтитрами, зрители смотрели его с интересом и наградили долгими аплодисментами.

Торжественный вечер подошел к концу. В Жемчужном дворце погас свет, и в темноте была видна лишь знакомая белая борода на большом портрете Я. А. Коменского.

Обрадованные успехом, мы пригласили наших новых друзей на ужин. Состоялась приятная беседа, во время которой мы фотографировались и давали интервью для лакхнауских газет. Ужин закончился далеко за полночь. [68]

— Пожалуй, отзывы о нашей выставке будут самыми восторженными, — сказали мы друг другу и со спокойным сердцем легли спать.

По джунглям Кумаона

Воскресным утром мы покинули суровые апартаменты гостиницы «Карлтон» и с восходом солнца уже переехали через реку Гомти. Мы проводили взглядом Жемчужный дворец, причинивший нам столько хлопот, башенки хусейнабадских дворцов и минареты мечетей. И взяли курс на север, по направлению к кумаонским джунглям.

Первые 80 километров до города Ситапур мы преодолели за полтора часа, хотя на главной дороге в это раннее утро было довольно-таки оживленно. Ехали, постоянно сигналив, распугивая стада коров и буйволов, бредущих на пастбища, обгоняя длинные колонны легких двуколок мощностью одна лошадиная сила. Двуколки обсыпаны гроздьями людских тел. На некоторых умудряются уместиться все члены большой семьи, то есть человек двенадцать, а иногда и больше. В Ситапуре в тот день открывалась мела — ярмарка — и люди, кто пешком, кто на повозках и велосипедах, направлялись именно туда.

Чем дальше, тем труднее становилось пробираться по переполненной дороге среди невообразимого количества людей и разных животных. Каждую минуту перед нашей машиной возникала двухколесная тонга — икка. Не сбавляя скорости, мы подъезжали вплотную к телеге и за мгновение до того, как оказаться на спине у испуганного возницы, резко тормозили и, настойчиво сигналив, требовали освободить дорогу.

Мы выехали на широкие равнины славного края Рохилкханд и двигались сквозь выстроившиеся в ряд шеренги сахарного тростника. Название Рохилкханд произошло от афганского слова рохил, что значит «житель пустыни». Рохилы вторглись в эти края в середине XVIII столетия и, одержав победу над войсками могольских императоров, осели на землях между Гималаями и рекой Ганг. Когда позднее они сами подверглись нападению воинственных маратхов, им пришлось обратиться за помощью к навабу Лакхнау. Наваб, поддержанный войсками британской Ост-Индской компании, помог [69] оттеснить маратхов, однако взамен потребовал признания его суверенитета над рохилами и уплаты ежегодной дани. Рохилы, правда, дали такое обещание навабу, но в действительности ничего не платили. В результате вспыхнула так называемая «рохильская война» (1773—1774). В этой войне наваб с помощью тех же англичан победил рохиллов и убил их правителя. Своего наследника наваб поставил правителем небольшого княжества Рампур в западном Рохилкханде. В 1801 году большая часть рохильских земель со столицей Барейли перешла англичанам в счет долгов наваба Саадата Алихана.

Столица Рохилкханда Барейли находилась за пределами целей нашего путешествия. Знаменитые густые заросли бамбука, благодаря которым город называли «Банс Барейли», «Бамбуковый Барейли», уже давно поредел. Да и

княжеские дворцы рохилов большей частью уже превратились в развалины. Современным крупным мебельным комбинатом стало ранее кустарное производство лакированной и позолоченной мебели, украшавшей в основном княжеские дворцы. Сырьем для мебельного комбината служат ценные сорта деревьев, растущих на склонах близлежащих гор.

Мы не стали осматривать город, а, следуя указателю на дороге, свернули с главной магистрали направо. На указателе шрифтом деванагари написано «Катхгодам — 66 миль». Катхгодам в переводе с хинди — «Склад дерева», однако это совсем не значит, что у мебельного предприятия нет складов поближе. Городок с таким названием расположен в отрогах Сиваликских гор.

Хорошая асфальтированная дорога большей частью шла по равнине. Однако постепенно на нас стали наплывать голубые силуэты Гималаев. В ясный солнечный день под лазорево-синим небом горы выглядели вполне миролюбиво. Лишь за Ранибагом («Садом королевы») дорога пошла вверх и километров пятнадцать вилась над тераями среди сказочно цветущей весенней зелени.

Тераи, или правильнее тараи, — болотистые джунгли. Так называют густо покрытый лесом и кустарником заболоченный район первого пояса предгорьев Гималаев. Верхний над тераями пояс называют бхабар — сухие джунгли. Между тераями и горным хребтом Сивалик ширина бхабара достигает двадцати километров. Здесь очень мало водных источников и в некоторых местах летом реки пересыхают. Зато бхабар очень богат ценной древесиной. Больше всего ценится сал — могучее [70] дерево *Shorea robusta*, которое, благодаря его прочности, нередко называют железным. В Гималаях сал — наиболее популярный строительный материал.

От продажи железного дерева богатели еще раджи Чанды, правившие этой областью с X века н. э. Резиденция раджей была в небольшом городке Чампават. Позднее они переехали в Альмору. Мусульманские завоеватели отважились вступить в непроходимые джунгли лишь однажды — произошло это в 1744 году, после чего им подчинилась область Кумаон. Мусульмане не продержались здесь и столетия. В 1790 году они потеряли завоеванную область, и Кумаон на время был присоединен к княжествам непальских гуркхов. Через двадцать пять лет Кумаон оказался уже в границах Британской Индии. Однако колониальные власти не заботились о развитии этого района. Свою отсталость Кумаон начал преодолевать лишь после образования независимой Республики Индия.

Натужно гудя, наша машина преодолевала затяжной подъем. А тем временем мы наслаждались зрелищем удивительно красивым — пестрая радуга повисла над пропастью. Она возникла из «осколков» капель, искрившихся под полуденным солнцем над шумящим почти в каждой глубокой расщелине водопадом.

— Посмотри, там газели, — крикнул мне приятель.

Мы выехали на левую обочину узкой дороги и остановились вплотную возле небольших столбиков, ограничивающих дорогу над крутым обрывом. Вместо таких символических ограничителей здесь хотелось бы видеть прочные бетонные тумбы. Мы выключили двигатель, однако машину оставили на скорости, так как ручной тормоз давно уже вышел из строя. На противоположном склоне мирно паслось небольшое стадо пятнистых газелей. Они настороженно подняли головы

и, как будто почуяв недоброе, вдруг сорвались с места и неслышными прыжками умчались в глубь зеленого леса. В наступившей тишине слышались лишь звуки водопада.

Мы снова двинулись в путь. Вскоре кончился подъем, повороты стали не столь крутыми, и перед нами медленно открылась захватывающая дух панорама Найнитала, жемчужины кумаонского края. Когда-то здесь находилась летняя резиденция губернатора Соединенных провинций. Следует признать, что выбор места был идеальным. Найнитал лежит на высоте около 1900 метров над уровнем моря. Его отели и прекрасные виллы [71] как бы разбросаны вокруг голубого озера, расположенного среди гор.

Сегодня Найнитал — великолепный горный курорт, забитый до отказа в жаркое время года представителями высших слоев индийского общества и иностранными туристами. В Найнитале есть все, чтобы эти люди чувствовали себя комфортно. Озеро — одна из величайших достопримечательностей этого места. Его прозрачные воды манят с наслаждением погрузиться в них. Луга у подножий горных склонов покрыты густой травой. Здесь так и хочется сыграть в крикет.

Мы завернули в отель «Элфинстон», чтобы немного перекусить и отдохнуть. С террасы отеля открывался прекрасный вид на озеро. Тут мы увидели памятную доску жертвам стихии. Надпись на бронзовой доске гласила: «В субботу 18 сентября 1880 года в 10 часов утра после продолжительных дождей на отель „Виктория“ обрушилась скала и завалила часть здания. Заместитель комиссара, стараясь сделать все, чтобы выволить из-под обломков тела мертвых и раненых, вызвал на помощь армию. В 13 часов 30 минут сползла оставшаяся часть горы и погребла под собой весь отель с людьми, в том числе и спасательные команды. Тела погибших откопать не удалось».

Мы с опаской посматривали по сторонам, но, убедившись, что сегодняшним отелям подобная опасность не грозит, успокоились и завели разговор с милым правительственным чиновником, приехавшим сюда на отдых вместе с семьей. Он посоветовал нам совершить поездку на «Тигриный зуб» — гору, расположенную за озером. Оттуда открывается великолепная панорама Найнитала. А если бы мы по пути еще заехали в близлежащий Муктешвар, то смогли бы увидеть и самые высокие гималайские вершины, покрытые вечным льдом и снегом.

К сожалению, мы никак не могли позволить себе такую роскошь, ведь нам еще предстоял восьмидесятикилометровый путь по горной дороге до Ранихкета, а затем до Каусани. К тому же бензоколонка в Найнитале по выходным дням не работала.

— Тогда вам лучше дальше не ехать, — забеспокоился наш новый знакомый. — Дорога до Ранихкета — сплошные крутые повороты с резкими подъемами и спусками. Машины там ходят редко, так что одолжить бензин будет нелегко. [72]

Однако мы должны были ехать дальше, ведь наш график движения другую возможность не предусматривал. Мы опустили сделанную из прутика мерку в бак автомашины. Выяснилось, что в баке у нас осталось приблизительно десять литров, которых нам должно хватить километров на 77 по горной дороге. Мы решили продолжить путь.

Путешествие по горной дороге от Найнитала до Раникхета оставило у меня наилучшие воспоминания из всех тех, которые я получил в Индии. Если бы кто-нибудь попробовал сосчитать все повороты и опасные моменты на этом пути, то у него голова пошла бы кругом.

Сначала мы взобрались на седловину высотой около 2500 метров, потом дорога резко пошла вниз и устремилась по долине. Указатель уровня бензина угрожающе колебался у красной отметки, и, чтобы хотя бы немного сэкономить горючее, пришлось на крутых спусках выключать двигатель. Опасения правительственного чиновника подтвердились — за все время путешествия навстречу нам проехал лишь один джип. Зато то тут, то там мелькали желто-коричневый шакал или дикая собака, из густых зарослей кустарника с криком вылетал пестрый фазан, а за следующим поворотом взлетала стая черных куропаток.

По мере того как дорога шла вниз, густые заросли на крутых склонах стали уступать место террасированным полям — лоскуткам обрабатываемой земли — свидетельству неутомимых усилий местных жителей в борьбе за существование. Только теперь мы по-настоящему осознали, сколько крестьянину надо потрудиться, чтобы вырвать у скалы небольшой клочок земли, сделать ее плодородной, а для укрепления верхнего слоя земли еще поставить барьер... Восхищение перед живописной природой стало уступать место чувству восхищения перед жителями этих мест, нашедшими в себе силы преобразить природу и заставить ее давать необходимые им средства к существованию.

Неожиданно перед нами вырос красно-белый шламбаум с надписью: «Толл» (пошлина). Оказывается, на этой горной дороге, строительство которой обошлось индийскому правительству в довольно круглую сумму, надо платить пошлину, и, кажется, немалую. Говорю «кажется», потому что мы никогда пошлину не платили. На нашем автомобиле спереди и сзади укреплен [73] знак с буквами «CD», что означает принадлежность к дипломатическому корпусу, а машины дипломатов от всех пошлин и налогов освобождены. Несмотря на это, мне пришлось на хиндустани долго объясняться с вооруженным часовым, который никак не мог взять в толк, почему он должен пропустить нас, не взяв пошлины.

Через час мы подъехали к будке еще одного таможенника. На крутом подъеме ее видно издалека. Шламбаум, оказывается, тут был поднят.

— Ну, что, — сказали мы друг другу, — пошлину нам все равно платить не надо, бензин у нас кончается, да и время на ненужную остановку жалко, так что, пожалуй, не стоит останавливаться, — и лихо промчались мимо. Однако не успела машина миновать ближайший поворот, как на дорогу выбежал часовой с винтовкой наперевес. Он махал руками и кричал:

— Стой! Стой!

Когда он понял, что мы останавливаться не собираемся, вскинул винтовку, и по ущелью разнесся звук выстрела, тысячекратно усиленный эхом. К счастью, нас уже прикрыла мощная скала, хотя вряд ли солдат стрелял по машине. К нашей радости, погони за нами, к счастью, не было, вероятно, по весьма простой причине — не на чем.

Итак, вполне благополучно мы добрались на последних каплях бензина до Раникхета — «Поля Королевы». Как и положено военному городку, здесь есть бензоколонка, и нам охотно предложили заправить целый бак. Веселый заправщик, между прочим, сказал, что сейчас тут еще совсем немного гостей и при желании мы легко можем найти место для ночлега. Солнце понемногу клонилось к закату, а на небе собирались тяжелые тучи, предвестники бури.

Мы поспешили вскарабкаться на ближайший утес, чтобы хоть на мгновение взглянуть на величественные силуэты горных вершин, покрытых вечным снегом. Узнаем две самые знаменитые: Нанда Дэви и Тришул — что значит «Трезубец».

Было что-то пленительно-сказочное в атмосфере того весеннего вечера высоко в горах Кумаона. На наших глазах медленно закрывались лепестки белых, розовых и фиолетовых бутонов рододендронов, в воздухе разливался смолистый запах сосен, между которыми, выделяясь своей густой кроной, расположились высокогорные [74] кедровые деревья. И над всем этим царила особая, неповторимая тишина.

Лиственные деревья на противоположном лугу протягивали хрупкие ветви к оранжевому небу. На деревьях, тут и там, висели диковинные огромные гнезда каких-то фантастических птиц. Когда мы подошли поближе, то с удивлением обнаружили, что это всего лишь охапки сена. Оказывается, здешние хозяева, опасаясь замочить сено, не собирают его в скирды, а раскладывают на ветвях деревьев.

Спотыкаясь на каждом шагу, мы спускались в быстро сгущающихся сумерках. До наивысшей отметки горной дороги нас ждал еще один, последний, но самый трудный, этап путешествия. Там, на высоте почти 3000 метров над уровнем моря, находится деревня Каусани, а над ней правительственная гостиница. Стало заметно прохладнее, к тому же поднялся ветер. Послышались первые раскаты грома, и на память нам невольно пришли жуткие истории о гархвальских грабителях, которые не так давно побывали и здесь — напали на таможню и разграбили ее.

Мы находились в сердце кумаонского края, в царстве тигров-людоедов, с которыми так бесстрашно сражался Джим Корбетт. Говорят, что тигров-людоедов в Кумаоне уже нет. А вдруг все-таки они еще бродят где-то поблизости?

Пошел дождь, но если бы это был обычный дождь! Внезапно небо стало черным, кроны деревьев согнулись под сильным ураганным ветром, все вокруг пропало в туманном занавесе низколетящих туч, и в довершение всего резко сверкнула мертвенно-бледная молния. Ее зигзаг как будто пробил набухшее брюхо темно-серо-серых облаков, и на землю обрушился страшный ливень. Наверняка его специально на нас наслал сам бог дождя Индра. Можно себе представить, как громовержец, «растянув меха туч, сталкивает между собой облака, чтобы текущая из них вода сровняла на земле долины с горами» — так поется в одном из известных ведийских гимнов.

Однако ничего не поделаешь, нам все-таки нужно было добраться до Каусани. Мы миновали раникхетские сады и стали взбираться по узкой дороге. Здесь уже совсем отсутствуют боковые ограничения и тем более тумбы, хотя обрывы тут круче, а пропасти глубже. Дорога вилась, словно змея, то возвращаясь в противоположном [75] направлении, то резко ввинчиваясь вверх. По сторонам

дороги иногда трещали прутья, скрепляющие частично отремонтированные места оползней, а посередине, навстречу нам, неслись потоки воды. Лучи противотуманных фар с трудом пробивали толстую завесу дождя.

Я напряженно всматривался в темноту и старался угадать, в какую скалу в следующий раз ударит молния, чтобы знать, откуда на нас посыплются груды камней. Я как бы слился с машиной, пытаюсь определить, все ли колеса твердо держатся на поверхности дороги. Ведь малейшее скольжение означало бы неминуемую гибель.

Однако индийские боги неба, кажется, все же покровительствовали нам. Буря кончилась так же быстро, как и началась. Тучи постепенно рассеивались, раскаты грома становились все слабее, и над вершиной противоположной горы показался серебряный, ярко светящийся шар полной луны.

Мы медленно продвигались вверх. Кажется, впереди обвал, а возле груды камней кто-то стоит! Я мысленно готовился к диалогу с настоящими кумаонскими грабителями. Когда же мы подъехали ближе, то в свете фар различили лишь силуэты обломков скалы, упавших и заваливших дорогу. Лучи света вдруг отразились в двух неподвижных, и явно злых, желто-зеленых огоньках, светящихся из густых зарослей под скалой. Кто там? Леопард, рысь или всего лишь дикая кошка? Вряд ли это тигр, но не успел я закончить рассуждения, как машина уже подъехала к каменной преграде и огоньки сразу же исчезли, а до нас донеслось лишь приглушенное рычание, а затем треск ветвей в чащобе над дорогой.

Зато к нам подошел представиться еще один обитатель джунглей: послышалось шуршание, и из зарослей выкатился гигантский еж с длинными иглами — дикобраз. Мы оставили его в покое, даже иглу на память не взяли. Говорят, она приносит несчастье.

Мы откопали в завале узкий проезд и осторожно по нему проехали. Не прошло и четверти часа, как дорога внезапно оборвалась перед каким-то зданием — оказывается, мы уже прибыли в Каусани.

В бледном свете луны виден правительственный гест-хаус, дом для приезжих, — прочная каменная постройка на возвышенном уступе, посыпанном песком. [76] Двери гест-хауса закрыты. Нигде не видно ни души. Мы долго стучали в двери, наконец появился пожилой чаукидар (сторож) с мигающей керосиновой лампой в руке и недовольно спросил:

— Кто вы? Что вам надо?

Всем своим видом он показывал, что внутрь пускать нас он вовсе не собирается. Он ничего не знал о нашем приезде и никакой телеграммы не получал, да и к приему гостей ничего не готово. К тому же, заявил он, дом уже занят — в нем остановился районный полицейский инспектор, приехавший по служебным делам. В конце концов выяснилось, что инспектор занял лишь одну комнату и места достаточно для всех. Однако никаких постельных принадлежностей не оказалось.

«Где ваш bedding?» — сердито спросил чаукидар, собираясь расстелить матрасы и постельное белье, которое мы, по всем правилам путешествий в Индии, должны

были привезти с собой

— Кои бистар нахин? (У вас нет постели? Почему?) — возмущался он. — Тоже мне, гости, приходят ночью, да еще без bedding.

— Каждому дам по два тюфяка, набитых соломой. На один ляжете, другим прикроетесь, — ворчливо предложил он и заметил: — Еды сейчас нет. Есть будете завтра утром. Можно купить курицу.

Завершив свой недолгий монолог, он стал растапливать огромный камин мокрыми чадающими поленьями.

Дрожа от холода, натягиваем на себя спортивные костюмы и ложимся под тяжелые и твердые тюфяки. Конечно, не очень-то удобно, но зато теплее, чем на улице, где на такой высоте ночью часто случаются заморозки.

За тиграми в заповедник имени Корбетта

Мы проснулись рано утром с чувством какой-то разбитости. Однако утро богато одарило нас за все тяготы вчерашней дороги и прошедшей ночи. В лучах утреннего солнца гест-хаус уже не казался таким хмурым, как накануне вечером. В ванне нас ждал кувшин со студеной горной водой, а в столовой — куриное мясо и чашечки с душистым горячим чаем. Еда казалась нам необыкновенно вкусной.

После завтрака, познакомившись с нашим соседом [77] по гест-хаусу, мы вышли на веранду. Перед нашим взором открылась удивительная картина величественных гималайских вершин, протянувшихся до бесконечности. Отсюда величественная Нанда Деви казалась нам несколько ближе, чем вчера.

— И все же до нее дней семь пути, — сказал улыбаясь инспектор. — И то при условии, что у вас были бы и лошадь, и носильщик, и горный проводник. Ведь дальше кончается всякая цивилизация.

Мы пожалели, что у нас нет ни снаряжения, ни времени на то, чтобы заглянуть в глубь Гималаев. Мы вынуждены были удовлетвориться лишь видом знаменитых вершин на расстоянии и еще сегодня утром собирались продолжить путешествие до Альморе и дальше до Национального заповедника имени Корбетта. Послезавтра нас уже ждала работа в столице.

Распрощавшись с инспектором и неразговорчивым комендантом, мы покинули правительственный гест-хаус. Теперь дорога вела по крутым склонам вниз. Вчера вечером мы даже и не подозревали, какое здесь буйство красок. Мы обратили внимание на это теперь, когда ясное солнце пробило своими лучами воздух и весь край ожил после вчерашнего ливня. Миновали ущелья с кристально чистыми источниками. Возле них скучились стада коз и овец. Мы обогнали осликов и лошаков, миновали утес и увидели, как на террасированных полях уже работали первые крестьяне.

В первой половине дня мы добрались до Альморе, областного центра Гархвала. В наше время Альмора стала широко известной благодаря расположенному здесь центру неоиндуистской религиозной организации «Миссия Рамакришны». Тут находится также Всеиндийский культурный центр, основанный в 1939 году

известным танцовщиком Удай Шанкаром.

Осмотрев ратушу и старую башню с часами, мы стали искать дорогу, ведущую к районному отделению лесничества. Нам необходимо было взять однодневную путевку в дхикальский дом лесничества, который находится в Национальном заповеднике.

Районное отделение лесничества располагалось в продолговатом низком здании колониального типа с прилегающим к нему красивым палисадником. Там в темной комнате сидел лесничий. Он даже слышать не желал о том, чтобы выдать разрешение на посещение заповедника. [78]

— Согласно инструкциям, вы должны по крайней мере за 48 часов до поездки в заповедник подать заявление в письменном виде, — неприветливо буркнул он под нос и снова погрузился в свои отчеты.

В этот момент в комнату вошел молодой инженер лесничества. Он любезно спросил, откуда мы и что нас сюда привело. Узнав, из какой страны мы приехали, он пригласил нас в свою канцелярию. Мы ждали, что он задаст нам традиционный вопрос, с которым обычно к нам обращались местные знатоки географии: какая, например, сейчас погода в столице Чехословакии Белграде?

Но тут инженер удивил нас:

— Я немного знаю Прагу. Побывал там во время учебы в Европе. От вашей Золотой Праги у меня остались приятные воспоминания. Ваши люди были так внимательны ко мне. Я рад, что могу отплатить вам тем же.

Он тут же предложил нам чай. Пока ароматный дымок вился над чашечкой янтарного чая, инженер попросил телефонистку с почты связать его с заведующим дома лесничества в Дхикале.

— Договорюсь с ним по телефону, — улыбаясь, сказал он, — там, кажется, уже есть иностранцы, но коллега Гупта для друзей всегда найдет место.

Мы обрадовались, что сможем посетить Национальный заповедник имени Джима Корбетта без письменного разрешения. Однако симпатичный инженер вовсе не собирался нас отпускать. В другой комнате у него на стене висела огромная карта заповедника. Увидев, с каким интересом мы ее рассматриваем, он устроил для нас импровизированную лекцию.

Мы узнали, что Национальный заповедник Корбетта занимает площадь около 320 квадратных километров в дистриктах Гархвал и Найнитал штата Уттар-Прадеш у подножия Гималаев. Это первый заповедник на территории Индии. Он организован в 1935 году с целью сохранения здешней девственной природы. Районы расселения тигров в сегодняшней Индии можно пересчитать на пальцах одной руки. Короли джунглей еще совсем недавно немилосердно уничтожались махараджами и их европейскими гостями. В настоящее время охота на тигров организуется исключительно через туристические агентства. В этой резервации тигров всего около 100 и их искусственно подкармливают. А это довольно трудная работа. В отличие от зоопарка, мясо тут нельзя [79] подать зверям, что называется, на тарелочке. Тогда они перестанут быть дикими животными.

Поэтому работникам заповедника приходится заботиться о том, чтобы на его территории в распоряжении зверей всегда было достаточно естественной пищи. Для тигра — это чаще всего кабан. В Национальном заповеднике Корбетта их не так уж много, поэтому тигры, обитающие в этих местах, охотятся и на таких крупных зверей, как, например, олени замбар и читал, а также на гауров, диких туров. Когда территория заповедника еще не была ограничена, тигры свободно подходили к селениям и нередко их добычей становились домашние животные: буйвол, корова или коза. В резервации искусственно поддерживают определенную численность тигров так, чтобы они не голодали.

Что касается истории заповедника, то сначала он получил имя тогдашнего британского губернатора Соединенных провинций Хейли, а позднее был переименован в Национальный парк Рамганги (так называется протекающая здесь река). В 1957 году заповедник переименовали в честь Джима Корбетта, известного любителя и знатока индийской природы, посвятившего всю свою жизнь изучению зверей Кумаона, знаменитого автора захватывающих рассказов о тиграх-людоедах, леопардах, медведях и других диких обитателях здешних гор.

Я вспомнил наши переживания вчерашней ночи при встрече со светящимися глазами и спросил, кто бы это мог быть.

— Если зверь был сравнительно крупным и отбежал с глухим рычанием, как вы сказали, то, вероятнее всего, это был какой-нибудь вид леопарда, например черный барс. Здесь их бродит довольно много. Однако они сравнительно пугливые животные и на человека обычно не нападают. Так что бояться их не стоит.

Я поинтересовался, какие еще животные есть в заповеднике.

— Здесь можно встретить всех зверей, которые обитают в джунглях, главным образом диких слонов, тигров, медведей и, конечно, вездесущих обезьян. Встречаются здесь также олени, косули и лани. Если вас интересуют пернатые, то в заповеднике богатый выбор водоплавающих — фазанов, коричневых и черных куропаток, а также имеются павлины. В Рамганге плавают крокодилы, а в густых зарослях скрываются ядовитые змеи.

Мы еще раз внимательно изучили подробную карту [80] заповедника, чтобы знать наверняка, где свернуть с рамнагарской дороги в сторону широкой долины Патли Дун. Благодаря сравнительно сухой весенней погоде по лесным дорогам, по словам лесничего, сейчас можно передвигаться. Он указал нам, по какой дороге мы доберемся до дома лесничества в Дхикале. А если пожелаем увидеть стада диких слонов, то надо проехать дальше в глубь заповедника. Там, между двумя горными хребтами, стоит хижина Патерпани, а от нее к югу тянется красивая долина, где обитает много пятнистых оленей и диких слонов. Инженер сказал, что нам повезло. Месяца через два, точнее с 1 июня, ворота Национального заповедника Корбетта закроются, и почти полгода сюда не будут пропускать ни одного посетителя. Дело в том, что в предгорьях Гималаев в это время года идут проливные муссонные дожди, которые делают невозможным какое-либо передвижение по размокшим дорогам.

К счастью, в то время здесь было сравнительно сухо, и мы благополучно спустились по рамнагарской дороге и оказались у входа в заповедник. Миновав

ворота заповедника, мы оказались на покрытой травой лесной дороге. Вдоль нее пылали киноварью цветы деревьев, которые здесь метко называют «пламенем леса», а джунгли буйствовали всеми оттенками зеленого цвета. С лесных великанов свисали темно-зеленые побеги лиан, а под ними мягко стелились нежные стебли невысокой «тигриной» травы.

Быстро опустились сумерки; из Альморы мы выехали довольно поздно, а по дороге часто останавливались, чтобы еще раз полюбоваться величавыми Гималаями. Мы ехали уже в темноте. Фары то тут, то там высвечивали газель или антилопу, однако других зверей пока не было видно. Наверное, они спрятались, потому что нам очень хотелось их увидеть, например живого тигра. Вот снова вместо него из зарослей выскочил заяц и стал петлять в свете фар.

Нам ничего не оставалось, как надеяться, что днем нам повезет больше. Служащий Национального заповедника Корбетта приготовил нам слона, на котором вместе с другими гостями мы отправимся рано утром в джунгли. А пока мы воспользовались гостеприимством бунгало. За столом мы познакомились с нашими соседями. Оказывается, они приехали сюда из Канады и Австралии. Спать отправились рано, чтобы наутро быть бодрыми. [81]

Сразу же после восхода солнца нас разбудил махоут, погонщик слонов. К поездке в джунгли все уже было готово, но ночью прошел дождь, и мы смирились с мыслью, что промокнем до костей. Вероятность того, что в сыром подлеске появится тигр, равна нулю, но, несмотря на это, мы отправились в джунгли.

Взобраться на слона, пусть даже опустившегося на колени, оказывается не так-то просто. В совершенстве это умеют делать лишь опытные погонщики; они знают немало способов, как вскарабкаться на спину этого громадного животного. Конечно, наилучший из них — разрешить слону грациозно поднять вас хоботом на необходимую высоту, чтобы затем легко соскользнуть прямо на его спину. Другие, столь же ловкие, люди используют для этого слоновий хвост. Они делают из него петлю. Затем вставляют в нее, как в стремя, ногу, после чего, вспомнив молодость, взлетают словно птица и удобно устраиваются наверху. Однако проще всего воспользоваться небольшой лестницей, которая почти всегда привязана к боку слона. Самый комфортабельный способ предлагают туристам в крепости Амбера: там слона подводит к специальной платформе, высота которой соответствует росту животного, так что достаточно сделать шаг с площадки — и вы уже в хоудах — носилках, укрепленных на спине слона.

Мы сравнительно легко взобрались на слона с помощью каната, спущенного для нас с хоудах, и удобно устроились на лавочках в широких носилках. При этом мы свесили ноги по боку слона и крепко вцепились руками в перила носилок. Удивительно, как мы не свалились на землю, когда слон стал подниматься на ноги. Сначала он выпрямил передние ноги, и хоудах оказался под таким резким углом, что мы с большим трудом удержались в носилках. Только после того, как слон встал и на задние ноги, носилки снова приняли нормальное положение.

— Чало, Хира Лал! (Вперед, Хира Лал!) — закричал махоут и стал погонять своего питомца острым концом ангка — короткого железного жезла. Нашего слона звали Хира Лал, что значит «Рубиновая драгоценность». Имя довольно необычное для такой горы мяса. Хира Лал поднял хобот, затрубил, несколько раз взмахнул огромными ушами и послушно пустился в путь. Нам показалось, что под нами не

слон, а плывущий по волнам корабль. [82]

Сначала шли по следам стада гауров, диких лесных туров. Ночью стадо паслось у ручья под горой и не могло еще уйти далеко. Наш махоут сказал, что, судя по следам, здесь прошло, видимо, пять или шесть взрослых животных. Следы вели к лиственному лесу, поросшему зарослями бамбука. Высокие, тонкие стволы бамбука торчали отдельными зарослями выше роста человека. Хира Лал терпеливо продирался сквозь них. Наверное, прошло уже лет пятьдесят, как он променял свободу в глуши на вполне терпимую, но однообразную службу человеку.

Несмотря на то что ярко светило солнце, в густой тени лиственных деревьев все еще царствовал полумрак. Слон, слегка покачиваясь, шел через небольшое болотце у лесного озера, на покрытой ряской поверхности которого цвели карминовые и белые лотосы. Над нашими головами летали небольшие изумрудно-зеленые попугаи и порхали бархатно-коричневые, лазорево- и канареечно-желтые бабочки. Переплетенные ветви вековых деревьев образовывали над нами непроницаемый зеленый балдахин.

Не доходя до просеки, Хира Лал замер. Там, в бамбуковых зарослях, что-то чернело. Проводник передал нам бинокль и объяснил:

— Тот большой зверь с краю — бык-гаур. Он опасен, так как может напасть на человека. Однако людям на слоне он ничего сделать не может.

Сквозь густые заросли мы пытались рассмотреть могучие закрученные рога и блестящее черное тело. Рядом с быком вплотную друг к другу лежали коровы, поэтому было плохо видно.

Хира Лал медленно развернулся, но направился не домой, а стал пробираться через чащу дальше, не обращая никакого внимания на то, что наша одежда давно уже вымокла от капель дождя, слетающих на нас с потревоженных листьев. Вскоре мы добрались до впадины, в которой образовался водоем.

— Это павлинье озеро, — прошептал проводник, — в это время года сюда слетаются дикие павлины. Давайте их немного подождем.

Мы простояли, не двигаясь, пять минут, десять, пятнадцать. Вдруг в воздухе послышался свист, как будто над нами пролетела граната, и возле нас шлепнулся большой зелено-голубой павлин. Вслед за ним другой, а затем третий. Видим, как и другие павлины поднимаются на вершину хребта, а потом, прижимая крылья к [83] телу, по одному пикируют на землю. Мы наблюдали в бинокль, как они опускались возле озера и пили воду. Поверхность озера выглядела так, будто его окаймляла голубая рамка.

Медленно, чтобы не испугать птиц, мы стали отступать назад. Таков закон заповедника: каждый посетитель должен вести себя здесь так, чтобы как можно меньше тревожить зверей. В наступившей тишине лишь негромко жужжали камеры. Домой мы возвращались другим путем, так чтобы увидеть крокодилов, которые нередко выползают на песчаный берег Рамганги. Но и тут нам не повезло. Может, было еще рано и холодный песок не манил их на берег. Они скрывались под водой, и лишь время от времени на отмели слегка кружилась

вода, потревоженная ударом могучего хвоста.

Мы направились к бунгалу, чтобы переодеться, а затем снова попытать счастья в другой части Национального заповедника. В полдень мы отправились в путь и через четверть часа качки достигли намеченного махана — места для охотников. Обыкновенно махан — это укрытие из ветвей, высокая каменная наблюдательная башня с железной лестницей и перилами. Мы поудобнее устроились на лавочках, однако туристское благоустройство махана вызвало у нас недоверие. Несмотря на заверения, будто после дождливых ночей тигры приходят к ручью, расположенному неподалеку отсюда, иногда и днем, мы все же сомневались, что отсюда можно вообще увидеть какого-нибудь зверя.

Тем временем из густых зарослей прямо под нами появилось какое-то животное. Вряд ли это король джунглей. Может быть, заяц? Я посмотрел в бинокль, который протянул мне проводник, и увидел зверя, похожего на небольшого поросенка, но с коричневой в крапинку шерстью и головой олененка. Однако у него не было рогов. Тоненькие ножки едва несли грузное тело.

— Йе хе канчил, — разочарованно заметил господин Гупта, как будто перед нами всего лишь кролик. А ведь это был тот самый канчил, животное семейства оленьих, над которым европейцы долго размышляли, как его, собственно, назвать! Англичане называли его mouse deer — «мышиный олень». Существует еще и другое название этого животного, данное ему европейцами, — «олений поросенок».

Прошел час, другой, третий, но ни одно животное так больше и не появилось. Мы решили возвращаться. Невыносимо [84] палило солнце. Канадцы изъявили желание еще раз попытать счастья сегодня ночью, а австралийцы заявили, что с них довольно. Они признались, что подстерегают тигра вот уже в седьмой раз, но даже хвоста его не видели. Как и мы, они решили уехать сегодня же.

— Случается и такое: только гости расположатся на махане, а тигр тут как тут, будто услышал приглашение, — уверял нас проводник, помогая спуститься на землю.

Мы быстро забежали в бунгалу, попрощались с приветливым господином Гуптой и сели в машину в надежде, что, может, хотя бы по дороге нам удастся увидеть какого-нибудь зверя. На опушку леса, действительно, выбежали две большие обезьяны с длинной бежевой шерстью, хануманы, и какое-то время следовали за медленно движущейся машиной. Они исчезли с дороги так же неожиданно, как и появились. Мы видели, как они пружинистыми прыжками уже перепрыгивали с ветки на ветку, и вспомнили тех обезьян, с которыми недавно встретились в Туглакабаде, — те охотно вскочили на крышу машины и удобно там устроились. Они очистили банан и стали озорно кидаться в нас банановой кожурой.

Машина неслась по дороге, но никаких обитателей джунглей мы больше не встречали на своем пути. Лишь после того, как спустились в глубокую лощину, перед нами предстал еще один обитатель заповедника: чинкара, индийская газель с прямыми, слегка изогнутыми рогами. Она быстро перебежала дорогу и плавными прыжками исчезла в чаще. Чинкара — последнее животное, которое нам суждено было здесь увидеть. Вскоре мы подъехали к деревянным воротам, миновали их и оказались на асфальтированном шоссе.

Жаль, что все редчайшие обитатели Национального заповедника остались скрытыми от наших глаз. Не появился перед нами тот, ради которого мы туда ехали, не видели и его «подданных». Даже дикие слоны не покинули свои укрытия в глубине леса. И тем не менее мы ни о чем не жалели. Ведь если бы царя зверей можно было увидеть в любое время, то из заповедника получился бы обыкновенный зоопарк, а тигр из хозяина здешних мест превратился бы в заключенного. Пусть все остается так, как есть: тигр в заповеднике дома, и гостей он принимает тогда, когда пожелает.

Романтические горы остались позади, и мы выехали [85] на равнину. Вечером мы миновали места, где ранее было расположено княжество, небольшое по размерам, но важное по своей роли в развитии литератур на персидском и на урду. Это Рампур, в былые времена носивший имя Мустафабад.

Рампурский наваб был одним из последних меценатов из числа правителей индийских княжеств. Он оказал неоценимую услугу индийской литературе тем, что дал прибежище крупнейшему индийскому поэту XIX столетия Галибу. Мирза Асадулла-хан Галиб жил в Рампуре несколько лет. Здесь он написал многие свои грустные и трогательные очаровательные газели на фарси и урду.

Я не смог устоять перед искушением посетить знаменитую рампурскую государственную библиотеку, размещенную в одной из бывших навабских резиденций. Сюда часто приезжают исследователи — их влечет библиотека с редкими восточными рукописями. Здесь есть также редкое собрание портретов известных личностей индийской истории с XVI по XVIII век.

К сожалению, уже вечерело, библиотеку закрывали, и мне не оставалось ничего другого, как дать себе слово посетить ее в другой раз. Однако во время своих последующих поездок в Индию до Рампура я так и не добрался.

Часа через два мы были уже в столице Индии. К сожалению, наше почти недельное путешествие в мир лакхнауских навабов и джунглей подошло к концу.

В краю султанов и раджей Священный уголок бога Кришны

В тот холодный декабрьский вечер я сидел в своей комнате в делийском университетском общежитии и ломал голову над тем, что буду делать на рождество, когда все библиотеки и архивы будут закрыты. За работой я совсем не подумал о том, что мою размеренную жизнь могут нарушить христианские праздники. Я почему-то предположил, что в Индии этот праздник вовсе не отмечают, но календарь вывел меня из заблуждения. Индия, будучи светским государством, относится к праздникам всех религий более чем терпимо. Так, выходными днями являются и индуистский праздник огня дивали, и мусульманский конец поста, и годовщина рождения Будды, и день рождения сикхского гуру Нанака, и, само собой разумеется, бара дин — большой день, то есть праздник индийских христиан. Его также не пропускают.

За несколько дней до рождественских праздников красивые проспекты Нью-Дели, рынки богатых районов уже сияли змейками цветных лампочек. Здесь же трепетали длинные полосы бумажных украшений. Гирлянды из белых и

оранжевых цветов издавали дурманный запах. Афиши приглашали на рождественские балы в крупнейшие отели, а на передвижных лотках уличных продавцов громоздились огромные стопки отпечатанных поздравлений. На дверях костела висело объявление, что полночная месса будет идти на английском языке, а утренняя на хиндустани. В костеле служка уже расставил игрушечных коров и овец на макете крестьянского двора с яслями, в которых, по преданию, родился Христос.

Я долго размышлял, как лучше провести эти праздничные дни, но ничего занимательного в мою голову не [87] приходило. Из раздумий меня вывел голос посыльного у окна:

— Сааб, ап ке лийе телифан аяа (Господин, вас к телефону).

Я пробежал двумя дворами и, запыхавшийся, ввалился в комнату привратника. В телефонной трубке отозвался знакомый голос. Звонил мой приятель из чехословацкого посольства.

— Что скажешь, если я приглашу тебя совершить вместе со мной турне? Давай на несколько дней махнем в Центральную Индию. Направление — Матхура, Гвалияр, Джханси, Кхаджурахо, а дальше посмотрим. В сочельник заночуешь у меня, а наутро отправимся в дорогу.

Приглашение пришло в самый подходящий момент. Ведь я и сам собирался в те края, а теперь доберусь туда и быстрее, и с комфортом. Кроме того, в общежитии стоял собачий холод и я надеялся, что по дороге хоть немного согреюсь, поскольку маршрут вел на юг.

В сочельник я уже сидел в гостях у своих словацких знакомых. Ничто за праздничным столом не напоминало мне рождество дома, в Праге.

Вместо традиционного карпа на блюде царственно восседал поджаренный до золотистого цвета, во всем своем великолепии фаршированный индюк. Затем на столе появились апельсины, мандарины, бананы, кокосовые орехи и спелые, сочные, только что сорванные с дерева папайи. Однако долго наш пир продолжаться не мог — мы рано отправились спать, чтобы хорошенько выспаться перед дорогой.

Ранним утром на серой «шкоде» мы тронулись в путь. Желтые лучи противотуманных фар неуверенно нащупывали столбики старой императорской дороги, ведущей к югу. Вокруг все было погружено в сон. Лишь в морозном воздухе кружили над нами вездесущие грифы. Мы преодолели немало километров, прежде чем горизонт на востоке окрасился в пурпурно-красный цвет и на небосклон медленно выплыл зябкий солнечный круг.

На дороге стали появляться скрипучие воловь упряжки на деревянных колесах и со всех сторон неслись сигналы велосипедистов — это деревенские жители везли в город бидоны с молоком. От очагов глиняных домиков поднимались белые столбики дыма, а ниточки дорожек к деревенским колодцам уже нанизывали на себя кораллы одетых в красные сари женщин с пирамидками [88] латунной посуды на головах. Когда солнце поднимется чуть выше, на деревенскую площадь выбегут дети, а пастухи погонят на пастбища скотину. Деревянные лавочки базара

сегодня будут закрыты. Лишь изредка можно увидеть, как усердный лавочник предлагает сигареты, пучки бетелевых листьев или лимонад, а старательный трактирщик стирает пыль со скамеек чайной под открытым небом — готовится встретить первых гостей.

Понемногу стало пригревать солнце, и мы выключили отопление и сняли свитера. Часов около девяти мы пересекли границу Баджа, священного уголка индийской земли.

Здесь, согласно индуистским легендам, лучше всего сохранившимся в «Бхагавата-пуране», родился легендарный Кришна, ставший восьмым воплощением бога Вишну. Тут он рос, проказничал и творил чудеса, дразнил пастушек, играл на флейте и любил прекрасную Радху.

Эти легенды привлекают сюда бесчисленные толпы паломников. Больше всего их приходит из Бенгалии, так как там в позднее средневековье культ Кришны получил особенно большое распространение. Однако хватает в этих местах и представителей других штатов Индии. В отличие от иных индуистов правоверный вишнуит не мечтает умереть в Варанаси, с тем чтобы его пепел был предан волнам Ганга. Предел его мечтаний — закончить жизненный путь именно здесь. Сюда он приходит с надеждой, что его останки будут сожжены на берегах священной Джамны, в которой так любил купаться их любимый бог Кришна.

Не доезжая Матхуры, мы свернули с императорской дороги — решили ненадолго заглянуть в близлежащий Вриндаван. Этот небольшой городок отличается огромным количеством храмов, посвященных синетелому богу Кришне. По преданию, Вриндаван стоит на том месте, где баджские пастухи со своими женами и дочерьми во времена Кришны пасли своих коров.

Неширокая, но асфальтированная дорога быстро приводит нас к цели. На окраине Вриндавана раскинулось здание из красноватого песчаника. Необычна крестообразная форма этого здания. На нем отсутствуют традиционные куполки и павильончики, мы с трудом узнали в нем индуистский храм. Вход внутрь храма европейцам запрещен, поэтому мы стараемся хотя бы проникнуть [89] взором через пустой двор в главный алтарь, возле которого брахманы воспевают Кришну в образе Говинды, божественного пастушка.

О нас неожиданно решил позаботиться упитанный кришнаит — он посоветовал нам подняться на террасу небольшого современного храма, расположенного по соседству. Оттуда открывается как на ладони не только вид на этот храм, но и панорама всего городка. Мы поднялись по узенькой лестнице. Однако открывшийся вид наших усилий явно не стоил. Вокруг громоздились сплошные развалины.

Вриндаван оживает в августе, во время праздника в честь рождения Кришны. Тогда у ветхих стен храмов столько паломников, ступить некуда. Те же, кто не находит приюта в городе, разбивают лагерь в окрестных рощах. И там у них есть возможность проявить свое уважение к памяти любимого бога. Наиболее посещаемым местом является стародавний высохший гхат, где однажды, по преданию, Кришна застал врасплох купающихся красивых пастушек. Они, уверенные в том, что их никто не видит, разделись донага и беззаботно резвились в воде. Кришна решил немного подразнить их. Осторожно он собрал их одежду,

развесил ее на смоковницах и очень веселился, наблюдая их смущение, когда они обнаружили пропажу.

Кришнаиты восторженно вспоминают подвиги своего бога, которому ничто человеческое не было чуждо. При этом они с удовольствием упоминают о большом чувстве юмора Кришны и его любовных играх с пастушками. В память о его озорстве кришнаиты развешивают на ветвях смоковницы цветные ленты и лоскутки. В наши дни Кришна не смог бы повторить свои шалости. Ни одна пастушка не пришла бы сюда купаться, так как вода уже не заливает ступени гхата, а река Джамна давно течет по другому руслу.

До города Матхура мы едем вдоль Джамны. В городе по берегам Джамны тянутся священные гхаты длиной несколько сот метров. За их пестрой и шумной жизнью лучше всего наблюдать с лодки. Мы вышли из машины и узкими улочками добрались до пристани. После необходимых переговоров с перевозчиком наняли за несколько рупий небольшую лодочку и отплыли от берега. Правда, мы выбрали не самое лучшее время для осмотра гхатов, так как в первой половине дня здесь почти пусто. Лишь изредка можно увидеть небольшие [90] группки верующих, пришедших искупаться в священной реке, чтобы смыть с себя грехи.

Обмелевшая за зиму река обнажила песчаное дно, и лодка скреблась у берегов о камни. На камнях, выставив на солнышко свои черно-серые панцири, греются огромные ленивые черепахи. Они словно подмигивают нам своими блестящими глазками, спрашивая, не везем ли мы им чего-нибудь сладкого. Утром и вечером они выбирают по одной на берег и с достоинством разрешают кормить себя сладостями и фруктами. Паломники-индуисты с удовольствием делают это, полагая, что в одной из черепах воплотился сам бог Вишну.

С берега, с центральной набережной Вишрантгхата, доносились неравномерные удары колоколов. Широкие каменные ступени гхата ведут от реки к ослепительно белой арке, на которой среди четырех башенок возвышается гладко отполированная мраморная площадка. Рассказывают, что джайпурские махараджи во время своих дней рождения и ярмарок раздавали оттуда щедрые подарки паломникам. Сегодня терраса кишит белыми и шафраново-желтыми одеждами вишнуитских паломников. Каждый из них при входе поднимает руку к веревке огромного колокола и несколько раз ударяет в него, тем самым отмечая свою религиозность и извещая бога о своем присутствии.

Со стороны гхата слышатся напевы паломников из Северной Индии. Почти все они в белых одеждах, и у каждого на шее длинный веночек из оранжевых и желтых цветов. У молодых паломников видны вплетенные в густые черные волосы красные цветы. Они церемонно полощут горло, споласкивают рот речной водой, а наиболее религиозно настроенные даже пьют эту воду большими глотками. Затем паломники разбрасывают по поверхности реки горсти цветов, а из медных мисочек льют в волны растопленное масло гхи. Допев свои жертвенные гимны, не раздеваясь, они бросаются со ступенек гхатов в реку. Зачерпывают воду в ладони, пропускают ее через пальцы и, наконец, окунаются по шею, а иногда и с головой, в воду. После купания женщины переодевают сари. Они так ловко снимают с себя мокрую одежду и надевают сухую, что никто даже краешком глаза не успевает увидеть их голые тела. Неподалеку стройные девушки из близлежащей деревни полощут белье. У них нет чрезмерной стыдливости. По деревенским обычаям, они не носят даже блузки и без всякого [91] стеснения

нагибаются так, что все их прелести открываются взорам купающихся набожных паломников. Им нечего стыдиться, ведь пастушки во времена Кришны вели себя точно так же.

Тем временем солнце поднималось все выше, напоминая нам, что времени у нас мало, а мы должны еще успеть увидеть не менее священные места. Лодка развернулась, и мы поплыли назад, к пристани, вдоль храмов и святых мест, мраморных площадок и украшенных павильонов, которыми усеяны здешние гхаты. На машине мы проехали через длинные ряды лавочек, в которых продавалось все, что может относиться к религии индуизма. Здесь чаще всего можно увидеть статуэтки синетелого Кришны, играющего на флейте. Но вот многочисленные лавочки остались позади, мы выехали на просторную улицу западного предместья, где на высоком фундаменте возвышалась красная мечеть Аурангзеба. Она была воздвигнута на развалинах индуистского храма, под которым, в свою очередь, скрываются остатки еще более древнего буддийского монастыря.

Еще в далекие времена здешние места считались священными. Может, поэтому в более поздних индуистских легендах говорится, что бог Кришна родился именно здесь. Такие утверждения подкрепляются еще одной легендой о том, что мать Кришны купала его, а няня стирала пеленки в пруду, расположенном неподалеку отсюда. Его и сегодня все еще называют Потра кунд — «Пеленковый пруд». Несколько лет назад богатый индийский промышленник Бирла поставил на берегу пруда современный желто-красный храм, тем самым однозначно определив для всех индуистов точное место рождения Кришны.

Легенды о Кришне ведут нас из Матхуры дальше на запад до самого сердца области Баджа. Альварская дорога через двадцать пять километров вывела нас к подножию узкого гребня низких гор, которые носят название Гирирадж пахар — «Господин вершины». Однако истинный хозяин гор тут не кто иной, как Кришна, хранитель здешнего края. Рассказывают, будто однажды он застал на этом месте пастухов, возносящих молитвы древнеиндийскому богу Индре. Кришна приказал им забыть Индру и поклоняться ему. Пастухи охотно согласились, но разгневанный Индра в наказание наслал на них ураганные ветры, засыпал землю градом и, чтобы лишить стада пастухов пропитания, решил залить здешние [92] пастбища, обрушив потоки воды. Однако Кришна не оставил пастухов в беде: одним пальцем он поднял самую большую гору Гобардхан и семь дней и семь ночей держал ее над Баджем словно огромный зонтик, так чтобы пастухи вместе с семьями и скотом могли укрыться от наводнения. В благодарность всю свою приязнь пастухи перенесли на бога Кришну и, воздавая должное его божественной силе, славили его деяния по всей Индии.

Мы буквально исколесили вдоль и поперек здешние горы, но, как ни старались, гору Гобардхан найти так и не смогли. Возможно, ее вообще не существовало, или старая легенда сильно преувеличила ее размеры.

Вместо горы мы обнаружили красивый городок с тем же названием. Гобардхан расположен на берегах большого, неправильной формы озера с каменистым дном. Здешние воды так же священны, как и воды Ганга. Ежегодно сюда приходят сотни тысяч верующих, чтобы здесь, в расположенном на берегу храме, поклониться богу Вишну и его аватаре, т. е. воплощению в образе Кришны.

Вряд ли какой-нибудь паломник забудет пройти к озерам Кришны и Радхи. И мы сделали то же самое. Примерно километров через пять мы подъехали к плотине из серо-желтого песчаника. Верх ее украшен типичными зонтиковыми павильончиками. По обе стороны от плотины расположены два озера квадратной формы с немного зеленой, загнивающей водой, от которой идет неприятный запах. В первом озере, говорят, купался Кришна, чтобы смыть с себя все нечистое после того, как он убил демона в подобии быка Аришты. В другом — нередко купалась его возлюбленная Радха. Поклонникам Кришны совсем не мешает тот факт, что оба водохранилища возникли всего лишь сто семьдесят лет назад, когда рядом был воздвигнут мавзолей раджи Сурадж Мала из джатов.

Название этого воинственного племени, вернее, целой группы родственных племен приводит нас к истории здешнего края. В XVIII столетии, в эпоху распада империи Великих Моголов, джаты во главе с Сурадж Малом создали здесь княжество, внушавшее императору опасения. Джаты были так уверены в своих силах, что решились на сопротивление не только войскам угасающей империи, но и отважным маратхам, быстро расширявшим свое влияние в Индии. [93]

О происхождении джатов известно мало. Предполагают, что они близки к раджпутам; так же, как и последние, джаты пришли в Индию с запада, и вроде бы в них столько же скифской крови, сколько и у раджпутов. Так же, как и раджпуты, они относят себя к воинской варне кшатриев. Однако большинство индуистов не признает за ними такого права и причисляет их к более низкой варне шудров. Сердца джатов всегда были полны отваги и боевого духа — воинские формирования джатов, так же, как и сикхов, еще и сегодня относятся к элитным частям индийской армии. Однако их основным занятием было земледелие. Иногда они с успехом занимались и торговлей. Нередко члены некоторых подкаст джатов объединялись в грабительские шайки. Они бродили по большим дорогам края, косили чужой хлеб, грабили амбары и жестоко издевались над простыми крестьянами. В начале XVIII столетия, после смерти императора Аурангзеба, положение джатов было настолько сильным, что они сумели завоевать даже императорскую столицу Агру. Центром их владений тем не менее оставались города Бхаратпур и Диг, которые они украсили красивыми зданиями.

Нам очень хотелось осмотреть посмертные памятники известных правителей джатов — раджей Бальвант Сингха и Ранджит Сингха в Гобардхане. Выпутавшись из клубка пыльных дорог, мы попали на берег гобардханского водохранилища, где нашим взорам открылся очаровательный вид на два небольших легких замка с открытыми галереями, стройными аркадами и крошечными павильончиками в углах крыш. С первого взгляда видно, что архитектор находился под сильным влиянием могольских образцов.

В залах мавзолея Ранджит Сингха было пусто. Мы медленно и осторожно брели по толстому слою пыли, устилавшему каменные плиты, взбирались по высоким ступеням узенькой лестницы из песчаника наверх и замирали, любуясь зеркальным отражением охровых куполов в застывшей воде озера. Затем мы оказались под сводами ажурных арок, и перед нами открылись новые виды соседнего мавзолея Бальвант Сингха. Оба мавзолея объединены одним архитектурным решением.

В среднем зале нас ожидал сюрприз: на потолке и стенах живопись начала прошлого столетия. В индуистских постройках не так уж часто можно встретиться

с фресками, обычно там находятся рельефные скульптурные [94] украшения, иногда — цветная мозаика. Здешняя настенная живопись возникла, вероятно, благодаря французским офицерам, состоявшим на службе у бхаратпурского раджи; потрескавшаяся штукатурка выдает европейскую технику живописи, однако сюжеты сцен убеждают в том, что они родились не в головах англичан или французов. Большинство фресок рассказывает о четырех безуспешных атаках британских колониальных войск против хорошо укрепленного Бхаратпура.

Наступил полдень, а мне так хотелось побывать еще в летней резиденции джатских раджей в Диге, известном своими прекрасными садами и дворцами. Отсюда до Дига всего шестнадцать километров, так что, пожалуй, мы еще рискнем туда съездить, хотя до цели сегодняшнего путешествия оставалось еще далеко.

Десять минут езды по асфальтированной дороге — и мы уже на возвышенной дамбе. Растительность лугов, окружающих ее, свидетельствует о том, что ранее здесь были непроходимые болота. Я начал понимать, почему во времена джатского могущества раджа Сурадж Мал оставил Бхаратпур и сделал своей резиденцией много меньший по размерам Диг. Конечно, здесь он чувствовал себя в большей безопасности; болотистая почва под стенами города гарантировала, что до него не доберется никакой враг. Кроме того, Сурадж Мал укрепил старую дигскую крепость, семьдесят шесть ее крепких бастионов обеспечивали ему совершенную защиту перед атаками маратхов и англичан.

Вскоре раджа пришел к выводу, что грубые стены крепости больше годятся для боя, чем для жизни со всеми удобствами. Поэтому в 1756 г. он решил основать новую, на этот раз пышную, резиденцию, которая достойным образом представляла бы его растущую силу. Вероятно, раджа и не подозревал, что в захолустном городке восточной Раджпутаны благодаря ему будут созданы изумительные образцы поздней могольской дворцовой архитектуры.

Квартет дворцов

Мы остановились в центре Дига, на тихой площади в тени раскидистого баньяна. Над ним, на небольшом холме, возвышаются разрушенные стены старой крепости. На гладкой поверхности двух искусственных водоемов [95] отражаются летние дворцы раджи Сурадж Мала с лепными украшениями в стиле барокко. По дряхлому мостику мы перебрались через широкий ров с густой ряской на поверхности и по узенькой дорожке прошли к главной башне. Однако вход в твердыню закрыт — просто-напросто забит досками. В бессилии мы пытались измерить взглядом высоту мощных полукруглых бастионов и уже собрались несолоно хлебавши вернуться, как к нам подбежала шумная ватага ребятишек, ну а они-то уж знали, как и что. Своими ловкими ручонками они приподняли две некрепко прибитые доски и один за другим исчезли в проеме. Нам оставалось только устремиться за ними вслед.

Внутри крепости нас встретило карканье, кваканье и щебетание — такое чувство, будто мы оказались в вольере. На крепостных стенах восседали черные лысухи, на башнях расположились по двое элегантные цапли — они словно с презрением отворачивались от всяких тварей, которые вместе с ними намеревались перезимовать здесь, на берегах дигских озер. Архитектура крепости не представляла собой ничего особенного — обыкновенный образец крепостного

строительства времен могольской Индии. Однако она поражала своими размерами. Ее зубцы, парапеты и башни лежали в развалинах уже более ста лет. Последняя битва произошла здесь в начале прошлого столетия, когда англичане выбили отсюда остатки маратхской армии во главе с Холкаром, правителем Индаура.

Мы вернулись к Серебряному озеру. Тропинка, выложенная кирпичом, привела нас к ступеням широкой террасы, а оттуда к небольшим, очень оригинальным дворцам раджи. Во-первых, в отличие от других дворцов Северной Индии, они находятся за пределами крепостных стен, — еще одно свидетельство того, что Сурадж Мал чувствовал себя в полной безопасности внутри защитного пояса болот, опоясывающих город. Во-вторых, здешние дворцы построены не на возвышенной местности, как большинство других в Раджастане или в Мадхья-Прадеше, а на ровном месте, хотя это и не уменьшает их красоты. В-третьих, они могут гордиться тем, чего нету других дворцов, — широкими двойными карнизами у крыш.

Вокруг нас столько дворцов, что, кажется, пересчитать их просто невозможно. Они прячутся один за другим, как будто играют в прятки, скрываются в тени [96] садов. Самый очаровательный из них — павильон Сураджа в центре парка. Одетый в белый мрамор, павильон словно претендует на родство с имперской архитектурой Моголов. Однако правитель, в честь которого называли это чудо, предпочитал жить в старом дворце Гопала, построенном из слегка желтоватого песчаника. Вероятно, тут ему нравилось больше потому, что отсюда открывается прекрасный вид на гхат у озера. Перед входом во дворец он приказал построить два мраморных трона, между которыми возвышается массивная каменная арка. Мы никак не могли понять, зачем она была здесь поставлена. Да ведь это же качели! На верхней балке еще виднелись крюки для веревки. Возможно, когда спадала летняя жара и наступала прохлада, на них качался сам раджа или же его придворные дамы.

От дворца к дворцу вели выложенные камнем дорожки, вдоль которых видны небольшие каналы с прозрачной водой. На одинаковом расстоянии друг от друга били фонтаны, капли воды от которых долетали до прямоугольных клумб. В саду можно найти немало подтверждений тому, что придворный архитектор был прекрасно знаком с образцами персидской дворцовой архитектуры.

Хорошо, что мы пришли сюда именно в полдень — яркий свет еще больше подчеркивал необычайно светлый цвет песчаника. Тени усиливали впечатление богатства резьбы на колоннах, в нишах и верандах и придавали им форму резко очерченных рельефов. Отражения небольших дворцов в зеркальной глади озера сияли золотом и придавали саду сказочное очарование. При взгляде на всю эту красоту начинаешь понимать, почему дигская резиденция раджи Сураджа кажется такой особенной: в ней прекрасно уживаются три основных элемента индо-персидской архитектуры: дворцовые постройки, сад и вода. Из этих трех элементов два можно встретить почти во всех крепостных сооружениях раджпутских князей, однако все вместе они сохранились лишь здесь, в Диге.

Следует заметить, что немало красивейших дворцов времен Могольской империи построено в княжествах малоизвестных индуистских раджей. Они — убедительное доказательство успеха смешанного стиля индо-персидской архитектуры. К сожалению, редко когда останавливается перед ними заезжий

турист. Мало кто имеет возможность наслаждаться видом их романтических балюстрад [97] и красивых залов. Здешние дворцы остаются в стороне от проложенных туристских дорог, потому что никогда они не играли в истории Индии значительной роли.

Четыре самых известных дворца следует объединить в единый ансамбль, наглядно демонстрирующий развитие индийской архитектуры в течение трех столетий. Их разделяет почти триста километров, так что осмотреть их можно за день. И мы решились на это. Если не успеем сегодня, то заночуем в Джханси, а завтра продолжим наше путешествие. Осмотр дворцов мы начали как будто с конца, так как первым посетили самый поздний из них. Теперь мы отправились к самому древнему.

Чтобы не тратить времени зря, мы пообедали прямо в машине. Проехав пустынным краем, мы вскоре подъехали к Агре. Издалека мы приветствовали белоснежные минареты Тадж-Махала и, не доезжая до центра города, свернули с главной магистрали направо, согласно указателю — на Бомбей. Через несколько километров асфальтированная дорога вывела нас за пределы Уттар-Прадеша. Мы проскочили узкий краешек Раджастхана и за городом Дхолпур по понтонному мосту переехали реку Чамбал. Взобравшись по крутым глинистым берегам русла реки наверх, мы оказались уже на земле Мадхья-Прадеша, — именно здесь нас и ждали еще три дворца, которые мы собирались осмотреть.

Самый древний из них — гвалийрская крепость видна издалека. Возвышаясь над городом, она стоит на огромной голой скале. Не зря эту крепость в былые времена называли «Ключ к Декану». Перед правителем, овладевшим ею, открывалась дорога в Центральную и Южную Индию. Эту крепость стремились покорить многие правители — и свои, и чужеземные. Мусульманские завоеватели — делийские султаны, афганские правители из Мальвы, джаунпурские «властители Востока», или же Великие Моголы — все они старались как можно быстрее подчинить Гвалияр: завоевать силой или же принудить правителей признать свой вассалитет. В конце XVIII века Гвалияр ненадолго стал независимым. Это случилось после того, как им овладели маратхи. Однако у них не оказалось достаточно сил, чтобы противостоять британскому оружию, и они были вынуждены покориться.

От Жемчужного озера, раскинувшегося под крепостью, по серпантину новой дороги, мы поднялись на вершину скального массива. Справа чернели входы в [98] пещеры, в которых находятся огромные каменные статуи джайнистских святых. К сожалению, у нас нет времени на то, чтобы карабкаться по осыпающимся стенам из песчаника, и мы вынуждены довольствоваться осмотром тех пещер, которые находятся у дороги.

Однако и они представляли интерес. В залах пещер скрывались огромные фигуры тиртханкаров, которые, согласно джайнистским преданиям, способствуют переходу из этого мира в состояние вечного умиротворения. С десятиметровой высоты мифические великаны оцепенело смотрели на нас своими продолговатыми, миндалевидными глазами. Несмотря на то что некоторые из них повреждены иконоборческой рукой мусульманина, они все-таки непоколебимо стоят в своей величественной наготе уже более пятисот лет. За долгие годы великаны не растеряли своего достоинства. Перед ними в нескончаемых очередях теснятся паломники.

Лишь на вершине скалы мы поняли, что проникли в крепость через «черный ход». Главная подъездная дорога ведет не от озера, а непосредственно из города. Однако несмотря на то, что эта дорога главная, она непроезжая и поэтому используется крайне редко. Мало кто решится вскарабкаться по скалистому склону холма по крутой тропинке, выложенной гладкими каменными квадратами. Однако тот, кто осилит эту дорогу сам или же въедет по ней на слоне, наверняка не будет об этом жалеть. Зубчатая стена, с узкими амбразурами для лучников и стрелков, проведет его через семь королевских башен. Последняя из них, прекрасная Хатхи пол, — «Слоновья башня», у высоких ступеней которой сходили со слона, открывала вход во двор типично индуистской крепости.

По имени своего основателя раджи Ман Синха из раджпутского племени томаров крепость получила название Ман мандир — «Дворец Мана». Твердые стены крепости вырастают прямо из скалистого обрыва и отличаются тем, что в них нет присущей крепостным стенам однообразности. По всему периметру длинную стену в правильных интервалах прерывают округлые бастионы, увенчанные хрупкими зонтиковыми павильончиками с куполками, покрытыми когда-то позолоченной медной жемчужной.

Послеобеденное солнце весело освещало глазурные изразцы на надворном фасаде. Изображенные на них бананы склоняются над входом в «Слоновью башню», а [99] на фризах вдоль стены «плывут», выстроившись в ряды, желтые утки. На стенах внутри жилых помещений проступают сине-зеленые глазурные павлины, уступающие почетные места фантастическим тиграм со слоновьими головами — символам силы и мудрости.

Хранитель «Дворца Мана», представитель Археологической службы при центральном правительстве Индии, провел нас через все сорок покоев замка. Он светил нам под ноги, на скользкие ступени, ведущие к подземным кельям, которые вытесаны в скале в несколько этажей друг над другом. Здесь скрывался правитель и его семья от летней жары.

В подземелье мы почувствовали себя, как в тюрьме. Это неудивительно, так как Моголы действительно заточали в эти унылые кельи своих политических противников. Тут умер последний султан Ахмаднагара, а император Аурангзеб, говорят, приказал в этом подземелье убить своего брата Мурада лишь за то, что тот мог претендовать на индийский трон.

По ступеням мы еще углубились в скалу. Крутая лестница привела нас к самой нижней келье, которая также отмечена печатью смерти. В ней, по преданию, раджпутские королевы совершили джаухар, то есть добровольно покончили жизнь самоубийством. Случилось это тогда, когда крепость завоевал султан Илтутмыш и у женщин уже не оставалось никакой надежды на спасение. Тогда они надели на себя свои свадебные платья и все вместе взошли на большой погребальный костер, разведенный в центре кельи. Не желая попасть в руки врагов и быть обесчещенными, они предпочли умереть мученической смертью.

Покидая эти ужасные помещения, где было загублено столько молодых жизней, мы с облегчением вздохнули и с удовольствием пошли навстречу яркому свету. Желая как-то отвлечься от грустных мыслей, мы решили оказать почести крупнейшему индийскому музыканту и певцу всех времен Тансену, похороненному

под стенами крепости. Обогнув вершину, на которой стоит крепость, окруженная несколькими кольцами стен, мы остановились у ее подножия. Здесь находится могила мусульманского святого Мухаммеда Гауса. Он, покаявшийся теперь за мраморной решеткой, пользовался большим уважением еще у первого Великого Могола Бабура; внук Бабура Акбар приказал построить над могилой Гауса высокий мавзолей. Здесь же мы склонили головы возле [100] других, более скромных мраморных надгробий. Рядом мы обнаружили могилу Тансена, которому индийская музыкальная культура благодарна за многое. По отцу он носил имя Панду, но всей Индии он стал известен как Тансен — «Мастер звука». Это почетный титул, которым император Акбар награждал музыканта, приняв его на службу и сделав музыканта своим «девятым сокровищем» при дворе.

Говорят, что музыкальные способности Тансена случайно обнаружил еще в детстве его учитель Харидас. Однажды учитель приказал Панду сторожить фруктовый сад, который каждую ночь обкрадывали какие-то неизвестные воры. Никто, к сожалению, не мог помочь учителю поймать или хотя бы поугатать злодеев. Тогда Панду решил попробовать имитировать голоса зверей. Он научился рычать как тигр и таким образом легко отпугивал воров. Как-то проходил Харидас со своими учениками мимо сада и, услышав рык тигра, осторожно прокрался внутрь. Однако вместо короля джунглей он нашел там лишь десятилетнего мальчугана. Исключительные способности Панду поразили Харидаса и с разрешения отца мальчика он отвез его во Вриндаван и отдал на обучение лучшим учителям.

Согласно другой легенде, любимый учитель Тансена — святой Мухаммед Гаус тайно воспитывал Панду. Он приходил к осиротевшему мальчику во сне и подбадривал его. Святой успокаивал Панду, просил его не мучиться от одиночества и уверял, что в скором будущем он станет самым известным музыкантом во всей Индии. Каждую ночь приходил Гаус к Тансену и во сне учил его играть и петь. Днем мальчик прилежно выполнял то, что ночью говорил его благодетель и наставник. Он настолько усовершенствовал свою игру и пение, что вскоре уже принимал участие в богослужениях в местном храме.

Позднее Тансен был придворным музыкантом во дворце гвалиярских раджей. Слухи о его чудесном искусстве дошли до двора императора Акбара, а тот пригласил его в Дели. Когда Акбар сделал своей резиденцией Агру, обязанностью Тансена стало ежедневно развлекать императора божественной музыкой, которая отвлекала правителя от нелегких государственных обязанностей.

Придворный историк Абуль Фазл лестно отзывался о Тансене. «Волшебство его песен и мелодий, — писал [101] он, — было так всецельно, что во время его игры и пения деревья пригибались к земле и трещали скалы. Чарующие звуки, исторгаемые им, могли зажечь огонь и вызвать дождь».

Тансен усовершенствовал смешанный индо-персидский музыкальный стиль, который позднее стали называть дарбари или придворный. В молодости Тансен перешел в ислам и женился на мусульманке. У него была дочь и четыре сына, все знаменитые музыканты и певцы. Их потомки живут и сегодня, пользуясь большим уважением в Индии. Одного из них можно еще часто услышать и по радио — это известный виртуоз игры на вине уstad («учитель») Дабир-хан.

Тансен умер в 1589 году в Дели в зените своей славы. В соответствии с его

желанием он похоронен в Гвалияре недалеко от своего благодетеля Гауса. Возле его надгробия растет старый тамариск. Певцы приходят сюда поклониться праху великого Тансена и взять с собой листья тамариска, — говорят, употребление их в размельченном виде придает голосу металлические нотки.

Я тоже оторвал листочек тамариска и попробовал его разжевать, однако сразу же выплюнул — уж очень горький и кислый он на вкус.

Начинало смеркаться, так что от экскурсии по городу пришлось отказаться. Но мы не пожалели об этом, ведь города Центральной Индии похожи друг на друга, как братья-близнецы: в каждом из них в старых районах узкие и тесные улочки, застроенные стоящими почти друг на друге домиками и еще более стиснутые лавочками, а в зеленых предместьях повсюду те же районы вилл с колониальными зданиями управлений и клубов. Среди таких городов Гвалияр — не исключение. Есть, правда, у него одно отличие — в нем объединены два города. Новый город расположен на юге от крепости, там, где стоял лагерь маратхского войска — лашкар. Это название настолько прижилось, что и сегодня на некоторых картах Индии города Гвалияра вообще нет; на его месте вы обнаружите лишь старый Гирд и вплотную к нему современный Лашкар.

На перекрестке дорог мы предельно внимательны: чтобы не продолжать путешествие по шоссе, ведущему в Индаур и далее в Бомбей, необходимо вовремя свернуть на дорогу местного значения — в сторону Джханси.

Если не ширина дороги и не ее покрытие, то километровые столбы и указатели вполне определенно укажут [102] на различные классы дорог: на дальних магистралях надписи на указателях даются латинскими буквами, на дорогах второго класса — шрифтом деванагари. Поэтому без элементарного знания хинди и письма деванагари на таких дорогах можно легко заблудиться.

За Гвалияром природа меняется. Коричневые квадраты полей становятся все меньше и все чаще попадаются первые островки леса. Деревья ним и пипал на склонах одиноких холмов переходят в густые рощи, и свежая зелень появляется вскоре и вдоль дороги. По временному понтонному мосту мы переехали наполовину пересохшее русло Синда, притока Джамны, и перед нами раскинулись небольшие обработанные поля, огороженные колючей живой изгородью от хищных зверей.

Расстояния между деревеньками все увеличивались, стало темнеть, и понемногу нами овладело чувство одиночества. К счастью, до третьего дворца оставалось совсем недалеко. На невысоком пригорке слева от дороги возвышалась деревня Датия, раскинувшаяся по берегам нескольких озер.

Здесь находилась небольшая резиденция бундельского раджи Бир Сингха Део (1605—1627). Говорят, правда, что он никогда здесь не жил. Вскоре после того как строительство было закончено, раджа выступил против взошедшего на делийский престол императора Шах-Джахана. Однако плохо подготовленное выступление было быстро подавлено, и раджа никогда уже не смог вернуть свою былую мощь. Во дворец, готовый к заселению, он так и не вступил. С самого начала датийский дворец остался безлюдным. Лишь спустя триста лет здесь послышались человеческие голоса. Случилось это вскоре после того, как в 1947 году Индия добилась независимости. Тогда в стенах дворца нашли приют сотни семей

индусских беженцев из пакистанского Синда. Со временем и они расселились: одни обосновались в переселенческом лагере, другие в новых домах, третьи нашли работу в других районах. Снова дворец Датии был отдан во владение сов и летучих мышей. Несмотря на то что дворец возвышается посреди деревни, местные жители редко туда заглядывают. Во дворце уже нельзя найти ничего, что можно было бы употребить в хозяйстве, и, кроме того, люди сторонятся хмурых дворцовых покоев, в которых, говорят, поселились злые духи.

В декабрьские дни темнота наступает быстро и неожиданно. Казалось, только что светило солнце и [103] вдруг — кромешная тьма. Мы едва успели спуститься по рассыпающейся лестнице снова вниз. Хорошо, что в галереях мы не провалились сквозь выломанные песчаниковые плиты в какую-нибудь яму. На деревенской площади, скудно освещенной единственным электрическим фонарем, стояла наша машина, облепленная со всех сторон детьми и подростками. Ничего удивительного, ведь ни один турист сюда не добирается, а ответственные работники индийской Археологической службы словно никогда и не видели Датию на картах. Один юноша в очках набрался смелости и спросил на хинди, зачем мы ходили во дворец. Услышав ответ, он очень удивился:

— Осматривали дворец? Для этого в Датию никто не приезжает. Наверное, вы заблудились. Вам надо вернуться назад в Агру, там есть Тадж-Махал, гостиницы и много иностранцев. А где вы тут будете спать?

Нет, в Датии на ночь мы не останемся, а поедем дальше, в Джханси. Правда, и там нет гостиницы, однако вчера мы предусмотрительно послали телеграмму в правительственный гест-хаус и заказали номер на две ночи. Надеемся, что нас там будут ждать.

До Джханси оставался час езды. Вечер принес с собой и холод. Мы натянули свитера и включили в машине отопление. Постепенно потоки теплого воздуха, идущие из печки, стали согревать наши озябшие ноги.

Мы въехали в котловину, на дне которой мигали неясные огни города Джханси. Как в такой темноте найдешь нужный гест-хаус? Наверняка он расположен где-нибудь в предместье между садами. На оживленном перекрестке мы спросили молодого регулировщика, как проехать к гест-хаусу. Он охотно склонил голову в красном тюрбане к окну машины и слегка при этом покачал головой. Из опыта мы знаем, что это не отрицание, как это принято у нас, а, наоборот, означает, что все в порядке. Полицейский не только знал, как добраться до гест-хауса, но и проявил служебное рвение — предложил проводить нас. Мы хотели, чтобы он сел к нам в машину, но он скромно отказался:

— Мера ек саикал хей, джи (У меня здесь велосипед, мистер).

Он вытащил из укрытия за деревом велосипед, нажал на педали и покатил по дороге. Нам ничего не оставалось, как потихоньку следовать за ним. Хорошо, что на нем была белая униформа, — она четко выделялась [104] в темноте. Медленно и с достоинством он двигался перед нами, указывая рукой направление, куда следовало повернуть, а на перекрестках, подняв ладонь, приостанавливал движение транспорта. Мы уже свыклись с мыслью, что так и будем тащиться за полицейским всю ночь, но неожиданно он въехал в широкие ворота, служащие входом в старый сад, соскочил с велосипеда и указал рукой на

портик дряхлого, в колониальном стиле дома для гостей.

Мы хотели бы как-то отблагодарить нашего проводника за его исключительное внимание к нам, но не знали, можно ли давать полицейскому бакшиш? Наш знакомый даже слышать об этом не хотел. Он сказал, что спешит домой, который расположен на противоположном конце города, где его ждет большая семья. В знак прощания я поднял руку и успел еще спросить, почему он, собственно, решил нас проводить; из собственного опыта я знал, что индийские стражи порядка не очень-то внимательны к европейцам. Полицейский одарил меня учтивой улыбкой, свидетельствующей о том, что он хорошо знает свои обязанности, и громко ответил:

— Си ди плет декха, джи (Увидел дипломатический номер, мистер).

К храмам безграничного вожделения

Мы спали как убитые, хотя деревянная кровать с переплетенными лямками вместо матраса — далеко не самая удобная постель для европейца, а наволочки выглядели так, как будто по крайней мере месяц не были в прачечной. Главное, что над нами сжалился хозяин и одолжил шерстяные покрывала. Иначе холод вряд ли дал бы нам заснуть.

Наш хозяин разбудил нас задолго до рассвета. Он стоял со старым подносом в руках и говорил:

— Бед-ти хазир хей (Чай в постель готов).

Наверное, мы не очень ясно ему растолковали, что не собираемся придерживаться старых колониальных обычаев, вроде утреннего чая за два часа до завтрака, и вообще я не понимаю, почему англичане так любят «бед-ти».

Хозяин оставил нас в покое и дал поспать еще часа два. Затем он появился и сказал, что мы можем идти купаться. В ванной, в которой, конечно, никакой ванны не было и мы по-индийски экономно поливали друг друга [105] водой из кувшина, вода была настолько ледяной, что у нас зуб на зуб не попадал. Когда мы уже почти вымылись, распахнулась дверь, ведущая во двор, — во всех индийских ванных комнатах, как мне кажется, по крайней мере три двери и все они не закрываются, — вошел слуга с двумя блестящими медными ведрами с горячей водой. Лучше поздно, чем никогда, — после ледяного душа горячая вода хоть немного разгонит кровь.

Осилив обильный английский завтрак и запив его большим количеством крепкого чая, мы отправились искать дорогу в Кхаджурахо. Она идет через Бунделькханд на Восток до Ревы, которая расположена на главной магистрали Нагпур — Илахабад. Однако указатели как будто в воду канули. Нам ничего не оставалось, как спросить дорогу к ближайшему городу, известному местным людям. Случайно этим городом оказался оставленный жителями город Орчха, куда мы, собственно, и хотели ехать для осмотра четвертого дворца. До него недалеко, всего около десяти километров. Через четверть часа мы будем уже там.

Орчха оставалась главной резиденцией бундельских раджпутов до тех пор, пока в XVIII столетии туда не пришли маратхи и не перенесли город со всеми его

жителями в Джханси. Надо отметить, что правитель Орчхи раджа Бир Сингх Део сумел выбрать великолепное место для резиденции. На гребне низкого скалистого выступа, обтекаемого с трех сторон рекою Бетва, он приказал построить княжеский дворец и опоясал его рядами стен. Река, шумящая прямо под ними, придавала крепости живописный вид, а заодно служила ей естественной защитой.

Бир Сингх Део навлек на себя гнев Акбара, когда по настоянию сына Великого Могола, Селима, будущего императора Джахангира, организовал убийство любимого министра Акбара Абу-ль Фазла, одного из лучших историков-хроникеров Индии. Когда же могольский трон занял Джахангир, новый император отблагодарил раджу за службу и сделал его первым приближенным своего двора.

Оставив машину на небольшой площади перед храмом, мы вышли на террасу, заросшую колючим кустарником.

Нет необходимости долго сравнивать, чтобы понять, что между дворцами в Орчхе и Датиини много общего. Оба дворца — свидетельство того, что их архитектор [106] широко использовали мусульманский архитектурный стиль того времени. Особенно это касается художественного оформления зданий. И все же эти индуистские дворцы во многом отличаются от мусульманских. Они не складываются из многочисленных независимых друг от друга хрупких летних дворцов на территории великолепных садов, имеющих геометрические формы, а ограничиваются одним зданием в несколько этажей. Могольский дворец с множеством павильонов, связанных между собой бесконечными аркадами, выглядит скорее как дворцовый городок. Индуистский же дворец включает в себя несколько помещений под одной крышей — от трех до пяти залов, связанных между собой узкими балконами с закрытым парапетом. План индуистского дворца настолько сложен, что на первый взгляд кажется лабиринтом.

Действительно, заблудиться в нем нетрудно. Мы решили спуститься с верхних этажей вниз, но вскоре обнаружили: ходим по какому-то замкнутому кругу, и стали прокладывать путь, высовываясь из окон и ориентируясь по реке. Только так нам удалось разобраться в сложных переплетениях комнат и выйти к лестнице.

Наконец, мы сбежали вниз по полуразрушенным ступеням. Выйдя наружу, остановились еще раз на мосту, соединяющем крепость с городком, и мысленно сравнили этот дворец с могольскими резиденциями. Аbrisы дворца разрывались большим количеством открытых павильончиков, беседок, башенок и висячих галерей. Окна с вырезанными из камня ажурными сетками дробили поверхность могучих внешних стен дворца.

Просто диву даешься, что все эти дворцы еще стоят. Создавались они во времена большой политической неустойчивости по приказу малоизвестных раджей, находившихся у власти непродолжительное время. В течение многих лет дворцы оставались осиротевшими, в них никто не жил и у них никогда не было официальной охраны. И несмотря на все, они простояли в неблагоприятных климатических условиях тропиков более трехсот лет. По своему великолепию и художественным украшениям они стоят в одном ряду с известными имперскими зданиями той же эпохи, а кое в чем даже их превосходят.

Вдали за мостом над Бетвой виднелись очертания железнодорожного моста.

Чтобы попасть в тот же день в Кхаджурахо и вернуться назад, мы должны были воспользоваться [107] именно этим мостом. Обычно здесь переправляются через реку на большом пароме, в тот момент воды в реке было мало, а желающих переехать много. Такую переправу пришлось бы ждать целую вечность. К тому же дорога к реке идет по крутому скату, и путешествие могло бы плачевно закончиться как для нас, так и для машины.

На полкилометра растянулась длинная очередь упряжек и грузовых машин. Через каждые четверть часа очередь приходила в движение и продвигалась на небольшое расстояние — все ближе к глинистому под углом в тридцать градусов обрыву. Если неопытный водитель хоть на секунду задержался бы перед сходнями на паром, то в багажник его машины наверняка врезалось бы дышло буйволиной упряжки, которая неудержимо, как дикий слон, несется вниз с обрывистого берега. В густых облаках пыли слышались тревожные голоса. Это парни стараются всячески удержать испуганных буйволов на крепкой веревке. Для этого они изо всех сил зарываются пятками в мягкий грунт обрыва, пытаются предотвратить падение повозки в воду.

Нам не хотелось ждать здесь несколько часов, поэтому мы поехали к начальнику станции в Орчхе, чтобы получить разрешение проехать по железнодорожному мосту. Само собой разумеется, дело это оказалось далеко не простым.

Начальник, он же дежурный по станции, просматривал в темной канцелярии утренние газеты. Нашу просьбу, очевидно, он принял за бесполезную трату времени.

— Вы подали просьбу о проезде по мосту в письменной форме сорок восемь часов назад? — задал он казенный вопрос. — Нет? Тогда, к сожалению, ничем помочь не могу. Я должен придерживаться инструкции.

Нам удалось убедить его позвонить своему начальству в Джханси. Мы надеялись, что для машины с дипломатическим номером будет сделано исключение. Пока он пытался заказать разговор, мы прогуливались по платформе. Мимо станции с грохотом пронесся товарный поезд. Локомотив остановился далеко за станцией рядом с бамбуковыми хижинами. В тот же момент из одной из них показалась фигура женщины, она прилаживала медные кувшины на голове, затем появились другие женщины. Через минуту они, выстроившись в цепочку, двинулись по насыпи к локомотиву. Нигде в поле зрения не было видно никакого колодца или водокачки, откуда [108] женщины могли бы набрать воду. Нас очень заинтересовало, что произойдет дальше. Женщины двигались гуськом. Они вплотную подошли к блестящему локомотиву и, приложив руки к груди, поздоровались с машинистом. Тот, осторожно осмотревшись, опустил шланг и открыл выпускной кран котла. Скоро все кувшины, миски и кастрюли были заполнены кипящей водой. Хозяйки дали воде немного остынуть и исчезли так же легко и быстро, как и появились.

Когда мы снова заглянули в канцелярию, начальник встретил нас более любезно и даже пригласил сесть. Тут же он заполнил официальный бланк. Я предложил ему свою помощь и продиктовал на хинди: «Частной автомашине под номером DLD-2526, управляемой владельцем таким-то, 26 декабря разрешается проезд по железнодорожному мосту у станции Орчха. Проезд туда: вслед за поездом № 437 от 10 до 11 часов; обратно: до приезда поезда № 442 от 18 до 19 часов. Получена

плата в размере 24 рупий 70 пайс, наличными». Штамп и подпись.

Стоимость нашей поездки, таким образом, немного повышалась, этих денег, наверное, хватило бы на бензин до Кхаджурахо и назад, однако кто знает, сколько бы стоил ремонт кузова, пробитого рогами буйвола. Начальник даже вышел с нами на платформу и объяснил, как попасть на мост. Поезд № 437 тем временем уже прошел, и путь через мост был свободен.

На мосту из сторожевой будки навстречу нам вышел часовой, взял в руки наши документы, долго и внимательно изучал их, сравнивал номер машины. Лишь убедившись, что все в порядке, он поднял шлагбаум. Мы осторожно въехали на деревянные брусья, положенные рядом с рельсами. Часовой закрыл за нами шлагбаум, взял из-под навеса велосипед и по отведенной для пешеходов дорожке поехал на другую сторону. Машина с грохотом двигалась за ним по гнилым доскам, мы поглядывали вниз и на берег, где возницы, притормаживая упряжку, сердито крутили молодым волам хвосты.

На другом берегу реки все повторилось сначала: часовой спрыгнул с велосипеда, поднял шлагбаум, и мы проехали. Он опустил шлагбаум и, нажимая на педали, направился назад. Если за день здесь обычно проходит двадцать составов и часовой каждый раз должен поднимать и опускать шлагбаум, то работы у этого бедняги по горло. [109]

Кажется, теперь на нашем пути до Кхаджурахо преград уже больше не будет. Правда, на пути от Ранипура до Навгаона мы должны еще переехать реку Дхасан. Вроде бы через нее есть брод. Через час езды мы увидели широко раскинувшееся, каменистое русло реки. У въезда в реку асфальтированная лента дороги переходит в узкую невысокую дамбу, скрепляющую дно брода. Зимой ширина реки сужается до нескольких десятков метров, но зато в самом узком ее месте течение очень сильное, и вода мчится с угрожающим рокотом. Мы направили машину против течения и въехали в спененный порог.

В середине брода мы миновали примитивный водомер, красно-белый шест. Вода едва доходила до половины белой шкалы, что означает возможность проезда и легковых машин. Когда из воды виднеется лишь красная часть, то здесь могут проезжать только грузовики, ну а если под водой скроется весь шест, то и грузовым машинам ничего не остается, как развернуться и пуститься в трехсоткилометровый объезд через канпурский мост.

Наконец, в полдень нас приветствовали конусообразные башни храмов Кхаджурахо. Возле все еще царил ничем не нарушаемый покой заброшенной деревеньки. Кхаджурахо расположен вдали от современных транспортных артерий. (Через несколько лет после нашего путешествия индийское правительство построило аэродром в близлежащем городке Панна.)

В Чехословакии о Кхаджурахо написано уже немало. В настоящее время участникам туристических поездок в Индию экскурсоводы неизменно показывают этот наиболее сохранившийся и хорошо поддерживаемый ансамбль средневековых индуистских храмов Северной Индии. Храмы Кхаджурахо известны не столько благодаря особенностям архитектурного стиля, сколько благодаря отважной эротике многих своих рельефов, которые в натуралистической манере и наглядной форме изображают любовные сцены до

мельчайших подробностей.

Любовная сцена — митхуна, как сюжет, присутствует в индийском скульптурном искусстве с древнейших времен. Согласно основам древнеиндийской «Шилпашастры», науке о строительном искусстве, любовные сцены должны, по меньшей мере, быть частью храмового оформления, потому что любовь всегда считалась одним [110] из четырех смыслов человеческой жизни (пуру-шартха). Она стояла в одном ряду с соблюдением святых предписаний (дхарма), удовлетворением материальных потребностей (артха) и достижением спасения (мокша). В одной из глав «Шилпашастры» дословно говорится: «На храмах пусть будут изображены главным образом сцены из любовных игр Шивы и Кришны и любовной борьбы кающихся». Действительно, на многих местных храмах имеются рельефы, на которых любовные пары изображены в крепких объятиях друг друга, притом мужчина весьма похож на кающегося грешника — он наголо пострижен и в одной руке держит четки.

По желтым парковым дорожкам мы обошли вокруг главного храма Кхаджурахо, восхищаясь гармоничными кривыми линиями его ребристых, взметнувшихся ввысь куполов. На фризах чередуются рельефы, изображающие интимнейшие слияния человеческих тел в самых разных позах. Задумавшись, я поднял глаза и обвел взглядом храмовые стены. На них не было ни одного рельефа, на котором не изображались бы в объятиях друг друга любовные пары или даже четверки.

Кхаджурахо был столичным городом индуистского княжества Чанделлов. Если бы раджа Киртиварман в конце XI века не перенес свою резиденцию в новую столицу Махоба, то сегодня нечего было бы и осматривать, так как мусульманские наездники наверняка сровняли бы с землей идолопоклоннические храмы своих врагов, как это произошло во многих других княжеских городах Северной Индии.

Храмы разрушали часто, и в то время это имело не только религиозное, но и политическое значение: неприятель лишался духовной опоры. Мусульмане старались как можно эффективнее надругаться над идолами иноверцев: камни с барельефами выламывали из храмовых стен и клали перед входом в построенные мечети, так чтобы по ним прошло как можно больше правоверных. Благодаря тому что во время мусульманских вторжений значение Кхаджурахо упало до уровня простого провинциального городка, его храмы избежали позорной участи. Мусульмане, правда, ограбили храмы, но до скульптурных изображений даже не дотронулись.

Некогда сильное индусское княжество Пратихаров в X веке распалось на свободный союз прежних провинций, и в качестве регентов беспомощных правителей на [111] трон Канауджа вступили чанделльские властители. Князь Чанделла Дханга (954—1002) перенес правительственную резиденцию и вместе с ней царскую казну из Канауджа в Кхаджурахо и стал, таким образом, основателем сравнительно сильного государства в Центральной Индии. Правда, через несколько лет это государство исчезло так же неожиданно, как и возникло. В 1002 г. князь Дханга был побежден султаном Сабуктегином, а его преемник Ганда потерял, наверное, счет своим проигранным битвам. Следующего правителя Видьядхара (1019—1045) мусульмане просто «освободили» от всех его драгоценностей и слонов и сделали своим вассалом.

В дело поражений Чанделлов внесли немалый вклад подчиненные им министры

Калачури из Чеди, стремившиеся захватить княжескую власть.

Министрам Калачури удалось добиться от правителей династии Чанделлов введения в практику нового эротического культа. Дханга, а затем и Ганда вскоре поверили в то, что с помощью таинственных эротических сил они могут превратиться в живых богов. Они стали пренебрегать своими княжескими обязанностями и отдавали все свои силы лишь диким сексуальным ритуалам. Огромные средства шли на строительство великолепных храмов и украшение их стен эротическими скульптурами.

Есть основания предполагать, что скульптуры главных храмов изображают самих божественных правителей. Там, где в других индуистских храмах мог бы стоять рельеф с изображением в той или иной форме бога Шивы, находим не бога, а голого смертного в отважных сексуальных позах с одной, а чаще с несколькими красавицами, выделяющимися своими роскошными формами. На стенах храма Кандария можно увидеть три такие скульптуры, расположенные друг над другом. На первой снизу красоток осчастлививает старец, в середине — мужчина в расцвете лет, а наверху это делает юноша. Можно предположить, что здесь представлены портреты трех правителей династии Чанделлов: Дханги, его преемника Ганды и коронованного принца Видьядхары. На стенах соседнего храма Вишванатха, сооруженного позднее, скульпторы заменили изображение старого правителя Дханги, который к тому времени умер и стал по тогдашним представлениям богом, истинным индуистским богом Шивой.

Эротические сцены имеются и на стенах других индийских [112] храмов, однако нигде они не занимают центральное почетное место, которое выделено для изображения богов, а не для человеческих существ, пусть даже обожествленных с помощью таинственных эротических сил.

Многие ученые не согласны с точкой зрения о господстве разлагающего эротического культа. Они указывают на то, что храмы Кхаджурахо принадлежали разным индуистским сектам, и скульптурные группы символизируют соединение человеческой души с бесконечным божественным началом. В подтверждение данной теории они справедливо отмечают, что эротические скульптуры есть и в других индуистских храмах.

Индийский Шираз

— Джаунпур? — с удивлением переспросил представитель правительственного туристического агентства в Нью-Дели. — У меня нет о нем никакой информации, туда никто из туристов не ездит. Что вас там интересует?

— Памятники того времени, когда Дели не значил ничего, а Джаунпур — все. Именно там самые высокие индийские мечети без минаретов, самый древний и до настоящего времени используемый мост императора Акбара и еще много разных достопримечательностей.

На эти слова я получил следующий совет: долететь до Варанаси самолетом, остановиться в роскошной гостинице «Clark's» и оттуда на такси совершить экскурсию в Джаунпур. Совет, несомненно, мудрый, но я решил на некоторое время отложить посещение Джаунпура. Позднее, приехав в Варанаси для работы в Бенаресском индуистском университете, я вспомнил, что господин Прасад,

председатель пражского Союза индийских студентов, кроме адвоката Шривастава из Фаизабада рекомендовал мне обратиться за помощью также и к другому знакомому своей семьи, господину Раму Нараяну, ювелиру из Джаунпура. Я написал Нараяну, и он ответил мне сердечным приглашением. Так что теперь уже ничто не стояло на моем пути в Джаунпур.

Перед поездкой я выяснил, что из Варанаси до Джаунпура каждые двадцать минут отправляется такси, правда при условии, что наберется необходимое количество пассажиров, а это значит, что в машину набьется [113] раза в два больше пассажиров, чем разрешено официально. Ни один водитель не отъедет от стоянки до тех пор, пока в его четырехместный небольшой «фиат» старой марки не втиснется по крайней мере семь пассажиров — четыре на заднее сиденье и трое на переднее, рядом с водителем. Когда на стоянке появляется европеец, все таксисты — сама услужливость. Они рассчитывают на то, что сахиб не захочет ехать в тесноте и заплатит полную стоимость проезда — двадцать пять рупий. Вроде бы это не так уж и много, но почему я должен ездить не так, как все? Когда водитель узнал, что я не собираюсь платить больше трех рупий, то есть столько же, сколько обычный пассажир, лицо его вытянулось. Он окинул меня презрительным взглядом и, казалось, готов был плюнуть от переполнявшего его негодования.

К счастью, достаточное количество пассажиров набралось быстро: до Джаунпураезда ходят редко, а плата за такси при полной загрузке получается сравнительно невысокой. К тому же времени на поездку в такси уходит почти в два раза меньше, чем на автобусе или на поезде. Наконец на заднее сиденье втиснулся последний пассажир. Водитель докурил сигарету и, примостившись на краешке сиденья, изо всех сил хлопнул дверью. За счет такого маневра теперь он мог дотянуться до рычагов управления. Я пристроился с другой стороны и поэтому сумел опустить стекло и высунуть наружу руку и плечо. Другой рукой я обнимал соседа. Водитель высунулся из окна машины почти наполовину, и мы отправились в путь.

Местность за Варанаси похожа на плодородную равнину где-нибудь в Чехословакии. Весенний ветерок гонял игривые волны по зеленой поверхности всходов и проказничал во взъерошенных кронах деревьев и акаций на краю поля. Светлую зелень больших полей сахарного тростника время от времени сменяли более темные прямоугольники фруктовых садов, расположенных вблизи деревенок.

У одного из таких садов водитель такси притормозил и объявил пассажирам:

— Трое из вас теперь должны выйти. Когда я проезжал утром, здесь был контроль. Пришлось бы заплатить штраф, и даже после этого нас всех дальше бы не пустили. Пройдите задями, а я подожду вас за деревней. [114]

Так как я сидел с краю, то вышел первым и перескочил через ров в поле. Вслед за мной на межу выпрыгнули еще два молодых человека. Один из них представился инженером по сельскому хозяйству. Мы шли задями к глубокому деревенскому колодцу. Вокруг него ходили по кругу четыре пары буйволов. Они вращали специальный привод, который качал воду в оросительные каналы.

Вроде бы ничего особенного здесь нет — в любой самой заброшенной

деревеньке можно увидеть подобную картину. Однако я заметил, что от колодца к изоляторам на деревянных столбах тянулись электропровода, которые потом разбегались по деревенским избам. Неужели буйволы не только качают воду, но и одновременно приводят в движение генератор? Так оно и оказалось. Когда мы подошли ближе, то увидели, что на валу привода крутилось огромное зубчатое колесо, которое, в свою очередь, переводило крутящий момент на привод генератора.

— Это здешняя мини-электростанция на буйволиной тяге, — вступает в разговор со мной инженер. — Конечно, она не будет стоять здесь вечно, но в настоящее время она выгодна. Энергию с гидроэлектростанции еще несколько лет мы будем вынуждены ждать, пока в генератор мы запрягли буйволов. Получение электричества здесь не основная задача. Главное — выкачать воду. Традиционное оросительное колесо поднимает на поверхность примерно 250 литров воды в минуту, а наш насос выкачивает из колодца в шесть раз больше. В оросительные каналы тут течет примерно 1500 литров в минуту, а это уже немало. Такое количество воды не требуется для орошения, а так как насос может поднимать воду до высоты 100 метров, мы построим около него закрытую водонапорную башню, и питьевая вода побежит по разведенным трубам в деревенские дома. Водопроводные краны сэкономят женщинам время, которое сейчас они тратят на то, чтобы ходить к колодцу и выстаивать очередь. В резервуар входит 120 тысяч литров, что приблизительно в два раза больше, чем вся деревня расходует за день. Буйволы черпают такое количество воды меньше чем за полчаса. Для того чтобы мы могли наиболее полно использовать их энергию, строим вон там на холме еще одну кирпичную водонапорную башню, вода из которой пойдет на орошение полей. Это стоящее дело, так как резервуар вместит почти три миллиона [115] литров воды. Его можно заполнять по ночам так, чтобы днем вода под напором подавалась в оросительные каналы и без помощи насоса.

Я плохо разбираюсь в проблемах орошения, но все-таки спросил, каким образом буйволы приводят в движение динамо. Ведь никто, собственно, не может заставить ходить буйволиную упряжку по кругу с одинаковой скоростью. Поэтому напряжение будет неустойчивым. Кроме того, размеры генератора почти карманные; я никак не мог понять, как его энергии хватает для освещения всей деревни.

— С буйволами нам пришлось здорово помучиться, — согласился инженер. — В конце концов, мы были вынуждены поставить специальное устройство, которое выравнивает количество оборотов. Я понимаю, генератор вам кажется маленьким, однако больший буйволы не смогли бы привести в движение. Усилия быков переводятся зубчатым колесом через систему цепной передачи на привод генератора приблизительно так, как это делается при езде на велосипеде. Наша система — как бы велосипед с коробкой передач, только включаются все передачи одновременно. Первая ступень переводит два буйволиных оборота за минуту в двадцать, другая повышает скорость с двадцати до ста пятидесяти, что уже достаточно для приведения в движение насоса. Третья трансформирует скорость ста пятидесяти оборотов в минуту в тысячу триста двадцать, что означает уже производство электроэнергии. Пока, однако, можно приводить в движение лишь что-нибудь одно: либо насос, либо генератор, иначе буйволы не смогли бы тянуть два привода одновременно.

Мне кажется, что с такой тягой невозможно произвести большого количества энергии. Окупается ли вообще сама установка генератора?

— Конечно, окупается, — утверждал мой собеседник. — Видели бы вы, что сделало электричество за сравнительно короткое время с деревенскими жителями! Дети сразу же стали лучше учиться, потому что могут готовить уроки и после того, как стемнеет, взрослые получили возможность слушать радио. Электричество помогает нам разбивать кастовые перегородки, так как оно пришло ко всем одновременно. Оно так дешево, что доступно каждому. Кроме того, электричество используется не только для освещения. Днем, когда буйволы работают, динамо производит примерно четыре с [116] половиной киловатта. Такой мощности хватает для электроснабжения столярной мастерской и кузницы. Ночью, когда буйволы спят, электроэнергия поступает от сухих аккумуляторов. Можем себе позволить освещать каждый дом одной лампочкой в 25 ватт и пятнадцатью лампочками в 100 ватт улицу. А это в наших условиях уже что-то значит.

Восхищаюсь людьми, которые не стали ждать, когда о них позаботится правительство, а смогли использовать местные ресурсы для удовлетворения самых насущных требований индийской деревни. Тем временем водитель такси, прошедший дорожный контроль и ожидающий нас за деревней, уже нетерпеливо сигнализировал. Я кинулся к машине, но инженер продолжал идти не спеша, как бы подчеркивая своей невозмутимостью, что водитель все равно будет нас ждать.

Действительно, таксист терпеливо ждал и даже не возмущался. Полицейский патруль остался им доволен и даже похвалил за то, что он не перегружает машину, как это делают некоторые.

— Мир желает быть обманутым, — вздохнул он покорно. — Патруль хотел бы, чтобы я брал только четырех пассажиров. Так я не заработал бы на бензин. А если две рупии надбавлю, так со мной никто не поедет. Ничего не поделаешь, придется нарушать закон и дальше.

Он с мольбой во взоре посмотрел на крикливый рисунок с надписью: «Ищу убежище под вашей охраной, о Радха, о Кришна», стиснул руль двумя руками, попросил соседа разрешения включить скорость, так как рычаг коробки скоростей находился у того между ног, нажал на газ, и мы поехали дальше. В десять часов мы переехали по большому мосту через реку Саи и оказались у цели.

Джаунпур, город Джауна, незаслуженно пренебрегаемый сегодня туристами, был столицей небольшого, но сильного мусульманского государства, сыгравшего значительную роль в истории Индии. В конце XIV века Делийский султанат находился в упадке. На делийский трон попадали все менее способные правители. Вместо того чтобы подчинить мятежных индуистских феодалов, восстававших против господства мусульман, сильной центральной властью, султаны занимались лишь мелочными придворными интригами и спокойно смотрели на то, как наместники провинций все больше прибирали [117] власть к своим рукам. Решающий удар делийским султанам нанес жестокий завоеватель Тимур, который в 1398—1399 гг. совершил грабительские походы в Индию. Тимур не смог надолго закрепиться в Индии, но Дели был так сильно разрушен, что почти на целое столетие перестал существовать как культурный центр

мусульманской Индии и уступил свое место Джаунпуру, избежавшему последствий этого ужасного нашествия.

Согласно мусульманским легендам, Джаунпур получил свое название благодаря султану Мухаммеду Туглаку, которого до его восшествия на престол звали Джауна-хан. Говорят, после смерти он, явившись во сне своему двоюродному брату и преемнику Фироз-шаху, приказал построить на реке Гомати город и назвать в его честь Джаунпур.

Еще до опустошительного вторжения Тимура в Индию в Джаунпуре обосновался придворный евнух делийских султанов Малик Сарвар. Демонстрируя свою независимость от бывших господ и в знак того, что он суверенный правитель восточных областей империи, Малик Сарвар принял титул Малик-уш-шарк — «Владыка Востока». На джаунпурском троне его сменил приемный сын Шамс-уд-дин Мубарак из рода мултанских сайидов, а после него в Джаунпуре правили его потомки. В имени каждого из них стояло неизменное «Шарки» — «Восточный».

Младший брат Шамс-уд-дина Ибрагим был одним из образованнейших правителей мусульманской Индии. Во время его правления в государстве царил мир и покой. Он был ревностным поборником мусульманского образования, основывал в своеобразном стиле новые мечети, строил при них школы, караван-сарай и больницы, организовывал библиотеки и приглашал к своему двору ученых и поэтов не только из разграбленного и выжженного Дели, но и из далекого Ирана. За время его правления Джаунпур прославился как центр индо-персидской культуры и получил за это лестное название «Индийский Шираз».

Такси остановилось возле пригородного базара, гудящего, словно улей, от криков лавочников. В центр города таксист нас не повез, так как машина просто не смогла бы двигаться по переполненным узким улицам. Из группы рикш, которые нас тут же окружили, я выбрал смуглого юношу с быстрыми глазами. Наверняка он будет знать, где живет мой незнакомый знакомый. [118]

— Рам Нараян? Ювелир? Его вилла за рекой в Зафарабаде, — обрадовался юноша. Впереди — длинная дорога, а значит, солидный бакшиш.

— Да нет, его магазин находится в центре города, — охладил я его восторженность.

— Так вам, видно, нужен Рам Нараян, парфюмер? Тот, который живет на улице красильщиков?

Теперь я попадаю в тупик, так как ничего не знаю о том, чтобы у человека, который меня, вероятно, ожидает, была бы такая пахучая профессия. С трудом я припоминаю, что, кажется, он был джаунпурским старостой.

— Что же вы сразу-то этого не сказали, — обрадовался рикша, — так это Рам Нараяна, банкир с Красных ворот.

Юноша развернул свой трехколесный велосипед, привстал на нем, нажимая на педали, позвонил в звоночек и, распугивая переполнивших улицу людей, понесся с горки вниз, в центр, в хаос старого города.

Мы остановились на маленькой площади с водоемом перед открытыми дверьми выложенного кафелем магазинчика, над которым сияла надпись: «Рам Нараяна Бэнкерс». Всюду тишина, лишь сверху доносятся приглушенные голоса. Я пошел на голоса, скрипя по ступенькам узкой отвесной, как гимнастическая стенка, лестницы. В темной прихожей за деревянной перегородкой на секунду меня охватил ужас, но здесь меня уже приветствовал сын господина Нараяна. Он сказал, что его отец неожиданно заболел и сейчас находится на обследовании у вайды — «индийского врача». Тем не менее господин Нараян-младший выразил готовность сопровождать меня в прогулке по городу вместе со своими двумя приятелями. Он мигом послал за ними мальчишку из соседнего дома, а передо мной разложил коробочки с серебряными монетами, амулетами и украшениями. Мой визит будет также способствовать процветанию бизнеса его отца. Едва я успел выбрать старый талисман с красиво выгравированной арабской молитвой, как у магазина появился господин Пракаш, преподаватель джаунпурского правительственного колледжа, вместе со своим коллегой по работе.

Нараян-младший побежал на улицу, чтобы поймать какое-нибудь средство передвижения, однако, как назло, нигде не было слышно далже звонков рикши. Но можно пойти пешком, ведь до главной мечети несколько шагов.

— Вы, наверное, знаете, что наш город в XV веке [119] прославился как центр индо-персидской архитектуры, — начал свой рассказ о Джаунпуре господин Пракаш. Свою славу город приобрел главным образом благодаря величественным мечетям. Вы видели в Индии мечети без минаретов? Почти каждая мечеть имеет два минарета, а в джаунпурских мечетях нет ни одного. Вместо него над мечетями возвышается высокая фронтальная стена. Мы называем ее «михрабовая стена», ведь в ней помещается михраб — молитвенная ниша, указывающая направление в сторону Мекки. Эта стена и великолепные входные башни, составляющие единый ансамбль, являются основными чертами архитектурного стиля, названного по имени нашего города.

Узкая улочка расширилась и вывела нас на большую площадь перед высокой башней — входом в самую старую мечеть Атала. Мы прошли под ее величественным сводом и остановились во дворе, вымощенном песчаниковыми плитами в форме молитвенных ковриков. У колодца, в тени высокой смоковницы, было оживленно: за небольшими стойками сидели ученики начальных классов и вслед за бородатым муллой пели суры из Корана. Чуть поодаль, образовав круг, студенты старших курсов, присев на корточки, с увлечением спорили о какой-то сложной философской проблеме. Двор образован двухэтажными аркадами, безошибочно указывающими на то, что мечеть была поставлена на развалинах индуистского храма. Только вырезанные из камня решетки, отделяющие в отдаленных углах зенану — место для женщин, — свидетельствовали о том, что мы в мусульманской молельне.

Мои друзья-индийцы тем временем отправились в канцелярию здешнего «Дома знаний», высшей исламской школы, и попросили имама открыть для нас лестницу, ведущую к михрабовой стене. Имам не хотел туда нас пускать, якобы из-за того, что там не прибрано. Муэдзин теперь ходит наверх лишь во время праздников. В простые дни он не утруждает себя, а включает магнитофон, и из репродукторов несется записанный на пленку азан — призыв к молитве. Наконец имам все-таки вручил нам ключ от резных дверей и наблюдал, как мы боком протискивались к тесной лестничной клетке.

Я не считал, сколько ступенек ведет на верх двадцатипятиметрового портала. Но, когда мы пролезли через угловатое отверстие к солнечному свету, голова моя закружилась, и я чуть не упал на раскаленный солнцем [120] двор. Перил здесь нет, поэтому я крепко прижался спиной к прогретому своду купола и лишь через несколько минут отважился посмотреть вниз.

По старому городу как будто разбросали небольшие макеты-двойники мечети Атала. Каждую стерегли такие же импозантные башни, каждая имела похожую михрабовую стену, и в архитектуре каждой можно было усмотреть гармоничную смесь индуистских и мусульманских элементов. На пригорке у реки широко раскинулась султанская крепость с основательными оборонительными сооружениями, местами, правда, уже разрушенными. В центре покрытого травой двора крепости возвышался довольно высокий минарет. Господин Пракаш был не совсем прав, когда утверждал, что в Джаунпуре нет ни одного минарета...

Под крепостью быстрый поток Гомати разбивался о пятнадцать красноватых быков старого моста, связывающего две части главной улицы. На дальнем конце моста каменный лев боролся с молодым слоном. Говорят, это место расположено в самом сердце княжества. Поэтому в стародавние времена именно отсюда велся отсчет расстояний во все концы государства.

Красивый джаунпурский мост немного напомнил мне Карлов мост в Праге. Здешний городской магистрат до настоящего времени сдает мост внаем усердным торговцам полотном, тесьмой и сукном, вокруг которых целый день толпятся покупатели.

— О том, как строили этот мост, рассказывается в одной красивой легенде, — перехватив мой взгляд, сказал один из гидов. — Во времена султанов из рода Шарки два берега были связаны лишь приставленными друг к другу лодками. За переход на другую сторону надо было платить. Однажды наш город посетил император Акбар. Вечером он решил покататься на лодке. На берегу он увидел плачущую бедную женщину. Император спросил ее, о чем она плачет. Женщина рассказала, что живет за рекой и у нее нет денег, чтобы заплатить за переход по лодочному мосту, и поэтому она не может сегодня вернуться к своим детям. Акбар перевез ее на своей императорской лодке, а на следующий день приказал наместнику Муниму Хану построить каменный мост на том месте, где плакала несчастная женщина. Наместник выполнил приказ императора, и новый мост назвал «Пул-и Акбари» — «Мост Акбара». Так его называют и в наши дни. [121]

Я с трудом оторвал взгляд от захватывающей дух картины. Но нужно спешить вниз, ведь еще сегодня я хотел бы успеть осмотреть место захоронения «владык Востока», почивающих вечным сном в Большой мечети. На этот раз господину Пракашу удалось без труда нанять двух рикш до заброшенного уголка Джаунпура, где над убогими лачугами неестественно возвышается Джамии масджид (Пятничная мечеть) султана Хусейна Шарки.

Рикши остановились возле могучей лестницы, ведущей на высокую каменную площадку, с трех сторон ограниченную башнями. Четвертая сторона — «михрабовая стена». Ее крепкая кладка опирается о скошенные цилиндрические опоры, благодаря чему она больше напоминала, пожалуй, крепостную стену, чем место молитвы. На внешней стороне мечети, вокруг двора, тянулись сводчатые

аркады, разделенные деревянными перегородками на несколько квадратных помещений. Частную жизнь этих клетушек охраняли лишь легкие портьеры или же невысокие дверки из покоробившегося картона; и те, и другие были казарменно помечены строгими номерами.

— Здесь живут беднейшие слои мусульман, в основном кули и поденщики, — объяснил мне господин Пракаш. — Комитет, в ведении которого находятся фонды мечетей, разбил галерею на десятки небольших комнат и передал их внаем беднякам: нужны были деньги на текущий ремонт мечети. От городского магистрата и центрального правительства много не дождешься, поэтому Комитет вынужден заботиться о состоянии этого памятника архитектуры сам. Правда, жилье здесь не очень удобное, но все-таки есть крыша над головой для тех людей, которым иначе пришлось бы спать на улице.

Действительно, крышу над головой люди здесь имеют, но солнышко сюда вряд ли когда заглядывает. Прямо перед галереей, на которой мы стояли, на небольшом пригорке возвышался полуразвалившийся мавзолей. Тут за ветхой стеной под каменными надгробными досками покоятся султан Ибрагим Шарки и его семья. О том, как он умер, местные жители рассказали мне довольно романтическую историю. Когда заболел один из членов султанской свиты литераторов, персидский поэт и теолог Шихаб-уд-дин Мухаммед из Даулатабада, султан пришел приободрить его. Он очень уважал поэта и в соответствии с исламским обычаем, взял кубок, налил в него воды и несколько раз провел им вокруг головы [122] больного), приговаривая: «О Аллах, устрани болезнь моего ближнего, лучше пошли ее на мою голову. Отдаю свою жизнь за него». Аллах, вероятно, принял его жертву. Поэт вскоре выздоровел, а султан заболел и через несколько дней скончался.

О его преемниках уже нельзя сказать что-нибудь хорошее, хотя за время их правления Джаунпур оставался тем, чем был раньше: центром индо-исламского образования и единственным городом, в котором были все условия для развития архитектуры и литературы. Сын Ибрагима Махмуд был настолько самоуверен, что попытался завоевать столицу Дели и управлять всей Индией. Однако делийский султан Бахлул Лоди одной решающей атакой лишил его всех надежд. Другого султана, Мухаммеда-шаха, убили придворные, которых он восстановил против себя своей крутостью и легкомысленным поведением. На трон был посажен Хусейн, брат убитого султана. В свою очередь, и он, возбужденный успехами своих кампаний против окрестных индуистских раджей, решил попытать счастья и снова выступил против Дели. Хусейн кончил так же, как и его отец, пожалуй, даже хуже. Султан Бахлул разбил его войска наголову, а земли присоединил к своим владениям. Это был конец независимого Джаунпурского султаната. Хусейн-шах дорого заплатал за то, что не умел трезво оценивать ситуацию и преувеличивал свои способности правителя и полководца.

Таким образом, наиболее ярким моментом всего восьмидесятипятилетнего периода джаунпурской независимости было время правления султана Ибрагима. В самом начале мусульманского господства в Индии не часто случалось, чтобы какой-нибудь султан между непрерывными войнами уделял время искусству, литературе и наукам, способствовал бы их расцвету. Султан Ибрагим — приятное исключение. Это был образованный и благородный человек, он имел более высокие цели и идеалы, чем его современники. При этом следует принять во внимание тот факт, что небольшое государство, которым он управлял,

располагало весьма скромными средствами на реализацию его грандиозных планов, а также учесть бурное время, в которое он правил целых тридцать четыре года. Мы, бесспорно, можем с уважением склонить голову перед его личностью и тем значительным вкладом в культуру, плодами которого могут наслаждаться наши современники. [123]

Даулатабад — «Обитель богатства»

Изучая историю Делийского султаната, я обратил внимание на противоречивую фигуру султана Мухаммеда Туглака. В своих решениях султан редко когда руководствовался советами своих приближенных, хотя сам большим умом не отличался. За ряд опрометчивых поступков он был признан сумасшедшим.

Опасаясь, что наместники отдаленных провинций станут самостоятельными и его обширная империя распадется, султан решил оставить недавно построенный им рядом с Дели город Туглакабад и перенести правительственную резиденцию в центральные районы султаната, так чтобы все окраинные области находились под его надзором. Выбор пал на неприступную крепость на скале Деогири — «Горе богов», которую его предшественники незадолго до того завоевали у деканских Ядавов.

Туглак отремонтировал крепость, усовершенствовал ее оборонительные сооружения и в соседнем селении основал новый укрепленный город, придумав для него возвышенное имя Даулатабад — «Обитель богатства». Султан не удовлетворился тем, что перенес в Даулатабад свой двор. Он также издал указ переселить туда всех жителей Дели. Вероятно, он боялся, что какой-нибудь придворный может в его отсутствие занять делийский трон.

В то время в Индии находился известный арабский путешественник Ибн Баттута. Он стал очевидцем почти всех мероприятий Мухаммеда Туглака и оставил о нем много интересных замечаний. О сумасбродном решении султана перенести столицу со всеми ее жителями на 1200 километров южнее Ибн Баттута записал в свой дневник следующее: «Одним из худших деяний султана Мухаммеда было то, что он вынудил всех жителей Дели оставить родные места. Он сделал это в отместку за то, что они писали ему обидные и оскорбительные письма, с такой, например, предостерегающей надписью: „При жизни Господина мира никто, кроме него, не смеет прочесть это письмо!“ Ночью они подбрасывали письма в приемную султана. Когда же правитель вскрывал их, то находил там лишь ругательства и оскорбления.

Поэтому, говорят, султан и решил уничтожить Дели. Он выкупил у всех жителей города дома и квартиры, заплатив их стоимость, и приказал всем переселиться [124] в Даулатабад. Сначала люди не хотели повиноваться, однако султан послал на улицы глашатаев с указом о том, что в течение трех дней все жители должны покинуть город. Когда его слуги спустя три дня обнаружили на улице двух человек, один из них был хромым, а другой слепой, и привели их к султану, то тот приказал убить хромого из пращи, а слепого тащить за конем всю дорогу от Дели до Даулатабада, то есть сорок дней дороги. Бедняга по дороге распался на куски, и в Даулатабад конь привез одну лишь ногу. После этого все жители покинули Дели, оставив там свое имущество.

Один человек, который пользуется моим полным доверием, рассказал мне, что

однажды ночью султан вышел на ровную крышу дворца, посмотрел на темный город, в котором не было видно ни одного огонька и даже дыма факела, и сказал: „Теперь моя душа спокойна и мой гнев улегся”.

Позднее султан предложил жителям других городов заселить Дели. В результате начали вымирать другие города, а Дели все равно остался малонаселенным. Таким мы и нашли его во время нашего сюда прихода, пустым и праздным, с немногими жителями»5).

Эксперимент султана не принес ему успеха. Он все равно не смог остановить постепенное разложение империи и через семнадцать лет вынужден был разрешить изгнанникам снова поселиться в Дели.

Я долго ждал возможности посетить Даулатабад. Но вот однажды известный поэт урду Сикандар Али Ваджд, областной судья из Аурангабада, пригласил меня к себе в гости. В то время я работал в университете Османия в Хайдарабаде. К конечной цели моего путешествия длиной более шестисот километров меня домчал за одну ночь паровозик узкоколейной дороги, проходящей по долине реки Годавари. Субботним утром я вышел из поезда на вокзале в Аурангабаде. Не ожидая, когда господин Ваджд сможет уделить мне время после своего рабочего дня, я прыгнул в первую попавшуюся тонгу и приказал извозчику ехать прямо в Даулатабад. Тощая лошадка потащилась по северо-западной дороге, ведущей в Эллору. Примерно через час езды наша двухколесная тележка доползла до одинокого гранитного [125] холма, подножие которого было стесано и превращено в отвесные стены крепости, расположенной на вершине. Тонга вкатилась в вымерший город султанов и остановилась прямо перед воротами внешней крепостной стены.

Я присоединился к небольшой группе бомбейских студентов, ожидавших у входа начала экскурсии. Вместе с ними я прошел через оборонительную систему трех угловых башен, охраняемых необычно высоким бастионом с эркером, на выступающих подпорках. В поле моего зрения попал стройный, заостренный кверху минарет Чанд-минар, на который по западноазиатскому образцу надето два кольцевых балкончика. Я искал взглядом мечеть, но безуспешно, минарет, говорят, никогда не служил муэдзинам для призывов к молитве, он лишь напоминал о победе ислама над индусскими князьями Декана.

У каменного мостика через ров, заполненный зеленоватой водой, нас встретил экскурсовод в униформе. Он объяснил нам, что в крепость входить одним не разрешается, так как туда кроме извилистого туннеля, пробитого через скалистую гору, нет дороги.

Когда мы оказались в темном лазу, в котором с трудом можно выпрямиться, по телу у нас забегали мурашки. Экскурсовод зажег факел, и его чадающее и мигающее пламя красным прыгающим светом вырвало из тьмы унылые своды коридоров. Через несколько шагов проводник предупредил:

— Идите по одному вплотную друг к другу, здесь лежат отравленные копы.

Действительно, повсюду на земле валялись остриями вверх ржавые трезубцы, удары которых обрекли на смерть немало воинов.

Через минуту наш проводник движением руки снова остановил нас — в середине коридора зияла глубокая пропасть, которую мы наверняка просмотрели бы в полутьме. Мы осторожно обошли ее по скользким дорожкам у стен туннеля, живо представив себе, как в эту бездну один за другим падали атакующие крепость воины и оставались лежать с переломанными конечностями в подземелье, откуда не было выхода.

Там, где туннель неожиданно поворачивал, засверкало вдруг отверстие отполированного наклонного туннеля, через которое проникал матовый свет дня.

— Это скользкая горка для сбрасывания неприятеля [126] в ров, — слышался приглушенный голос начальника крепости, и мы с ужасом вспомнили, что в крепостных рвах обычно держали крокодилов, которые, вероятно, с большим удовольствием принимали добычу, падавшую прямо в их огромные пасти.

На верхний двор мы протиснулись через опускающиеся сверху железные ворота. Если неприятелю удавалось все-таки преодолеть препятствия и проникнуть в верхнюю часть крепости, то здесь его встречал огонь. В скале еще было видно отверстие, через которое проходил воздух. Железные ворота чуть ли не плавилась от сильного огня, а воздух в туннеле нагревался так, что его наверняка не выдержали бы те, кто счастливо смог преодолеть все предыдущие ловушки. Неудивительно, что несолоно хлебавши от стен Даулатабада (тогда еще называвшегося Деогири) пришлось отойти и известному своей силой и жестокостью делийскому султану Ала-уд-дину. Однако крепость все же пала, говорят из-за измены.

Студенты отдыхали в павильончике ядавских княгинь, а я тем временем преодолел еще сто ступенек, ведущих на вершину горы, где стоит готовая к выстрелу огромная пушка «Буревестник». Ее ствол направлен на раскинувшийся внизу пустой и безлюдный город. Мой взгляд задержался на Пипал гхате. За ним лежит святое для южноиндийских мусульманских паломников место Хульдабад — «Райский город». Вероятно, такое название этому месту было дано из-за огромного количества мавзолеев, в которых похоронены известные правители Декана, а может быть, потому, что там укрылась скромная могила фанатичного императора Аурангзеба. Тем временем солнце, стоявшее прямо над головой, напомнило мне, что уже давно пора было возвращаться в город, чтобы встретиться с господином Вадждом — поэтом.

Большинство иностранных туристов знает Аурангабад как исходный пункт автомобильных путешествий до всемирно известных пещерных храмов в Аджанте и Эллоре. Если бы они могли тут ненадолго задержаться, то увидели бы, что и Аурангабад, несмотря на сравнительную с Аджантой и Эллорой молодость, может предложить им немало интересного. Его основал на развалинах древнего индуистского города опытный абиссинский инженер Малик Амбар, раб, а позднее министр правителей Ахмаднагара. Его сын Фатех-хан после смерти отца [127] назвал город Фатехнагар, однако Великий Могол Аурангзеб переименовал его в Аурангабад.

В назначенное время перед гостиницей меня ждал господин Ваджд — элегантный с легкой проседью человек в белоснежном узком шервани, какие носят все состоятельные мусульмане.

— Сначала я хочу предложить вам небольшую поездку по достопримечательным местам, а вечером мы можем побеседовать с приятелями о литературе урду, — приветливо сказал Ваджд и открыл передо мной дверцу своей новой машины «Амбассадор».

К моему удивлению, машина направилась сначала за город, в сторону Аджанты. Слева вдоль дороги потянулся каменный водопровод, на котором через правильные интервалы стояли выложенные из кирпичей и оштукатуренные башенки. У одной из них мы остановились и приложили ухо к стене. Изнутри слышался шум падающей воды. Ваджд, выдержав паузу, сказал:

— Пожалуй, водопровод — это самый полезный памятник. Он обеспечивает водой город уже четвертое столетие. Черный вазир Малик Амбар вовремя понял, что вновь построенному городу более всего необходим обильный источник хорошей питьевой воды. Источников в окрестностях города было много, однако они находились сравнительно далеко, на склонах гор, отстоящих от города на расстоянии нескольких десятков километров. Амбар решил подвести воду к городу по трубам. Эту задачу было выполнить нелегко: на пути водопровода оказалась холмистая местность. Однако Амбар не побоялся трудностей. Он придумал и опробовал на моделях остроумную систему нагнетательных труб и перепадовых башен, за счет чего ему удалось без использования внешней энергии провести воду прямо в город. Этой системой подачи воды восхищаются и современные архитекторы всего мира.

На обратном пути я неотрывно всматривался в это чудо средневековой техники. Действительно, в некоторых местах водопровод поднимался на холм. Как удалось вазиру заставить воду течь вверх? Не успели мы решить эту интересную задачу, как машина уже повернула к белому мавзолею. В саду водопроводные трубы заканчивались у высокого колеса, которому место, пожалуй, не столько у гробницы, сколько на мельнице.

— Это Панчакки — Водяная мельница, — подтвердил мою догадку поэт, — своеобразная [128] достопримечательность. Водяных мельниц в Индии очень мало. Неудивительно, что эти места привлекали внимание святых. Именно здесь поселился духовный наставник Великого Могола Аурангзеба исламский мистик Баба Шах Музаффар, тут же он и похоронен. Каждый год в день его смерти сюда приходят огромные толпы мусульман.

Возможно, предположил я, эти люди приходят сюда не только поклониться почитаемому святому, но и восхититься этим чудесным образцом средневекового инженерного искусства. О висячих садах я много слышал, но вот висячий пруд я смог потрогать собственными руками. Я увидел его прямо перед входом в мечеть: широкий водный резервуар, до краев наполненный прозрачной проточной водой. Он был укреплен высоко над нашими головами на двух рядах массивных каменных глыб. Вода падала отсюда трехметровым водопадом в другой, меньший по размеру, заполненный юркими рыбами длиной более чем полметра. Этих рыб, говорят, разводил здесь сам Аурангзёб. Вероятно, их считают священными и поэтому обильно кормят. Для туристов в этом месте еще ничего не было организовано, даже не продавали традиционных открыток и кока-колу, однако частная предприимчивость уже была ключом. Во дворе перед башней ходил разносчик и кроме благовонных ароматических палочек предлагал прекрасные образцы художественного ремесла бидри, по названию исчезнувшего султаната и

города Бидар.

— Вижу, вам нравится бидри, — заметил господин Ваджд, обратив внимание на предмет моего интереса.— К сожалению, до Бидара, где производятся эти изделия, сегодня я отвезти вас не успею, но мы поедем к моему знакомому, для которого эти изделия составляют вполне приличный бизнес.

Мы вернулись в город, окруженный еще и сегодня могучими крепостными стенами, и по древнему Меккскому мосту через речку Хам подъехали прямо к высокому portalу городской башни. Тут кипела красочная жизнь восточного базара и закоулков старого района. Мы остановили машину на улице и стали продираться через корзины с морковью и капустой к узкому проходу, который вел к небольшим лавочкам-мастерским чеканщиков по золоту. Наконец мы остановились возле домика с английской надписью: «Bidri Ware».

Нам повезло — приятель поэта Абдул Хамид оказался дома. Он уже исполнил положенную к тому времени [129] дня молитву и мог уделить нам внимание. Выяснилось, что Абдул Хамид представлял здесь кооператив, не так давно организованный Всеиндийским советом художественных ремесел и объединяющий традиционных производителей изделий бидри.

На полочках небольшого магазинчика, в застекленных шкафчиках — повсюду были выставлены изделия из матово-черного материала: тут стояли круглые и четырехугольные миски, подносы, тарелки и вазы, за стеклом лежали россыпи брошей, застёжек и булавок самых разных размеров и видов, вокруг громоздились пепельницы, портсигары, в углу валялись подставки для настольных ламп и этажерок. У всех изделий характерная черная матовая поверхность была украшена золотой или серебряной инкрустацией.

— Что вы, это вовсе не металл, — как будто прочитав мои мысли, сказал господин Хамид и подал мне вместительное блюдо. — Взвесьте его на руке — и увидите, как мало оно весит. Основным сырьем для наших изделий служит глина, правда необычная. Собирают ее либо в развалинах старых зданий, либо под корнями старых деревьев, которым по крайней мере лет четыреста. Глину смешивают с древесной смолой и касторовым маслом, затем с расплавленным цинком и медью. После этого раскаленную смесь выливают в формы и получают то или иное изделие. На еще не остывшей поверхности металлическими перьями выгравировывают узор, а в полученные углубления вчеканивают золотые и серебряные проволочки. Готовое изделие снова нагревают и на него наносят смесь старой глины и сернистой соли аммония, которая чистит золото и серебро, а остальную поверхность делает глубоко черной.

Жаль, что мы не смогли заехать непосредственно в Бидар и посмотреть мастеров за работой. Я купил на память красивую брошку с серебряным узором и пообещал порекомендовать бидарский кооператив своим друзьям в Хайдарабаде. Распрощавшись с господином Хамидом, я засветло отправился посмотреть на самую значительную аурангабадскую достопримечательность — гробницу Рабии Дуррани, жены могольского императора Аурангзеба. Она умерла здесь еще совсем юной, когда ее супруг, в то время еще принц, управлял южными областями империи.

Этот по времени последний большой мавзолей могольского периода ;не имеет

возвышенного названия и [130] известен просто как Биби ка макбара («Гробница госпожи»). Своей формой и планом Биби ка макбара напоминает известную гробницу Тадж-Махал в Агре, а кое в чем даже превосходит ее: отверстия в сводах ловят порывы ветра, лучи солнца и капли дождя, которые отводятся к обособленному рву, как это и требуется в соответствии со строгими указаниями мусульманской веры.

От магазина господина Хамида до «Гробницы госпожи» всего несколько минут ходьбы. Машина остановилась возле мраморной лестницы, ведущей к длинному узкому парку, тянувшемуся вдоль центрального канала с фонтанами. На противоположном конце на приподнятой квадратной площадке расположена собственно гробница. На того, кто ожидает увидеть здесь удивительное изящество Тадж-Махала, этот мавзолей не произведет сильного впечатления. Массивная гробница точно насильно выталкивается вверх по направлению к главному куполу, а крошечные минаретики в углах здания как будто поддерживают ее.

— Вижу, вам не очень нравится наш неудавшийся Тадж-Махал, — заметил поэт. — А я его люблю, он мне кажется более интимным и милым, чем гробница госпожи Мумтаз. Иногда кажется, что строители этого мавзолея как будто хотели подчеркнуть, что тут спит вечным сном не обожаемая любовница, но верная и преданная жена, которая была рядом с супругом и в добрые, и в злые времена.

Когда мы вошли в мавзолей и остановились у могилы, имитирующей гроб, но без крышки сверху, мой знакомый сказал:

— Не хватает здесь надгробной доски. Думаю, что то место, которое не закрыто глиной и выставлено словно напоказ в окружении всего этого мрамора, хорошо выражает лицемерность аскетичного и неуживчивого мужа Рабии, который сдерживал распад ранее мощной империи лишь за счет своей фанатичной жестокости. Такую же слишком явную аскетичность демонстрирует и могила самого Аурангзеба, которая для столь могущественного императора кажется невероятно скромной. Нам надо спешить, чтобы успеть осмотреть это место до того, как стемнеет. Оно находится недалеко отсюда.

Действительно, через несколько минут машина остановилась на Хулдабадской площади рядом со строгим мощеным тротуаром, ведущим от дороги к башне мавзолея [131] мусульманского святого Зайн-уд-дина. Кто видел пышные гробницы других Великих Моголов, тот никогда бы не поверил, что это весьма скромное строение может скрывать останки последнего из них.

Говорят, перед смертью Аурангzeb распорядился, чтобы на его похороны израсходовали лишь те средства, которые будут получены от продажи шапочек, которые он шил сам в свободное время. Его наследники выполнили последнюю волю императора и похоронили его тихо и скромно во дворике гробницы святого. И хайдарабадский низам, который позднее обнес гробницу ажурной мраморной решеткой, с уважением отнесся к его воле. Он распорядился вытесать на отполированном надгробном камне лишь лаконичную надпись с указанием имени того, кто покоится под камнем, дату его рождения, вступления на трон и смерти.

На несколько минут мы задержались перед пуритански скромным надгробием свирепого и коварного императора, который в течение пятидесяти лет своего

жестокого правления пытался обратить колесо индийской истории вспять и слишком поздно осознал наивность таких попыток.

Лишь перед смертью Аурангзеб понял, как он сильно ошибался. «Не знаю, почему и для кого пришел я в этот мир, — писал он своему сыну. — Нехорошо обходился я со своей страной и ее людьми. Мои года пролетели без пользы. Жизнь преходяща, потерянное мгновение никогда не возвратится, и у меня нет никакой надежды в будущем. В моем сердце был, вероятно, бог, но я смотрел на мир сквозь затуманенные очи, которые мешали мне распознать свет...»

Город развлечений

Еще будучи в Дели, я решил, что на этот раз я постараюсь все-таки не упустить возможность посетить старый мусульманский султанат Мальву и его столицу Манду, расположенную далеко от признанных туристических дорог. От ближайшей станции Мхау до Манду почти девяносто километров по сравнительно труднопроходимой местности, да и прежде чем доберешься до Мхау, надо часов десять потрястись в вагончике местной узкоколейки.

Я уже собирался покинуть Бхопал, но все еще не [132] представлял, каким образом устроить поездку в Манду. И вот почти в последний момент неожиданно пришла помощь: один из моих знакомых в Бхопале в разговоре случайно обмолвился о своем брате — полицейском начальнике из Индаура, — вот кто мог мне помочь! Слово за слово — и в Индаур полетела телеграмма, а в ответ пришло заверение, что гостя с радостью примут, пусть скорее приезжает.

Рано утром я вылетел из Бхопала на небольшом самолете и пробирался сквозь утренний туман к расчлененным долинам, сглаженным отрогами гор Виндхья. В разрывах облаков, глубоко внизу, виднелась блестящая лента реки Нарбады, за которой поднимались гряды гор Сатпуры. Полет длился недолго, и вскоре самолет мягко коснулся поверхности аэродрома в Индауре. Из утреннего тумана рождался орошенный свежей росой день, обещавший быть жарким. Возле здания аэропорта ко мне подошли четверо симпатичных молодых людей и пригласили в открытый полицейский джип. Они оказались родственниками местного полицейского начальника и приехали в аэропорт только для того, чтобы встретить европейского гостя, пожелавшего посетить провинциальный городок Манду.

Уже в джипе я узнал, что начальник полиции дистрикта вчера отправился в инспекционную поездку, но он будет ждать нас в Дхаре, а там, если позволят обстоятельства, он с удовольствием присоединится к нам и лично будет сопровождать до заброшенной столицы султанов Мальвы.

Около 9 часов утра наш джип остановился перед полицейским бунгало в Дхаре. На террасе в окружении своих подчиненных завтракал седой господин средних лет.

— Рад, что могу отплатить своему ученому брату за оказанное внимание, по крайней мере теперь полиция снова возьмет верх над наукой. Знаете, вряд ли какой историк нашел бы возможность отвезти вас в Манду. Теперь же вы увидите, как поступает полиция, когда она особенно благоволит к кому-нибудь, — такими словами встретил нас местный полицейский начальник.

Он предложил нам чашку крепкого чая с молоком и весело продолжал в том же духе:

— Делается это так: официальным путем мы вызовем служебный джип с охраной, а местному инспектору отдадим приказ о неожиданной инспекции полицейских участков в интересующем гостя районе. Инспектор сядет [133] рядом с водителем и, предложив гостю расположиться на заднем сиденье, отправится выполнять задание. Прибыв в первую сравнительно большую деревню, где есть полицейский пост (тхана), инспектор тут же приступит к своим обязанностям — начнет проводить ревизию. Заодно он прикажет по телефону начальнику ближайшей тханы, чтобы вовремя поставили чайник и сварили яйца. Когда же усталый гость вернется с прогулки, перед ним навытяжку предстанет тханедар (начальник тханы) и доложит, что стол уже накрыт в саду. Затем достаточно будет лишь приказать, чтобы на обратном пути была согрета вода, а в ванной комнате приготовлены ведра с водой и кувшин для поливания и, конечно, застелена резервная казарменная койка. Благодаря такой образцовой работе всех звеньев местной полиции наш гость, за которого мы в ответе, может без проблем переезжать с места на место. А сейчас вы увидите, как все это выглядит в деле.

— У меня, к сожалению, нет свободного времени, — продолжал он, — поэтому контроль полицейского участка в Манипуре проведет инспектор Ашраф. Заодно он должен выяснить, как исполняются указания Археологической службы в области Манду. Ночлег будет организован в полицейском участке в Гуджри, возвращение завтра.

Не успел я опомниться, как мы уже ехали по сказочно зеленому краю. В джипе я знакомлюсь со своими новыми провожатыми. Один из них господин Рахман, племянник моего знакомого из Бхопала. Он заканчивал учебу по какой-то технической специальности. Другой — его друг, родом из соседней с Манду деревни. Этот человек и будет нашим экскурсоводом.

Джип быстро мчался по древнему пути, проходящему по холмистой, заросшей густой растительностью, местности. Низко над землей летали желтые и зеленые попугаи, с дерева на дерево перескакивали, гоняясь друг за другом, лемуры и небольшие обезьянки, а в траве шуршали змеи. Если бы мы проезжали здесь вечером, то, возможно, встретили бы леопарда или медведя. Дорога устремилась вверх, петляя между обрывами, а быстро меняющиеся краски в горах придавали ей сказочный вид.

Неожиданно перед нами выросли отвесные склоны одного из отрогов гор Виндхья. Здесь и укрылась скалистая крепость Манду, отрезанная от внешнего мира [134] глубокими ущельями. Мы спустились вниз и тотчас же поднялись вверх через расчлененное ущелье Какра Кох. Дорога петляла вокруг вершины, которую мы объезжали бесчисленное количество раз, пока наконец не оказались на верху скалистого массива.

Плато Манду протянулось с севера на юг на семь километров и приблизительно на восемь с востока на запад. Его поверхность покрыта мелкими впадинами, в которых, как в естественных резервуарах, сравнительно долго удерживается дождевая вода. Вокруг росли раскидистые баньяны, деревья манго, тамаринды и местами баобабы.

Я уже не удивлялся, что афганские султаны укрепились именно здесь. Вряд ли в сердце Центральной Индии нашлось бы еще одно такое место, которое так хорошо охраняло покой чужестранцев и давало им чувство полной безопасности.

Джип остановился перед красочными башнями молчаливого, безлюдного города, и мы стали карабкаться на скалистый утес, с которого перед нами открывалась бескрайняя перспектива.

Перед нами раскинулась Мальва — величественное плато под мирным чудесным небом. Кругом простирались густые леса, окаймленные небольшими плодородными полями с черной почвой, благодаря чему здесь получают несколько урожаев в год. Сглаженные кряжи чередовались с равнинами, и тогда склоны резко обрывались вниз: на север к реке Чамбал, на восток к Нарбаде, на запад к равнинам штата Мадхья-Прадеш и к Хандешу на юг. Здесь был перекресток древних путей, идущих через всю Индию с севера на юг и с запада на восток. Неудивительно, что за обладание Мальвой велись упорные бои.

Наивысшая слава и расцвет Мальвы приходится на сравнительно короткий период неполных двух столетий (1389—1562), когда ею управляли мусульманские султаны из трех разных патанских (афганских) династий. Завоеватели пришли из Афганистана. Постепенно они многое переняли из древней индийской культуры этой области, незаметно приспособили ее к своим идеям и традициям. К своему двору они приглашали индуистских архитекторов и ремесленников, строивших для них замки и дворцы, а также музыкантов, развлекавших их игрой и пением наравне с персидскими художниками и поэтами, которых они привозили из мусульманских дворов [135] Дели, Кабула, Самарканда и Бухары. Султаны щедро вознаграждали и поддерживали местных индуистских мастеров.

Таким образом в Мальве шел культурный синтез, характерный для позднего феодализма в Индии и достигший своего апогея в архитектуре и искусстве Индии во времена Великих Моголов.

Основатель мальвского султаната Дилавар-хан происходил из династии Гуридов. Император Мухаммед Туглак назначил его губернатором Мальвы. Когда же в Северную Индию вторглись войска Тимура и разграбили ее, Дилавар-хан объявил о своей независимости от Дели и в 1401 г., по словам летописца Феришты, «взметнул белый балдахин власти и пурпурный шатер правления».

Его сын Хошанг (1405—1435) перенес резиденцию из Дхара в Манду — ему нравился тамошний здоровый климат и природные фортификационные возможности. Широкую вершину скалистого холма он обнес замысловатой системой крепостных стен, бастионов и башен. Периметр крепостных стен с внешней стороны достигал более сорока километров. В те времена внутри крепости жизнь буквально кипела. Тут было много базаров, магазинов, бань, дворцов и летних резиденций, однако все они в настоящее время лежат в развалинах. Безжалостным зубам времени не поддались лишь несколько султанских резиденций, гробниц и мечетей, построенных, вероятно, более основательно, чем остальные, менее значительные, здания.

В крепость мы попали через систему могучих башен. Сначала мы оказались в башне Аламгира, одиннадцатиметровый портал которой заканчивался остроконечным сводом, образующим вход в крытый коридор. Дорожка резко

повела вверх и уперлась в ворота другой башни, носящей название «Дворницкая». От нее шло примерно шестьдесят широких и низких ступеней к третьей, Делийской башне — она и служит главным входом в крепость.

Мы оказались на безлюдной, некогда оживленной территории крепости. Минут пятнадцать мы брели по развалинам и наконец добрались до ослепительно белой гробницы султана Хошанга. Она стояла, повернувшись к нам великолепным резным порталом, украшенным переплетенными между собой цветками лотоса. Ажурные мраморные решетки по сторонам главного входа пропускали [136] внутрь мягкие рассеянные лучи света, что придавало всей постройке торжественный вид. На мой взгляд, правда, четыре башенки на мраморном куполе слишком близко теснились к стройному своду. Мой проводник с любовью осматривал гробницу и с нескрываемой гордостью заметил:

— Перед вами первая гробница в Индии, на строительство которой пошел белый мрамор. Двести лет спустя она воодушевила императора Шах Джахана на строительство намного большей и известнейшей гробницы Тадж-Махал в Агре, в которой покоится прах его любимой Мумтаз. Хотите, я покажу вам персидскую надпись, подтверждающую это?

Действительно, на памятной доске витиеватым арабским шрифтом написано, что 14 декабря 1639 г. мавзолей посетила группа архитекторов, посланных императором Шах Джаханом. Сюда пришли четыре будущих строителя Тадж-Махала: два мусульманина и два индуса.

Не упустили мы возможность осмотреть и прилегающую к мавзолею Большую мечеть. Ее строительство было закончено лишь в 1454 г. преемником Хошанга Махмудом Хилджи, о чем свидетельствовала другая надпись, вытесанная на стене. К главному входу нас вывела крутая лестница, а стройный портал — в синюю, с легким куполом молельню. словно зачарованные стояли мы в небольшом полутемном пространстве, где несколько столетий назад звучали молитвы придворных. Покрытые голубой глазурью изразцы на стенах сегодня, как и в былые времена, сплетались в стройные геометрические узоры в форме звезд и ромбов. Если бы пауки не оплели серебряной сетью ажурные решетки каменных окон и если бы на михрабе дикие голуби не свили гнезда, можно было бы представить, как перед ровными рядами верующих встает имам и приглашает всех присутствующих к общей пятничной молитве.

Голос провожатого вернул нас к действительности:

— Теперь мы могли бы немного вернуться назад и осмотреть другие строения, — порекомендовал он.

Мы обогнули мечеть и возвратились по другой дороге.

За кронами деревьев виднелось могучее здание, вероятнее всего, дворец султана. Мне показалось, что одна часть здания словно углубилась в землю, и я подсознательно направился к другой. [137]

— Не беспокойтесь, дворец не упадет, так задумано специально. Султан, желая подшутить над своими гостями, приказал построить дворец набекрень. Опоры здания лишь кажутся неустойчивыми, благодаря чему создается иллюзия, будто

постройка качается из стороны в сторону. Поэтому здание и получило название Хиндола махал («Дворец-качели»).

Во дворце сохранился также и второй этаж. С северной стороны к нему ведет особая лестница Хатхи чархао («Слоновый выступ»). По этому выступу, говорят, поднимались наверх слоны, с занавешенными носилками на спинах, и возносили закутанных гаремных жен в их покои. Оттуда они, сами невидимые, наблюдали торжественное шествие, когда к главной башне крепости приближался султан или какой-нибудь чужестранный сановник.

Перед замком блестели зеркальной поверхностью два водохранилища — маленькое озеро Кафр и пруд Мунджа. Вдоль их берегов протянулось своеобразное продолговатое здание, по своей форме напоминающее корабль. Оно так и называется Джахаз махал (Корабельный дворец). Сооруженные на крыше беседки и павильончики и выступающие из стен балкончики отражались в зеркальных водах голубого озера. Отражение дворца в воде казалось необычайно красивым. Видно, жены султана могли из дворца следить за тем, что происходило на озере, и, таким образом, хотя бы издалека принимать участие в веселых играх и соревнованиях на лодках и в воде.

Для их удобства все было предусмотрено. Через комнаты Корабельного дворца по каменным канавкам протекала озерная вода, поднимавшаяся сюда при помощи персидского колеса, вращаемого могучим слоном. Затем вода спадала красочными каскадами и в одном из дворов наполняла искусственные водоемы с множеством округлых ступеней, вырезанных из мощных песчаниковых квадратов. В таком бассейне могли купаться даже те женщины, которые не умели плавать. Те же, которые умели, могли отважиться заплывать на большую глубину в центре бассейна.

Несмотря на то что был уже март, мы не отважились принять холодную ванну, хотя полуденное солнце невыносимо жгло, и от его высушивающих лучей мы уже не знали, куда прятаться. Мы решили немного отдышаться в прохладном Колонном зале. Несколько столетий [138] назад тут отдыхали после купания придворные султана, а по вечерам, устроившись на террасе, многочисленные жены султана обычно наслаждались легкими дуновениями ветерка, доносящегося из джунглей.

Рахман принес из джипа корзинку с обедом: вареную курицу, белый хлеб и сочную папайю. Нас мучала жажда, но поблизости не было никакого родника или источника — пришлось довольствоваться теплой водой из канистры.

Крепость всегда страдала от недостатка воды. В большинстве случаев выручала дождевая, которую в изобилии приносили сильные муссонные ливни, заполнявшие естественные водоемы так щедро, что вода в них удерживалась по несколько месяцев. Когда же они пересыхали, жители крепости вынуждены были уменьшать потребление воды. Питьевую воду можно было черпать лишь из трех глубоких колодцев. Из них брали воду не только для приготовления пищи и для питья, но и для охлаждения дворцовых покоев в знойное лето.

Внизу, прямо по берегу озера, шла хитроумная сеть сводчатых коридоров. Все лето они оставались влажными и сравнительно прохладными, и благодаря им охлаждались стены всего дворца. Непосредственно под комнатой султана зиял

Колодец чампы, названный так потому, что вода в нем всегда оставалась свежей, как белый цветок чампы. Из колодца вода подавалась в личные бани султана, в их предбанниках до наших дней сохранилось ловко придуманное нагревательное устройство. Другой колодец называется Светлым, так как в него заглядывал дневной свет. Он соседствовал с Темным, в котором, так же как и на лестницах и в коридорах, к нему примыкающих, царствовала вечная тьма. Оба колодца сверху защищались сторожевыми башенками. С их галерей специальные сторожа днем и ночью стерегли источники драгоценной жидкости.

Несмотря на полуденный зной, Корабельный дворец произвел на нас приятное и радостное впечатление. Павильончики и беседки создавали приятную атмосферу, благодаря которой можно себе представить времяпрепровождение придворных султана. Не зря ведь в древности Манду называли «городом развлечений». Было это во времена основателя Корабельного дворца Гияс-уд-дина Хилджи (1469—1500). Султан умел наслаждаться преходящими радостями мирской жизни в полной мере и вместе с тем не забывал о необходимости создания [139] каких-то более постоянных ценностей. Он, так же как и его предшественник Махмуд-шах I (1436—1469), совмещал завоевательные походы с увлечением науками и культурой, развитие которых он поощрял. Гияс-уд-дин пригласил в Манду со всех уголков Индии известных ученых, построил библиотеки и колледжи. Он звал к себе и щедро вознаграждал индуистских и мусульманских поэтов, хотя требовал от них, чтобы они воспевали его успехи полководца и правителя.

Султану недостаточно было окружить себя когортой ученых и мастеров, он положил начало женскому образованию, начав с обучения представительниц своего многочисленного гарема. Хронист Низам-уд-дин Ахмад оставил потомкам следующие интересные сведения: «Заполнив свой гарем прекрасными рабынями и дочерьми раджей и заминдаров, султан Гияс приложил немалые усилия для их образования. Тщательно взвесив способности каждой из них, он обучал их различным видам искусства и ремесла. Одну он выучил искусству танца и пения, другую — игре на флейте, третью — чтению стихов, а некоторых — даже искусству борьбы. Было у него пятьсот абиссинских рабынь, которых он, одев в мужскую одежду и вооружив мечами и щитами, объединил в так называемый „Абиссинский корпус“. Так же он поступил и с пятьюстами турчанками, из которых был создан „Могольский корпус“. Еще пятьсот девушек, отличавшихся силой духа и быстротой ума, были обучены различным видам наук и искусства. Каждый день он призывал одну из них к себе на ужин. Отобрав среди них самых одаренных, султан доверил им различные правительственные должности, например: казначейство, контроль над государственными доходами и расходами, а также руководство различными мастерскими».

Через четверть века после смерти султана Гияса Мальва попала в зависимость к султанам Гуджарата, и, казалось, она навсегда распрощалась со своей независимостью, особенно же после того, как была завоевана могольским императором Хумаюном. Однако, когда Хумаюн был изгнан из Индии в Иран, наместники Мальвы объявили о своем отказе подчиниться делийским правителям. Последний мальвийский султан Баз Бахадур стал снова сильным и независимым правителем. Вторжение войск императора Акбара положило конец независимости Манду, и в 1562 г. Мальва была присоединена к державе Великих Моголов. [140]

На дороге под Корабельным дворцом нас ожидал полицейский джип, который за

время нашей экскурсии отвез инспектора по делам и вернулся за нами. Чтобы осмотреть достопримечательности времен могольских правителей Мальвы, мы должны добраться до противоположного конца крепости, а это заняло бы около часа ходьбы пешком. Поэтому мы решили поехать туда на машине, так как солнце понемногу начинало клониться к западному горизонту. Мы мчались в облаках пыли по дамбе большого озера, осторожно проехали через пролом в крепостной стене и остановились у озера Рева кунд, над которым возвышается романтический дворец последних правителей Манду.

Наш экскурсовод с новым рвением пустился в профессиональные объяснения. Оказывается, перед нами были достопримечательности, связанные с периодом правления султанов, которым сравнительно легко достался трон цветущего государства. Они не старались расширять его границы и не боялись за их безопасность, могли позволить себе жить спокойно и уделять внимание только строительству и развитию музыки и искусства. Чтобы сделать свои дворцы еще более удобными и великолепными, они строили жилые помещения вокруг дворов с фонтанами, охлаждающими воздух, а от жары спасались в сводчатых подвальных помещениях, связанных коридорами с глубокими колодцами, как это мы уже видели в Корабельном дворце. Их дворцы вырастали на берегах озер или же на вершинах холмов, используя ветер таким образом, чтобы он через специальные вентиляционные отверстия проходил через все здание и охлаждал его.

Больше всего меня заинтересовал дворец легендарного султана Баз Бахадура, и мы сразу же туда направились. Над входной аркой меня немного удивила персидская надпись, которая гласила, что дворец поставлен султаном Насир-уд-дином в 1508 г. Оказывается, Баз Бахадур позднее капитально его перестроил. Он оставил Корабельный дворец и весь гарем в нем и перебрался сюда с новой любимой женой, султаншей Рупамати. Их романтическую любовь воспевали индусские и мусульманские поэты, а художники изображали их на миниатюрах. Здесь на террасе летнего дворца часто сидела Рупамати и пела своему супругу сложенные ею песни.

Мы удобно расположились в одном из павильончиков [141] на крыше дворца Рупамати и долго любовались чудесным лесистым краем, позолоченным лучами заходящего солнца. Рахман достал из кармана небольшую книжечку, густо исписанную текстами на деванагари, и стал нараспев читать мелодичные стихи древней индусской баллады.

В ней говорилось о том, как внизу, в долине, на берегах реки Ревы, некогда жил раджа Тхан Сингх и была у него очаровательная дочь, которую звали Рупамати («Красавица»). Речная нимфа одарила ее музыкальными способностями и научила мастерски играть на вине. Когда Рупамати исполнилось шестнадцать лет, вместе с подружками она пошла к лесному озеру, чтобы там отпраздновать праздник весны — васант. Девушки рвали благоухающие цветы и вплетали их своей предводительнице в волосы. Затем они сняли с себя одежду и вошли в воду озера, чтобы совершить обряд омовения. Вынырнув из воды, Рупамати, словно сияющая Луна на темном небосклоне, запела песню весны.

В тот день султан Баз Бахадур преследовал в джунглях подстреленную антилопу. В тишине леса он вдруг услышал чарующий девичий голос. Султан соскочил с коня, бесшумно подкрался к озеру и, скрываясь за листьями баньяна, с затаенным

дыханием наслаждался видом стройной Рупамати, которая в неглубокой воде играла со своими подружками. С первого взгляда Баз Бахадур вспыхнул любовью к незнакомой девушке.

Вдоволь накупавшись, Рупамати вышла на берег, и служанки надели на нее пышные наряды. И тут Баз Бахадур раздвинул густые ветви баньяна, за которыми он прятался, и предстал перед девушкой. Лицо Рупамати залил стыдливый румянец. Однако уста ее не издали ни звука, а молчание было выразительней любой пламенной речи. Вся в смущении, она поспешила домой к своему отцу. Там подружки сказали ей, кто тайно наблюдал за ней во время купания.

Раджа был возмущен поведением дочери. Он заявил, что она опозорила честь их рода, решил даже умертвить ее, дав сильную дозу опиума. Однако все же уступил просьбам своей жены и отложил наказание на один день.

Баз Бахадур, прослышав об этом, еще до восхода солнца выстроил свои войска, привел их ко дворцу раджи и захватил его. Вскоре Рупамати сидела в седле горячего вороного коня, скачущего во дворец султана. [142]

Баз Бахадур женился на Рупамати и приказал построить для нее на крыше Озерного дворца два небольших павильончика, из которых открывался великолепный вид на реку Реву. Теперь его возлюбленная жена могла любоваться отсюда на густые лесистые склоны гор Виндхья, на волнистые очертания вершин Сатпуры и на извилистое русло реки, которая, словно расплавленное серебро, поблескивала среди густых зарослей тиковых деревьев. Лунными ночами Рупамати часто сидела здесь со своим супругом и пела ему красивые любовные песни.

Но их хмельному счастью не суждено было продолжаться долго. Над Озерными дворцами сгустились грозовые тучи. Могольский император Акбар расширял свои владения, и основным направлением его экспансии стал юг. Акбар послал своего полководца Адхам-хана на завоевание Манду, стоявшей на его пути. Баз Бахадур, несмотря на сопротивление, был разбит и погиб в битве у Сарангпура.

Адхам-хан захватил Манду и стал обладателем всех драгоценностей Баз Бахадура. По праву сильнейшего ему принадлежал теперь и султанский гарем, поэтому он ожидал, что прекрасная Рупамати станет одной из его жен. Однако верная Рупамати отказалась принадлежать могольскому полководцу. Переодевшись в одежду цветочницы, она сумела бежать из дворца. Она надеялась, что сумеет спрятаться в соседней деревне, где ее уже ждали братья. Адхам-хан пустился за ней в погоню. Он убил братьев Рупамати, а царевну приказал отвести назад во дворец, где в честь ее возвращения устроил пир.

Наконец Рупамати выразила готовность принять Адхам-хана в своих покоях. Она совершила очистительный обряд купания, разрешила надеть на себя свадебный наряд и дорогие украшения. Затем она взяла в руки лютню и, напевая, стала ждать появления в своих покоях Адхам-хана. Когда он пришел, Рупамати встретила его прощальными стихами, потому что за мгновение до того, как он появился, она проглотила толченый изумруд и теперь готовилась к смерти. Как истинная индуистка, она не могла пережить кончины своего мужа.

Так трагически закончилась любовная история, которая четыреста лет назад

разыгралась здесь. Стемнело, и от густых зарослей кустарника, расположенных неподалеку, потянуло холодом. Над лесистым горизонтом на [143] востоке выплыл большой серебряный диск Луны. Его магическое сияние как бы вдохнуло жизнь в силуэты хрупких павильонов внизу. Вдали словно покачивался Дворец-качели, Корабельный дворец своим килем рассекал воды озера Кафр, ослепительно белый мавзолей Хошанга флюоресцировал голубизной. От священной реки Нарбады, к серебряным водам которой обращалась с молитвой прекрасная Рупамати, до нас приглушенным эхом долетали слова ее грустной песни:

В момент, когда прекрасной розы иссохнут лепестки,
Их чудный сильный запах свое дыханье передаст тебе.
Что значит настоящая любовь, узнаешь ты лишь в то мгновенье,
Когда к губам твоим с любовным поцелуем, прикоснется смерть...

В крепостях и замках Раджпутаны Земля царских сыновей

Раджастан — самый западный штат Республики Индия — до 1947 г. назывался Раджпутаной, что дословно означает «Земля царских сыновей». История этого края, полная романтических легенд о героических деяниях раджпутских воинов, принадлежит к наиболее захватывающим страницам индийской истории. Легенды повествуют о том, как отважные раджпуты, стремясь сохранить свою независимость, вынуждены были вновь и вновь воевать с мощной империей Великих Моголов и как их благоверные предпочитали добровольную смерть в пламени костров позорной жизни в гареме. Доблестных раджпутских героев, будь это рана Санга, победитель в восемнадцати жестоких битвах, или махарана Пратап, непреклонный противник императора Акбара, знает вся Северная и Центральная Индия; о них до настоящего времени поются народные баллады. Предполагается, что раджпуты (санск. «сыновья царей») ведут свое происхождение от древнеиндийской касты правителей и воинов.

Раджпуты утверждают, что они происходят от героев индийского эпоса Рамы и Кришны, и верят в то, что через них они являются потомками Солнца и Луны. У ряда раджпутских кланов существует поверье, будто они произошли от священного огня, который на горе Абу разжег пророк Васиштха, чтобы предотвратить нападения иноверцев.

В Ачалгархе на горе Абу, недалеко от джайнских храмов, выложенных из мрамора, можно еще и сегодня увидеть Агникунд («Огненный пруд») и услышать от местных брахманов легенду о том, как он возник. Давным-давно пруд был наполнен растопленным маслом, которое брахманы приносили в жертву богам. Злые демоны также захотели воспользоваться их [145] пожертвованиями. Они превратились в буйволов и стали ходить к пруду, как на водопой. Брахманы разожгли большой жертвенный огонь и попросили бога Шиву помочь им. Тот услышал их и создал четырех чудесных воинов, от которых и произошли четыре раджпутских клана, объединенные единой принадлежностью к Огненной династии, а именно: Пратихары, Чалукьи, Парамары и Чауханы.

Настоящая история раджпутов во многом отличается от той, которую поведали легенды. Раджпуты появились на территории, носящей их имя, примерно в VII веке н. э. Откуда они пришли, точно неизвестно, однако то, что в их жилах течет много крови гуннов и других воинственных центральноазиатских племен,

считается бесспорным. Известно также, что эти племена в первом тысячелетии нередко проникали через пограничные горы на территорию Индии. Земли Раджастанхана вряд ли можно считать исконными для раджпутов еще и потому, что на склонах местных гор живут крупные племена аборигенов, которые обитали здесь и до прихода раджпутов. Безусловно, этот край раджпутам пришлось завоевывать в течение нескольких столетий.

Над Раджастанханом сталкиваются западные и восточные муссоны, растерявшие по дороге большую часть своей благотворной влаги. Остатки дождя принимает на себя нагорье Аравали, а на этот край, лежащий за стеной гор, почти ничего не остается. Жаркое, испепеляющее солнце превратило здешний край в пустыню.

Большинству людей пустыня представляется, наверное, бесконечным нагромождением раскаленных песков, по которым могут передвигаться лишь караваны неприхотливых и выносливых верблюдов, равниной из песка, где не найдешь ни капли воды и где не может существовать ничто живое. Такие безводные пустыни действительно есть на земле, но пустыня Раджастанхана (пустыня Тар) ничуть на них не похожа. Конечно, она покрыта песком, здесь много скал и широких площадей каменистой земли, и все же местами она радует глаз и плодородной почвой, и небольшими озерами. Там, где вода, есть и жизнь. Поэтому не стоит удивляться тому, что в пустыне Тар растет пшеница, ползают насекомые, летают птицы, бегают звери, живут люди. Пустыней принято считать сухую область, в которой за год выпадает не более 380 миллиметров осадков. Пустыня Тар подходит под такое определение. Ежегодно здесь выпадает [146] менее 350 миллиметров атмосферных осадков, а половина территории принимает влаги еще меньше, всего лишь около 120 миллиметров в год. Почва тут быстро высыхает, и растения нормально развиваться не могут.

Лишь во время муссонных дождей все вокруг становится зеленым. Впадины между дюнами принимают дождевую воду во время сильных ливней и постепенно отдают ее корням тернистых кустов, карликовых деревьев и росткам зерновых культур.

Откуда же люди берут воду в засушливое время года? Ответ довольно прост — из колодцев, но их очень немного, и расположены они на больших расстояниях друг от друга. Между ними иногда пятнадцать, а иногда и шестьдесят километров. Для того чтобы достигнуть уровня воды под скалистой поверхностью, почти все колодцы роют на глубину не менее ста метров. Выкопать такой глубокий колодец не так просто — на это уходит иногда несколько месяцев, а то и лет. Я видел колодец, который начал копать дед, а закончил внук.

Правда, водой из колодца большие участки земли поливать невозможно, почти вся она потребляется пастухами и стадами домашних животных, являясь, таким образом, основным источником жизни для обитателей пустыни. Стада верблюдов, буйволов и овец в пустыне, как правило, огромны, во всяком случае, они намного больше, чем в плодородных областях. В пустыне Тар насчитывается в целом четыре с половиной миллиона голов скота и два миллиона овец. По сравнению с другими областями Индии, местные коровы высокопродуктивны, а у овец шерсть более высокого качества. В целом пустыня Тар представляет собой как бы огромное пастбище. Ежегодно здесь производятся тысячи тонн молочных продуктов, а овцы дают более двух третей общего количества шерсти, производимой страной.

В Индии кочевники в пустыне живут порой лучше, чем земледельцы плодородных областей. Правда, в данном случае имеется в виду материальная сторона жизни, что же касается достижений цивилизации, то житель пустыни о них даже и мечтать не может: дороги, школы или врачебная помощь для кочевника остаются недостижимыми. Даже предметы первой необходимости ему часто просто негде купить, потому что базары расположены далеко друг от друга. Да и как может быть иначе, ведь в пустыне на один квадратный километр площади приходится всего два жителя! [147]

Обитатели пустыни находятся в большей зависимости от природы, чем жители континента. Так, если в пустыню приходит, например, засуха, то она безжалостно расправляется со всем живым. Быстро ухудшаются условия жизни, и нередко она несет смерть тысячам зверей и сотням людей.

Пустыня приходится прежде всего на западную часть Раджастан. То тут, то там ее разрывают оазисы — плодородные долины, притягивающие к себе ограниченное количество подземных вод, которые здесь задерживаются в больших водоемах. В этих долинах выросли крепости и торговые центры, например: Джайсалмер, Биканер или Джодхпур.

Чем дальше двигаешься на восток, тем заметнее пустыня уступает место степям, бесконечным равнинам с сухой травой, на которых кое-где видные сухие русла временных потоков и небольших рек или же низкие скалистые хребты. Это горы Аравали, которые тянутся от границ Гуджарата вплоть до предместий Дели, однако не как цельная зона, а скорее как расчлененная система сравнительно параллельно тянувшихся хребтов. На широких равнинах между хребтами местами одиноко возвышаются угасшие сопки с острыми верхушками и отвесными склонами.

Неудивительно, что такой неприступный край долго сохранял консервативную общественную структуру. Войскам чужеземных завоевателей он мог успешно противопоставить не только своих отважных и физически сильных воинов, но прежде всего пустыню с ее непроходимостью, которая так удобна для изнурительной партизанской войны.

Долго сопротивлялись мусульманским захватчикам отважные раджпуты. Не в состоянии уже выставлять против врагов многочисленные, хорошо организованные отряды, они закрывались в своих крепостях и оттуда совершали небольшие вылазки на войска мусульман. Раджпуты так и не пустили их внутрь своей территории и позднее даже сумели расширить ее за счет соседних областей. Отважные воины проникали на север и восток, с переменным успехом завоевывали плодородную Мальву, Бунделькханд и Реву, а в начале XVIII века дерзнули пробиться даже к Гималаям. Раджпуты придавали блеск императорскому двору; сами императоры считали за честь взять в жены дочь раджпутского князя, немало их управляло провинциями империи. [148]

Славная эпоха истории этого края живет и в наши дни в спектаклях раджпутского кукольного театра. Выступают здесь деревянные куклы — катхпутли. Ростом они примерно в три четверти метра, с прекрасно вырезанными головками и огромными миндалевидными глазами.

Катхпутли могут немного двигать матерчатыми руками, однако не умеют ходить, потому что у них нет ног. Собственно, если бы они и были, то все равно их скрывала бы длинная юбка. Она и создает при движении впечатление покачивающейся походки.

Раджпутские правители способствовали развитию кукольного театра. Особенно один из них — Амар Сингх из Ратхаура. Он очень любил кукольный театр и не жалел на него денег. Поэтому в каждом кукольном спектакле он обязательно присутствует. Ему отведено почетное место по правую руку императора Акбара, который в полном блеске своего величия восседает на троне в глубине сцены.

Император Акбар со своим великолепным двором, полным отважных раджпутских воинов, является одним из главных персонажей всех кукольных представлений. Акбар либо награждает раджей за их верную службу, либо собирается с ними в военные походы, либо берет себе в жены их дочерей. В некоторых спектаклях император иногда разрешает шуту Бирбалу слегка над ним подшутить, а порой дает аудиенцию какой-нибудь бедной женщине, которая приходит к нему со справедливой жалобой. То он приказывает привести укротителя змей с кобрами и мангустой, то кивнет придворной танцовщице, давая разрешение выйти на сцену и показать свое искусство.

Выступление танцовщицы часто бывает гвоздем программы кукольного театра. Обычно актер при помощи нескольких малозаметных нитей ведет изящную фигурку танцовщицы, а в это время его жена поет и играет. По обеим сторонам сцены сидят дети или родственники актеров.

Вот на сцене появилась кукла-воин и послышался вопрос:

— Кто это?

Голос за сценой ответил:

— Раджа Амар Сингх из Ратхаура, большой герой!

Жена актера вместе с детьми стала петь старинную песенку о его геройских деяниях. При этом они аккомпанировали [149] себе на небольшом бубне или же на каком-нибудь струнном инструменте.

В кукольных спектаклях в основном рассказывается о жизни императорского дворца, о придворных интригах и о родовых феодальных спорах. Спектакли обычно заканчиваются захватывающими битвами на конях и верблюдах, во время которых куклы-воины расправляются друг с другом. Стук конских копыт, удары мечей и шум битвы наглядно изображает кукла-барабанщик, а точнее, сын актера за сценой, который бьет в барабан в такт движениям куклы.

Не только в кукольных спектаклях, но и в реальной жизни Раджастан сохранилось много феодальных черт, которые в других областях Индии вроде бы уже ушли в прошлое. Это обусловлено, вероятно, тем, что в минувшие времена здесь жила элита индийского воинства. Они были великолепными наездниками не только на конях, но и на верблюдах, знаменитыми фехтовальщиками и стрелками, и прежде всего бесстрашными мужчинами. Их потомки до наших дней сохранили благородную открытость характера, которую они проявляют и в отношениях с

иностранцами. Вы не найдете в них ни заискивающей услужливости, присущей городским чиновникам, ни пронырливости и лукавства, свойственных лавочникам других районов Индии.

Такие черты их характера, может быть, обусловлены и тем, что раджпуты никогда непосредственно не испытывали на себе позорную тяжесть британского колониального владычества. Англичане не сумели овладеть этим негостеприимным краем, поэтому они выбрали более мирную и одновременно более выгодную форму господства: оставили местным раджпутским правителям видимость власти в обмен на обещание подчиниться, подкрепив его обязательством платить дань. За соблюдением достигнутого соглашения следил приставленный к каждому двору британский резидент, который, однако, старался не вмешиваться в личные дела махараджи и в то, как он управлял своим княжеством.

Положение изменилось лишь в XX столетии. Решающую роль в этом сыграло освобождение Индии от британского колониального владычества. В первые годы независимости правительство Республики Индия, правда, еще выплачивало отлученным от власти махараджам определенную компенсацию за их утраченные привилегии в форме пенсий, однако позднее и они были отменены. [150] На средства, выделенные центральным правительством и правительством штата, в Раджастане были построены оросительные каналы, благодаря которым степи и пустыни преобразились в плодородные поля. На территории Раджастана обнаруживают все новые запасы полезных ископаемых, строятся современные дороги и прокладываются авиамаршруты, помогающие преодолевать территориальную разобщенность штата. Все это способствует преодолению остатков феодально-крепостнических обычаев.

Проникновение цивилизации, несомненно, отвечает чаяниям населения Раджастана, однако прогресс, как известно, несет с собой и постепенное исчезновение традиционных форм общества и его культуры. А последняя, хотя и обладала слабыми сторонами, все же относится к прекраснейшим страницам наследия индийского прошлого.

Сокровище пустыни

В центре Раджастана, посреди венка невысоких вершин, укрытое от нескромных взглядов, хранится самое драгоценное сокровище пустыни Тар. Сокровище, оригинальный блеск которого не смогли уничтожить ни интриги неприятелей, ни неблагоприятная судьба. И сегодня оно сокрыто от глаз азартных туристов, разъезжающих по стране в поисках таинственных памятников древности. Цену ему не сможет определить ни один знаток древностей. Сокровище это — город Джайсалмер и его дворец. В продолжение целого тысячелетия Джайсалмер был столицей княжества — самого большого по территории и самого малого по численности населения среди раджпутских государств.

Первоначально это была торговая станция на старом шелковом пути, проходившем через пустыню Тар. Позднее вокруг нее поставили крепостные стены, и она превратилась в неприступную крепость, с одной стороны, стерегущую путь в центральные, более богатые, районы Индии, а с другой — дающая безопасное убежище индуистам от преследований мусульман.

Мне долго не давала покоя мысль, как такой город мог возникнуть в этой негостеприимной пустыне, среди песчаных барханов, скалистых отрогов и каменистых равнин, усеянных некрупной галькой? Откуда брали материал [151] для крепостных стен и домов? Каким образом население обеспечивалось родовольствием? Как поддерживалась связь города с окружающим миром?

Убедительный ответ на все эти вопросы я мог получить, только побывав на месте. Оставалось решить лишь вопрос: как попасть в Джайсалмер? За несколько лет до моего первого приезда в Индию добраться туда было действительно весьма трудно. В то время туда еще не вела железная дорога. В настоящее время три раза в неделю туда отправляется пассажирский поезд, связывающий Джайсалмер с более развитыми, цивилизованными областями Индии. Таким образом железная дорога открыла двери потокам туристов.

Однако нельзя сказать, что двери в Джайсалмер открыты для туристов настежь. Развитию туризма мешает отсутствие регулярного авиационного сообщения с западным Раджастханом. Вряд ли турист станет жертвовать на короткое посещение Джайсалмера целую неделю. Действительно, на поездку из Дели до Джайсалмера и назад уходит неделя. Так, если выехать из Дели в понедельник скорым почтовым поездом, то в Джодхпур (там надо делать пересадку) можно добраться примерно во вторник в полдень. В тот же день вечерним поездом надо продолжить путешествие. И тогда в Джайсалмер удастся попасть лишь в среду к обеду. Не успеет турист даже просто побродить по городу, как на город опускается ночь. Конечно, можно переночевать в спартански оборудованном туристическом бунгало, четверг посвятить осмотру достопримечательностей и в тот же вечер снова спешить на вокзал, чтобы успеть на ночной поезд. И если пыленный и измученный, но живой и здоровый турист выйдет из вагона на платформу делийского вокзала в субботу утром, то можно считать, что он родился под счастливой звездой.

Таким образом добирался до Джайсалмера и я во время своей первой поездки в Индию. Однако с 1973 г. до Джодхпура регулярно летает самолет, а в Джайсалмере построено несколько гостиниц. Так что жемчужина пустыни сегодня открыта любому, кто пожелает ее увидеть.

Что касается моего путешествия в Джайсалмер, то я совместил его с поездкой на святую гору Абу. От станции Абу-Роуд я решил добраться до Джодхпура скорым ахмадабадским поездом, а далее, если все будет в порядке, меня проводил бы мой знакомый. [152]

Я очень кстати вспомнил о своей давней переписке с одним студентом (он родом из Джодхпура). Несмотря на то что я никогда его не видел, я все-таки решил обратиться к нему, и мне повезло. Мой знакомый сообщил, что будет рад сопровождать меня, правда при одном условии, если наша встреча состоится в субботу.

Итак, ночь с пятницы на субботу застала меня на вполне современном джодхпурском вокзале. Там в распоряжении пассажиров есть удобные комнаты для отдыха, над входом в которые висят английские надписи: «Railway Retiring Room». За весьма небольшую плату тут может переночевать любой транзитный пассажир первого и второго классов. Использовал такую возможность и я.

Комната для отдыха удивила меня своей чистотой и наличием элементарных, но в условиях Индии необходимых удобств. Главное, там был душ. После того как вся дорожная пыль была смыта, я лег и заснул крепким сном, несмотря на то что под окном целую ночь гудели локомотивы. Дело в том, что Джодхпур — важная узловая станция, от которой разбегаются дороги разной колеи в пяти направлениях: в Дели, Ахмадабад, Биканер, Покаран и Бармер.

В субботу утром я высматривал на вокзале господина Паливала, теперь уже преподавателя истории в местной средней школе. Я все-таки надеялся, что он проводит меня до Джайсалмера, где у него, оказывается, жили родственники. В то время железной дороги до самого Джайсалмера еще не существовало, и конечной станцией оставался Покаран. Оттуда надо было добираться по разбитой и запорошенной песком дороге на стареньком рассыпающемся автобусе, за которым на протяжении нескольких часов пути тянулся огромный хвост серо-желтой песочной пыли.

Дребезжащие вагончики покаранской местной узкоколейки пробежали свои 160 запыленных километров за неполных семь часов. Мы вышли на конечной станции и окунулись в самое пекло полуденного зноя. Впереди нас ждало еще около 100 километров по почти безлюдной пустыне. Сквозь пеструю галдящую толпу, собравшуюся у крошечной станции, к нам пробрался рослый раджпут и предложил продолжить путешествие на ездовых верблюдах. Верблюды лежали возле станции, поджав под себя ноги, словно высокие барханы. Я уже однажды имел возможность совершить короткое путешествие [153] на верблюде и знаю, что для неопытного человека это весьма сомнительное удовольствие. Длинноногий иноходец шатается из стороны в сторону, и с его горба твердая почва кажется невероятно далекой. Нет, такой вид транспорта нам явно не подходил. Однако, чтобы не обидеть раджпута, мы сказали, что не хотим путешествовать так медленно и подставлять себя надолго безжалостным лучам мартовского солнца. Не подходила нам и более удобная и надежная воловья упряжка, ведь эти флегматичные животные передвигаются еще медленнее, чем верблюды.

Выбор пал все же на автобус, астматический мотор которого все чихал и кашлял. Благодаря тому что мой экскурсовод знал водителя или, возможно, кого-то из членов его семьи, мы каким-то чудом успели втиснуться на переднее сиденье, которое обычно является своеобразным *super class* — «высшим классом» и, следовательно, стоит немного дороже, чем места на деревянных лавочках в самом автобусе. Однако мы так или иначе не прогадали: за несколько рупий мы купили надежду, что через каких-нибудь три-четыре часа будем у цели. Правда, если ничего не случится.

Однако в последний момент к автобусу подошли два солдата индийской армии, видно пограничники, и потребовали показать мои документы. Вид на жительство и чехословацкий паспорт явно ни о чем им не говорили. Для них было ясно лишь одно, что я не англичанин и не американец, которых они нередко задерживают в районах, прилегающих к границе с Пакистаном. Пограничники спросили меня на хинди, как долго я собираюсь пробыть в Джайсалмере и что собираюсь там делать. Мой ответ им, очевидно, приятен: уже давно они не видели иностранца, у которого было бы желание тащиться на край света, к тому же по пустыне, лишь для того, чтобы осмотреть исторические и культурные достопримечательности Джайсалмера. Они взяли с меня обещание на обратном пути зайти отметить в

их караульное помещение и дали знак водителю, что можно трогаться. Тот вышел из кабины и стал энергично заводить ручкой мотор. Наконец мы тронулись в путь.

Сразу же за городком мы почувствовали жаркое дыхание пустыни. Песчаных дюн становилось все больше, а растительность вдоль дороги понемногу стала исчезать. Кругом были лишь жалкие пучки травы, да кое-где встречался кустарник с длинными колючками. Сначала [154] дорога шла асфальтированная, затем она перешла в пыльную грунтовую, а потом исчезла совсем — слилась с песчаной поверхностью бескрайней пустыни. Каждые четверть часа мы проезжали воинский пункт, скрытый, как правило, в старом глиняном доте.

Лишь на полдороге показалась деревенька Латхи с несколькими колодцами хорошей пресной воды. Из колодезных пиао, поилок, пассажиры утолили жажду, а водитель залил воду в радиатор автобуса. Через минуту вокруг нас собралась почти вся деревня: ведь приезд автобуса — единственное яркое событие в однообразной жизни деревенских жителей. Уличный продавец вплотную подвез к автобусу лоток на колесах и предложил нам чай с верблюжьим молоком и медовые булки, довольно твердые. Правда, с чаем они вполне съедобны и по вкусу похожи на пряники.

Мы набрали еще немного холодной воды из пиао во фляжку. Водитель на всякий случай наполнил водой кожаный бурдюк и стал заводить двигатель — пора было трогаться в путь, ведь впереди нас ждало еще двухчасовое путешествие.

Мы ехали час, полтора, почти два часа и все надеялись, что вот-вот перед нами на горизонте покажется силуэт города. Однако чего нет, того нет. Лишь когда мы выехали на небольшой песчаный холм, перед нами неожиданно открылась захватывающая дух панорама. Это Джайсалмер.

Только в этот момент я осознал, почему его называют сокровищем пустыни. В пустыне, словно мираж в красноватом сиянии заходящего солнца, виднелись неясные очертания могучей крепости. Бесчисленные башни и башенки призрачно вырастали над зоной взаимосвязанной обороны, окаймленной несколькими десятками округлых бастионов.

Подергиваясь, автобус медленно спускался в небольшую долину. Затем сразу же начался подъем к крепостным стенам. Мы миновали средневековую башню с тяжелыми железными воротами и остановились на конечной остановке. В тот день мы не успели осмотреть город. Сначала надо было позаботиться о ночлеге. Возле крепостной стены в тени небольшого, но ухоженного сада стоит простой «rest house», общежитие для правительственных чиновников, в котором может переночевать и иностранец.

Мы заблаговременно подали прошение в областное [155] управление, и для нас уже была приготовлена комната. Электричество и воду сюда еще не провели, но учтивый комендант без лишних слов принес нам два ведра колодезной воды, чтобы мы могли ополоснуться, и керосиновую лампу. На ужин нам подали пшенинную кашу с кусочками великолепного белого верблюжьего масла.

Сон на четырехной чарпай — деревянной кровати, поверхность которой вместо матраса сплетена из толстых лент, — удовольствие маленькое. К тому же в полночь нас разбудил протяжный вой, с которым тотчас же слился еще один,

более далекий, голос. Затем вой стал приближаться, и вскоре концерт этих невообразимо унылых, проникающих до мозга костей, звуков разыгрался в непосредственной близости от нашего домика. Это шакалы. Они словно договорились устроить здесь свидание и, чтобы заполнить свои голодные желудки, до самого рассвета копались в кухонных отбросах.

Когда мы все-таки заснули, неожиданно раздался пронзительный звук армейской трубы. Что такое? Может быть, конец ночных учений пограничников или уже подъем? Земля дрожала от топота копыт, и в ранних сумерках мелькали силуэты ездовых на каких-то высоких животных. Оказалось, это Джайсалмер рисала, знаменитый верблюжий корпус индийской армии, выходил на несение службы. Мы окончательно проснулись, но чувствовали себя так, будто спали на гвоздях. Несмотря ни на что, после завтрака мы окунулись в лабиринт улочек укрепленного города. Сразу же за башней встретили длинную шеренгу пестро одетых раджпуток, в основном девушек и молодых женщин. Они очаровали нас своей красотой, свежестью и необычайно светлой кожей. Их лица удивительно контрастировали с выжженными солнцем окрестностями. Женщины шли пружинистым легким шагом, неся на голове вычищенные до блеска пирамиды пузатых латунных сосудов. На них не было традиционных сари, на каждой женщине — большой платок, называемый орхни. От стройной талии до щиколоток спускалась многочисленными складками широкая юбка — канджли, а верхнюю часть тела прикрывал коротенький жилет чоли.

— Они идут за водой к озеру Гадисар, — опередил мой вопрос господин Паливал.
— Единственному здесь источнику питьевой воды. Правда, тут есть еще несколько колодцев, однако вода в них соленая и непригодная [156] для питья. В озере собирается только дождевая вода, ее хватает обычно для снабжения целого города. Только когда случается большая засуха, воды на всех не хватает и часть населения вынуждена покидать город. Поэтому здесь нередко можно увидеть никем не заселенные дома.

Мы быстро прошли через главный базар, вымощенный могучими каменными плитами. С обеих сторон над улицей нависали ажурные каменные балкончики со сводчатыми крышами и резными решетками. Желтый джайсалмерский песчаник легко обрабатывался, и его всегда было достаточно. За работу каменотесы раньше получали жалкие гроши, зато самый бедный горожанин мог позволить встроить в окна своего дома хотя бы простую джали — каменную сетку с небольшими отверстиями, через которые хорошо видно, если смотреть из дома на улицу, и ничего не видно, если смотреть снаружи вовнутрь. Более обеспеченные горожане украшали их различными фигурами: слонов, львов или коней с ездоками.

Каменотесы делали не только джали. Почти каждую дверь джайсалмерских домов они обшили песчаником и вытесали в нем сложные геометрические узоры или изображения богов из индуистской мифологии. Тому, кто мог заплатить, покрывали великолепной резьбой по камню весь фасад от порога до крыши. Само собой разумеется, что самые красивые мотивы предназначались для украшения индуистских и джайнских храмов. На колоннах, стенах и потолках храмов были изображения не только богов и богинь, но и простых смертных во время той или иной работы или же повседневной деятельности, при этом не забыты и эротические сюжеты.

Через мощную башню со стрельчатыми арками и угловыми башенками мы проникли в крепость правителя, носившего в Джайсалмере титул равал. Дорога настолько сузилась, что тут не смогли бы разъехаться две повозки. Закрытая с обеих сторон высокими мощными крепостными стенами дорога, извиваясь, вела через несколько железных ворот. Иногда казалось, что дорога вот-вот упрется в стену, закончится тупиком, но вот неожиданный поворот на 90 градусов, проход через ворота, и путь снова открыт.

Здесь наверняка не смог бы пробиться даже отлично вооруженный воин. Недостигаемые на башенных галереях, защитники имели возможность легко расправиться с попавшим в ловушку неприятелем. Если кому-то все-таки [157] удавалось проникнуть внутрь крепости, то там на него сыпались каменные глыбы и ядра, надежно хоронившие любого чужака.

Дворец равала стоял на пригорке в центре крепости за укрепленной стеной, образующей еще одну защитную зону. Дворец — это множество диковинных многоэтажных зданий, прилепившихся друг к другу и увенчанных огромным металлическим зонтом — символом власти.

Говорят, во дворце сокрыты сказочные богатства: могучие столы из чистого серебра, которые не могут поднять и десять сильных мужчин, чеканные скамьи и троны, тяжелые серебряные кровати, инкрустированные драгоценными камнями, сундуки из слоновой кости и другие сокровища. Даже потолки дворца, его лестницы и оконные рамы, уверяют, сделаны из массивного серебра. К сожалению, вход во дворец закрыт; внутрь мы могли бы попасть лишь в том случае, если бы заблаговременно обратились с просьбой об этом к потомкам бывшей правящей династии. У нас на это не было ни времени, ни желания, так что нам пришлось удовлетвориться осмотром дворца снаружи.

Вместо экскурсии во дворец господин Паливал предложил осмотреть не менее редкие, а для нас еще более важные, литературные ценности. Мы направились к государственному архиву, укрытому за резными красочными стенами джайнского храма. Мой провожатый был немного знаком с архивариусом, поэтому отпадали разного рода формальности, и, быстро получив разрешение, мы тут же спустились в темное подвальное помещение обветшавшего здания. Здесь, в сводчатых залах, бережно хранились старинные, по крайней мере тысячелетние, рукописи на пальмовых листьях.

В конце узкого коридора, заставленного с обеих сторон полками с книгами о индийских религиях, философии, грамматике и поэзии, мы низко пригнувшись, протискиваясь через низенькие двери, и оказались в главном зале, где находились самые редкие рукописи и книжные иллюстрации.

— Тут у нас хранится тысяча сто двадцать шесть рукописей на пальмовых листьях, — объяснил нам архивариус. — И примерно в два раза больше бумажных рукописей, некоторые из них относятся к XII веку. В большинстве своем они написаны на санскрите и различных пракритах, но есть и на раджастхани, гуджарати и хинди. Многие из них богато иллюстрированы, как, например, «Гаджашастра» — наука [158] о разведении слонов. Посмотрите, краски миниатюр сохранились в первозданном виде, вероятно потому, что сюда никогда не проникали солнечные лучи. Их кобальт, золото и киноварь хранила вечная полутьма, а также постоянная температура и низкая влажность воздуха. В этих

подвальных помещениях под зданием храма редкие сокровища хранились в течение многих столетий в таких условиях, которые им не могли бы обеспечить самые современные хранилища.

Я осторожно перелистывал редчайшие собрания и совершенно забыл о времени. Из задумчивости меня вывел голос господина Паливала. Он настаивал, чтобы мы вернулись в гостиницу, где нас уже давно ждет обед. У меня не было желания терять драгоценное время на такую прозаическую вещь, как принятие пищи, но я вынужден был согласиться с тем, что в полуденную жару все же необходимо немного отдохнуть.

Кроме традиционного цыпленка нам подали лепешки из просяной муки на верблюжьем масле. Просо — основной продукт питания джайсалмерцев. Вот только не всегда его хватает. В неурожайные годы, которые случаются в этом крае довольно часто, людям не остается ничего другого, как вылуцивать маленькие семечки из жестких колючек пустынного кустарника бхарута, сушить их, а затем перемалывать на муку.

Краткий послеобеденный отдых я использовал для того, чтобы ознакомиться с историей этого района штата Раджастхан. Из достаточно большой литературы, которой меня обеспечил мой проводник, я узнал, что Джайсалмер в 1156 г. основал равал Джайсал из рода Бхатов. В течение нескольких веков это было небольшое разбойничье государство, которое, с одной стороны, пыталось расширить свои границы вплоть до плодородных земель Марвара, а с другой — успешно защищало индуистские земли от проникновения в них мусульман. Позднее равалы нашли поддержку у правителей Синда из династии Аргунов. С Великими Моголами они поддерживали дружеские отношения: равал Хари Радж отправил даже свою дочь в гарем императора Акбара. В конце XVII века Джайсалмер стал одним из важнейших раджпутских государств и владел всей южной частью пустыни Тар. Спустя столетие Джайсалмер вновь потерял все ранее завоеванные земли.

После того как мусульманские султаны завоевали [159] Северную Индию, Джайсалмер стал убежищем для индуистских и джайнских торговцев и ростовщиков. В крепости равала и ее окрестностях в то время было построено много храмов, богато украшенных скульптурами. Много выгод принесла местной знати служба в армии Великих Моголов. Раджпуты быстро завоевали славу отважных воинов и нередко занимали командные посты в императорской армии. Позднейшие англо-афганские и англо-сикхские войны послужили толчком к развитию Джайсалмера. Случилось так потому, что во время военных действий были перекрыты важнейшие пути, ведущие в Индию через Пенджаб, и попасть в Центральную Индию можно было лишь через пустыню Тар. Джайсалмер стал центром транзитной торговли. К тому же он получал значительные доходы от контрабандной торговли, которую поддерживал.

Немного отдохнув, я стал собираться на прогулку к озеру Амара, на берегу которого возвышается старинный храм с большим садом. В этот момент прибежал Паливал и торжественно сообщил, что наш маршрут изменился: ему, оказывается, удалось одолжить у дальних родственников на два часа джип. Так что мы поедем в Лудхарву.

Несколько веков назад Лудхарва была столицей джайсалмерского государства.

Она располагалась прямо на караванной тропе, связывающей долину Инда с долиной Ганга, и во времена своего наивысшего расцвета в ней было не менее 25 тысяч жителей. Лудхарва потеряла свое значение после того, как верблюд уступил место более быстроходным и современным средствам передвижения, для которых провели более подходящие дороги в других местах.

Джип с трудом преодолел те 20 километров, которые отделяли нас от вымершего города. Машина подскакивала на каменных плитах, высовывающихся то тут, то там из разбитой дороги, объезжала выросшие неизвестно откуда на дороге барханы и в высохших руслах арыков вспугивала большие стаи куропаток.

Наконец мы добрались до Лудхарвы, вернее, до того, что осталось от города. На нас удручающим образом подействовала мертвящая пустота и заброшенность этого места. Кроме бедных обитателей дюжины лачуг и трех брахманов в главном храме, здесь никто не жил. При этом в хорошо сохранившихся каменных домах могло бы жить несколько тысяч человек. Однако Лудхарва [160] не единственное покинутое жителями место. Я припомнил, что на автобусе мы проехали несколько таких покинутых деревенок, в которых некогда обитал тот или иной доблестный раджпутский род. Говорят, однажды равал нанес большое оскорбление членам здешнего рода, а они, не захотев терпеть столь несправедливое к ним отношение, за одну ночь собрались и со всеми своими пожитками и скотом покинули землю Джайсалмера.

Мы осмотрели в Лудхарве главный храм святого Параснатха — самую древнюю джайнскую святыню. Он похож на небольшую пирамиду, сложенную из трех прямоугольных оград с входными башнями по всем сторонам. Сверху на нем сооружен традиционный чхаттри — каменный зонтик. Храм венчает какое-то диковинное растение, вычеканенное из меди. Его называют калпаврикша — «дерево желаний». Считается, что это одно из чудесных деревьев из сада бога Индры. Архитектура храма ничем особо не примечательна: его скульптуры и рельефы искусны, но в то же время неживые, как и в других джайнских храмах, разбросанных по всему Раджастану.

На обратном пути господин Паливал живо рассказал мне о разбойниках, которые в течение столетий имели здесь надежный приют. Это и неудивительно, так как Джайсалмер — один из самых отдаленных уголков Индии. Говорят, что еще не так давно тут можно было нередко увидеть погони полицейских на джипах за разбойниками на верблюдах. Нередко разбойникам удавалось ускользнуть, потому что верблюд в пустыне обладает большей проходимостью, чем даже вездеход.

Как будто в подтверждение его слов откуда-то издалека донесся звук надсадно ревающего мотора. И вскоре мы увидели, как по безлюдной пустыне мчалась машина, из которой время от времени раздавались сухие хлопки выстрелов.

— Не бойтесь, это не разбойники, — успокоил господин Паливал, увидев, какое действие возымел на меня его рассказ. — Наверняка это местные заядлые охотники на куропаток, ведь сейчас как раз сезон охоты на них. На прошлой неделе прошел небольшой дождь, и теперь каждая грязная лужица манит к себе птиц. К еще не испарившейся воде слетаются не только куропатки, но и быстрые дрофы, тетерева и птицы из семейства бекасов. Когда мы будем возвращаться домой, хорошенько [161] присмотритесь к джилю под покаранским холмом.

Возможно, там еще увидим диких уток с розовыми хвостами, а главное, сибирских журавлей — гусов. Они прилетают сюда из Сибири в октябре и остаются до весны.

За разговором мы быстро и, главное, удачно преодолели ловушки скалистого плоскогорья и уже по хорошей дороге спустились в широкую зеленую долину, которую покинули часа два назад. Мы миновали заросшие кустарником впадины. Они бережно огорожены глиняными стенами и готовы принять каждую каплю воды, которую до этого истосковавшегося по влаге уголка земли могли донести весенние грозы. Мы объехали озеро, окаймленное редкой полоской леса, и остановились перед могучей башней, служащей входом в крепость.

Там уже нетерпеливо сигнализировал автобус, отправлявшийся к ночному поезду до Покарана. Мы бросились к нему и, вскочив на подножку, успели бросить прощальный взгляд на крепость. Ее отвесные стены цвета телячьей кожи какое-то время еще сопровождали нас, однако недолго. Неожиданно они пропали за песчаной дюной и исчезли из поля зрения так же внезапно, как возникли, когда мы подъезжали к городу.

Край смерти

На обратном пути из Джайсалмера господин Паливал радушно пригласил меня провести несколько дней у него в Джодхпуре. Этот город уже давно привлекал мое внимание. Джодхпур, второй по величине город Раджастан, ранее был столицей сильного раджпутского государства Марвар. Некоторые индийские филологи считают, что название «Марвар» можно перевести как «Край смерти». Другие уверяют, что оно произошло не от санскритского слова мар — «убийство», «смерть», а, скорее всего, от слова мару — «пустыня». По-моему, и те и другие правы — Марвар всегда был и до сегодняшнего дня остается краем смерти, расположенным на суровых просторах пустыни Тар.

Но, хотя мне так хотелось посетить Джодхпур, от приглашения гостеприимного господина Паливала я вынужден был отказаться. В архивах и библиотеках Дели меня ждало еще много работы. Однако при прощании с господином Паливалом я ему твердо обещал, что если [162] приеду в Индию еще раз, то обязательно выберу время посетить столицу Марвара.

Свое обещание я сумел выполнить почти через десять лет, однако с господином Паливалом мы уже не встретились. Судьба забросила его в другой уголок Индии, наверное с повышением по службе. В Джодхпуре, кроме него, я никого не знал и не мог надеяться, что найду там какого-нибудь проводника. На этот раз меня это не огорчило, так как нас было двое. В Дели я случайно встретился со своим знакомым, занимавшимся изучением индийской внешней политики. Мы решили вместе провести День республики, который приходится на 26 января, и два примыкающих к нему выходных дня в северо-западном Раджастане и при этом осмотреть Джодхпур и Биканер. Чтобы заказать билеты, мы отправились на центральный вокзал. Дорогу длиной почти две тысячи километров мы собирались преодолеть в вагоне третьего класса. Из своего прошлого опыта я знал, что путешествовать ночью третьим классом вполне приемлемо, правда при одном условии, что вы найдете свободное место в спальном вагоне.

Кассы третьего класса на индийских вокзалах обычно отделены от остальных. В

Дели эти кассы спрятались в пристройке к главному станционному зданию. Здесь нас встретила огромная, на первый взгляд беспорядочно мечущаяся толпа, обремененная невообразимым количеством узлов, сундуков и крепких металлических чемоданов.

Мы с трудом протиснулись к небольшому решетчатому окошечку в побеленной стене, я протянул деньги и сказал:

— Два билета на скорый поезд до Джодхпура, Биканера и обратно.

Кассир в красном тюрбане непонимающе повертел головой, затем, немного подумав, заявил:

— First class counters in the main hall, — а это означало не только то, что «кассы первого класса расположены в главном зале вокзала», но и то, что европейцам тут делать вроде бы нечего.

Но я упорно продолжал настаивать на своем.

— До Биканера билетов нет, есть только до Джодхпура, — резко ответил кассир и стал заниматься следующим пассажиром.

Мы снова окунулись в красочную толпу и с большим трудом нашли кассу, где можно заказать [163] плацкарту, но и там нас поджидала неудача. Выяснилось, что поездку третьим классом нельзя прерывать. Нам пришлось бы три раза доплачивать за скорость, а главное, мы не смогли бы достать плацкарту ни в Джодхпуре до Биканера, ни на обратном пути. А ехать три ночи подряд без сна... С тяжелым сердцем мы решились на поездку первым классом.

Но тут стало ясно, что купить билеты первого класса тоже не так-то просто. Отстояв длинную очередь и оказавшись перед стеклянной перегородкой, мы получили возможность прочесть надпись золотыми буквами, из которой узнали, что сначала нам необходимо получить из окошечка за углом подтверждение о том, что в пятницу вечером в джодхпурском почтовом скором поезде есть два свободных места.

В окошечке за углом чиновник в это время ужинал, он извинился и сказал, что нам придется подождать. Причем ждать нам пришлось не менее четверти часа.

После длительных переговоров и с помощью вышестоящего чиновника нам все-таки удалось наконец заполучить билеты. Теперь осталось еще заплатить восемь рупий за плацкарту из Дели и еще шестнадцать за телеграмму для резервирования мест в Джодхпуре и Биканере. С вокзала мы уходили с чувством, что для успеха поездки мы действительно сделали все, что было в наших силах.

В пятницу после обеда я сложил в небольшой чемоданчик простыню, плед, надувную подушечку, спортивный костюм, термос и немного белого хлеба. Теперь, можно сказать, я был уже готов к путешествию. Затем вместе со своим знакомым мы поймали такси и поехали на вокзал.

Платформа раджастханской узкоколейки спряталась где-то в самом конце вокзала. На двадцать четвертом пути нас должен был уже ждать джодхпурский

экспресс, но его все еще не было. На платформе толпились панджабцы, раджпуты, гуджаратцы. Все покорно ждали поезда. Мужчины, закутав головы в шерстяные платки и постукивая босыми ногами по бетонному полу, женщины, прикрыв лица большими платками и стараясь успокоить своих многочисленных детишек. Чуть поодаль, тесно прижавшись друг к другу, чтобы как-то согреться, сидели на корточках в красноватых просторных рубашках носильщики. Не спеша переговариваясь, они потягивали биди (дешевые самокрутки-сигареты). [164]

Из грязноватой мглы к платформе наконец подполз, гроыхая на стыках, длинный состав из красно-коричневых вагонов с решетчатыми окнами. Толпа пришла в сильное возбуждение. Вагоны третьего класса брали, что называется, приступом: через окна и двери пассажиры захватывали места в еще не остановившемся поезде. В вагон первого класса никто, кроме нас, попасть не стремился. Он находился посередине поезда. Это новый вагон индийского производства, в котором есть даже коридор. Вот только невозможно выяснить, у кого какие места. Традиционный лист бумаги с напечатанными на нем фамилиями пассажиров на этот раз не вывешен, поэтому мы решили выбрать купе, в котором светила хотя бы одна лампочка.

Мы надеялись, что в купе других пассажиров, кроме нас, не будет, хотя надпись на стене гласила: «TO SIT SIX, TO SLEEP FOUR», а это значит, что днем здесь могут ехать шесть человек, а ночью четыре. Пока мы устраивали наши постели на мягких нижних полках, снаружи раздался пронзительный гудок, паровоз сделал мощный выдох и с такой силой сорвался с места, что я чудом не свалился на пол. И сразу же изо всех щелей стал дуть холодный и сырой воздух. Мы закрыли оба окна и опустили еще деревянные ставни и металлическую сетку от комаров. По мере того как поезд набирал скорость, в щели дуло все сильнее.

На узкой колее неровной дороги вагон бросало из стороны в сторону, а в купе стали виться густые клубы песчаной пыли. От пыли и холода я зарылся с головой под простыню. Однако сон пришел лишь под утро.

Я проснулся от духоты. За окнами — бескрайние пески, и температура в вагоне поднялась, наверное, градусов на двадцать. Но вот поезд замедлил свой бег и осторожно стал въезжать в небольшую котловину. За мостом перед нами открылась во всей своей красоте панорама Джодхпура: могучая крепость, возвышающаяся над городом на одинокой скале высотой почти 200 метров. Крепость стоит здесь уже более пяти веков — заложил ее в 1459 г. раджпутский князь ввиду того, что бывшая княжеская резиденция перестала отвечать требованиям столичного города.

На привокзальной площади перед нами встал вопрос, каким видом транспорта лучше воспользоваться. Если нанять дешевую тонгу, то при той скорости, с какой тащится бедная лошаденка, мы не успеем увидеть [165] и половины того, что запланировали. Что касается такси, то это слишком дорогое для нас удовольствие. А так как моторикш в Джодхпуре нет, то пришлось нанять трехколесную мотоциклетную повозку с надписью «Темпо».

Мы выбрали ту, внешний вид которой еще мог вызывать доверие, и договорились о цене. Молодой водитель согласился за двадцать рупий возить нас целый день по Джодхпуру и его окрестностям. В отличие от моторикш столицы, у нашей машины имелся даже примитивный стартер. Водитель нажал на какой-то гвоздик

и резким движением ноги завел мотоцикл — раздалось оглушительное тархтенье и трехколесная повозка скачками стала двигаться вперед.

После двадцати минут грохота и тряски моторикша остановился на холме перед башней, служившей входом в большой сад, и объявил:

— Умед бхаван (Дворец Умеда).

За забором стоит построенный где-то в 30-х годах нашего столетия дворец с высоким куполом над центральным залом. Дворец носит имя махараджи Умеда Сингха, бывшего восторженным поклонником авиации. В конце 30-х годов благодаря ему в Джодхпуре был построен один из первых современных аэродромов в Индии. Когда в 1947 г. он умер, аэродром перешел в руки индийской военной авиации, и здесь был организован учебный центр по подготовке пилотов. Кстати, именно поэтому в Джодхпур не могли летать самолеты гражданской авиации.

Мы собрались было сфотографировать великолепное здание с помпезным входом для высших сановников, но караульный, стоявший с флагом махараджи на длинном копье, стал что-то кричать нам. Выяснилось, что часть дворцового здания до настоящего времени служи зенаной, или помещением гарема, и поэтому вход туда запрещен; назойливым посетителям не следует беспокоить здешних обитательниц.

С террасы сада открывалась захватывающая дух панорама, в центре которой, на скалистом утесе, гордо возвышалась неприступная крепость Маюрдхвадж дург. Ее великолепные дворцы сочетали строгость и неприступность крепостных сооружений с элегантностью роскошной царской резиденции.

Мы поспешили туда, и вскоре нас поглотила прохладная глотка Башни победы, первой из семи, стороживших [166] подступы к крепости. За темным сводом башни начиналась крутая извилистая крепостная дорога. Кругом, куда ни кинешь взгляд, возвышались над нами дворцовые сооружения, беседки и летние дворцы. Каменные балкончики с полукруглыми, похожими на бенгальские, крышами как будто заглядывали в расположенные террасами дворики крепости, их изящные решетчатые окна давали возможность правителям наблюдать за каждым движением званных и незванных гостей.

За последней, Железной башней нас ошеломила красота древних дворцов, гнездящихся на вершине скалы словно стая орлов. Нижний, Пхул махал (Дворец цветов), был облицован скромным розовым раджастханским песчаником, однако верхний, Моти махал (Жемчужный дворец), щеголял ослепительно белым мрамором. Больше всего меня поразила расположенный на самом верху великолепный Тахт вилас (Тронный зал). Вероятно, он превосходит даже знаменитые приемные покои могольских императоров. Во дворцах Великих Моголов в настоящее время слышится речь американских, японских и европейских туристов, а тут мы были одни — два европейца среди многочисленной толпы раджпутских любителей загородных прогулок.

Хранитель, солдат-ветеран с густой белой бородой и пышными усами, взял с нас плату за вход, оторвал коричневый билетик, на котором шрифтом деванагари написано, за что именно с нас получено десять новых пайс. Мы сдали на

хранение ботинки и получили еще один листочек. Большинству посетителей это делать не приходится, так как они ходят босиком.

Зато с каким увлечением следили индийцы за рассказом экскурсовода о славной истории Раджпутаны. С большим удовольствием они снова и снова внимали рассказу о радже Джодхе, который не только дал имя их городу, но и положил начало правящим династиям соседнего Биканера, Ратлама и других мест; о радже Удай Сингхе, первым заслужившем от Великого Могола Акбара титул махараджи, или же о его сыне Сур Сингхе, завоевавшем Гуджарат и Декан. С почтением они осматривали трон, на котором сидел Джасвант Сингх, главнокомандующий императорской армией Великого Могола Шах-Джахана.

В княжеской сокровищнице наше внимание привлекали надбровные дуги из бриллиантов, которые правители закрепляли при помощи золотых проволочек, как [167] очки, за уши. Посетители оценили взглядом выкованную из серебра конскую сбрую и золототканые слоновьи накидки, а также «тигриные когти» — внушающее страх оружие раджпутских воинов, похожее на звериную лапу с четырьмя когтями.

Пришла и наша очередь удивляться, когда мы остановились у колодца и узнали, что глубина его почти двести метров. Вплоть до последнего времени крепость страдала от нехватки воды. Единственный источник, мандорский водоем, находился, по крайней мере, в двух часах пути отсюда. Сегодня вода в крепости течет из краников городского водопровода.

— Наладить непрерывное водоснабжение оказалось делом нелегким, — сказал экскурсовод, длинным окованным шестом измеряя глубину колодца. — Раньше здесь было лишь три небольших озера: рядом с западной башней, ведущей в крепость, Озеро княгини, соединенное каналом со скалистым Лотосовым, и в центр старого города находилось Розовое озеро с каменном набережной и мостиками. Городской водопровод снабжался водой из озера Умеда, соединенного с новым Тронным озером, расположенным в горах за городом. Однако даже этого запаса воды оказалось недостаточно, и после получения Индией независимости в город провели воду из источников, расположенных высоко в горах Аравали.

Соседний бастион огласился воинственными криками мальчишек, играющих в войну. Сторож побежал туда и отогнал «бойцов» от каких-то саней, на которых ржавела громада железных трубок. Как здесь, в пустыне, оказались сани? Мы обошли со всех сторон это загадочное сооружение. Вблизи нам стало ясно, что это не простые железные трубки, а орудийные стволы, сложенные в два раза по одиннадцать штук.

— Это верблюжья батарея, — объяснил нам экскурсовод. — Деревянную раму клали верблюду на горб. Стрелять можно было, лишь повернув верблюда задом к противнику, чтобы не прострелить ему шею. И хоть точность наводки на цель у такой батареи невелика, но попасть в конную лаву, идущую сомкнутым строем, все же можно. Нужно, правда, иметь достаточно флегматичного верблюда, который не пугался бы громовых раскатов и отдачи от выстрелов.

Между зубцами крепостной стены лежали другие артиллерийские орудия. Те, что поменьше, предназначены [168] были для перевозки на верблюдах, а побольше

— на слонах. Пушки — бронзовые и железные, украшенные чеканкой и без всяких украшений, индийские, французские и португальские — все они лежали, кажется, в том порядке, в каком прокатывались здесь войны минувших столетий. Над ними на шесте развевался флаг джодхпурского княжества — пятицветный с золотым орлом посредине.

Мы спустились вниз, снова прошли через все семь башен, в каждой из них словно бы оставляя по одному столетию рыцарской романтики. Из последней башни мы вышли прямо в современность, здесь нас встретил рокот готовой к дальнейшему путешествию мотоколяски. Через мгновение она увозила нас от крепости в противоположную сторону, туда, где сияли мраморные стены мавзолея махараджи Джасвант Сингха.

В ухоженном саду мавзолея навстречу нам вышла корова. Она появилась из красноватой глубины сада и преданно смотрела на нас большими черными глазами. Видно, надеялась, что мы принесли ей что-нибудь перекусить, и, конечно, не догадывалась, что нам самим очень хотелось есть. Но ничего не поделаешь, ей пришлось довольствоваться дружеским похлопыванием по спине.

Усыпальница Джасванта Сингха напоминала мусульманские гробницы ажурными сводами своих галерей. Мраморные стены настолько тонки и прозрачны, что через них, словно сквозь пергамент, проникали солнечные лучи. Внутри мавзолея над пустой могилой установлен надгробный камень — махараджа погиб во время военного похода в Афганистан.

На ослепительно белой террасе стояли, прижавшись друг к другу, четыре небольшие мраморные чхатри — зонтиковые часовенки. Индуистские правители были в невыгодном положении по сравнению со своими мусульманскими соперниками: они не могли строить великолепные мавзолеи, так как индуистская традиция запрещала хоронить покойников. Согласно индуизму, тело умершего должно быть сожжено на погребальном костре, а пепел опущен в одну из священных рек. Позднее возникла традиция отмечать то место, где огонь взял с собой в небо телесные останки предков, символическими постройками в виде зонтиковых павильончиков.

Мавзолей Джасванта превосходит все рядом стоящие здания по своим размерам и красоте. Для того чтобы [169] осмотреть достопримечательности других джодхпурских правителей, нам надо было преодолеть еще километров десять на север, до Мандора, разрушенной резиденции древнего раджпутского рода Пратихаров. Наш водитель, узнав о том, куда мы хотим ехать, ничуть не удивился. Ведь туда в выходные дни часто отправляются на прогулку джодхпурские чиновники и торговцы с семьями. Они любят погулять там по царским садам, раскинувшимся по берегам небольшой речки Нагадари, посидеть в тени индуистских храмов.

Храмы поразили нас изяществом резьбы по темно-коричневому, иногда красноватому, песчанику. Однако с художественной точки зрения они большого интереса не представляли и напоминали известные шиваистские буддийские святыни, чистый стиль которых нарушали здесь детали местных джайнских традиций.

Развалины столичного города сегодня пронизывает густая сеть каналов,

соединенных с пятью водоемами, ступенчато расположенными в углублениях скалистого массива. Мы прошли мимо одного из них, с перекинутыми через него дугообразными мостиками с чеканными перилами. Вереница фонтанов привела нас в нижнюю часть долины. У подножия черной скалы нам бросилась в глаза крикливая красота, желтизна и голубизна стоящих там полихромных фигур. Здесь, в галерее под открытым небом, выстроились в ряд местные раджпутские герои. В руках у каменных воинов были обоюдоострые мечи, всадники придерживали буйных коней, вонзая шпоры в их разгоряченные бока, тут же раджи вели вооруженные отряды в бой против неприятеля. Отважных воинов опекали гигантские фигуры известнейших богов индуистского пантеона. Мы насчитали их несколько десятков и удивились, почему всему этому продолговатому кегельбану дали название «Зал трехсот миллионов богов». Столько их нет, наверное, даже на всех индийских небесах.

Не может этого объяснить нам ни хозяин чайной, у которого мы остановились, чтобы выпить чашечку золотистого ароматного напитка, ни моторикша, нетерпеливо ожидающий нас у башни перед входом в княжеские сады. До захода солнца он хотел бы успеть показать нам охотничий замок махараджи, расположенный на берегу озера Бальсаманд, идеальное место для охоты на цапель и других водных пернатых.

Моторикша остановился в глубине щедро обводненных [170] фруктовых садов и, оставив мотоколяску под деревом манго, повел нас за собой по крутым каменным лестницам на высокую плотину. Он спешил, чтобы в сгущавшихся сумерках мы успели еще хоть что-то разглядеть. Открывшаяся перед нами картина и правда стоила всех усилий. У наших ног раскинулась тихая рябь потемневшей от сумерек поверхности озера, зажатого со всех сторон лесистыми берегами. Последний солнечный луч прочесывал серебристые чубы волн и покрывал золотом башенки и павильончики охотничьего замка. Из-за его низкого забора уже давно не доносились голоса веселых охотничьих компаний. Теперь оттуда слышны лишь энергичные команды начальника летного училища. В голубоватых сумерках зазвучали латунные трели армейской трубы, извещавшей о том, что наступило время ужина. Жаль, что зов трубы обращен не к нам, нас не пришлось бы долго звать. Кто знает, удастся ли нам вечером поужинать в Джодхпуре! Однако караульный выразительным жестом уже предлагал нам покинуть территорию.

В этих широтах темнота наступает стремительно, и не успели мы спуститься в сад, как вокруг уже не видно было ни зги.

Рикша, не спрашивая маршрута, поехал прямо на вокзал. Там, остановив коляску, он протянул руку. Мы вложили в нее условленную плату за проезд и несколько рупий в придачу. Затем поспешили скорее ретироваться — нам вслед по всей улице неслись душераздирающие причитания:

— Так мало, сааб! Этого хватит лишь на бензин. А уже так поздно! Дети сидят голодными. Бакшиш, сааб!

Освещенный зал станционного ресторана пуст. Готовых блюд в наличии нет, но нам сказали, что могут приготовить баранину на вертеле и пшеничные лепешки. Еще бы пива... В ответ официант смущенно заулыбался — известно, что в Раджастане торговля спиртными напитками запрещена.

Наш поезд уже стоял на первом пути, а в двери его ломились пассажиры. Начальник поезда подчеркнул в списке пассажиров наши фамилии и выделил для нас нижние полки в четырехместном купе. На верхней полке уже расположился артиллерист со своей амуницией, а в дверях вслед за нами стояли другие попутчики. Морщинистый старик, на лбу которого чудом удерживались [171] маленькие очки из тонкой проволоки. Он вел за руку молодую женщину в ярко-зеленом сари. Старик быстро оценил ситуацию и обрушился на проводника с потоком упреков. Уверенный, что мы его не понимаем, он не стесняясь кричал:

— Моя племянница должна спать здесь с солдатом? И с двумя этими сахибами (господами)? Кто знает, что они за люди?

Проводник сохранял спокойствие. Конечно, девушку можно устроить в женское отделение. Однако бхай джи — «уважаемый брат», — так индийцы часто обращаются друг к другу, наверняка знает, что в первом классе нет специальных отделений для дам. Они есть только во втором классе, а там и ступить некуда. Так что будет лучше, если девушка останется тут. Сахибы, конечно, уступят ей нижнее место.

Я охотно предложил поменяться с ней местами и представился рассерженному старику. Услышав, что я приехал в Индию в качестве делегата на международную конференцию, посвященную столетию со дня рождения выдающегося индийского поэта Галиба, близкий родственник нашей попутницы смягчился. Ведь это совсем меняло дело. Выяснилось, что он тоже очень любит Галиба, а племянница преподает в школе... Он забыл о своем негодовании, и в упоении слушал и сам декламировал мелодичные стихи Галиба. Наконец старик вверил племянницу моей охране и попросил нас доставить ее в целости и сохранности на место назначения.

Естественно, племянница вовсе не нуждалась в чьей-либо опеке и проявила себя бывалой и практичной путешественницей. Она открыла свой объемистый чемодан и, заметив, что мой приятель накрывается легким плащом, предложила ему запасную шерстяную накидку, а под голову подсунула надувную подушечку. Украдкой она успела бросить взгляд на верхнюю полку, не зная, как оценит ее действия артиллерист, однако тот после трудного дня уже крепко спал.

Вскоре в купе воцарился мир и покой, все забылись безмятежным сном до утра.

Песок над крепостью

Я проснулся раньше всех, на рассвете, и сонный. Выглянул из окна. Над бескрайним морем песка поднимался раскаленный диск солнца. Вдоль дороги на верблюде [172] трясся одинокий наездник, направлявшийся к небольшому загону с забором из прутьев терновника. Там он открыл ворота и выпустил многоголовое стадо овец. Он погонит стадо к ближайшей впадине и оставит его пастись на скудной зеленой поросли на день.

Ночью овечки снова вернутся домой, чтобы своим присутствием ободрять хозяев, спящих во временных глиняных домиках рядом. Если бы не забор, не полуразвалившийся колодец возле него, я ни за что бы не догадался, что тут живут люди. Их ветхие лачуги совершенно сливаются с окрестной природой. Лишь небольшой побеленный храм с конусообразной башенкой да ладная усадьба

зажиточного крестьянина наводили на мысль, что мы проезжаем мимо деревни. Рядом с хозяйской усадьбой видны небольшие поля с зеленеющими на них всходами, но они были настолько редкими, что, кажется, можно пройти по полю, даже не задев растений.

На меже топорщились два потрепанных кустика, за которыми промелькнули силуэты бегущих от дороги газелей. Казалось, будто бежали лишь длинные, скрученные в клубок рога и белые животы — коричневатые спины почти невозможно различить на фоне волнистых песчаных дюн. Но вот показался караван верблюдов, а дальше на горизонте словно из-под земли выросли крепостные стены с бастиянами, пальмы, дворцы, башни и купола. Однако это не фата-моргана — в дымчатом свете утра пробуждался к жизни Биканер, желтая крепость царя Бики.

Уже давно рассвело, однако солнце все еще стояло низко над землей в матовом мареве и было похоже на медный диск. В воздухе неподвижно висела густая завеса из бархатного песка. Ночью над крепостью промчался смерч и наполнил воздух смесью песочной пыли и утреннего тумана. Ничего не было видно на расстоянии ста шагов, и нам показалось, что мы дышали шелковистой грязью.

На платформе биканерского вокзала передаем учительницу в руки ее родственников. Артиллерист показал нам дорогу до почтового бунгало. Комендант из касты брахманов, конечно, нас не ждал, однако выразил готовность приготовить для нас сытный завтрак из яиц, масла и поджаренных ломтиков хлеба. Затем он приказал сыну принести в душевую комнату два ведра полусоленой воды из колодца. В душевой, правда, есть [173] водопровод, но из его кранов не течет ни капли воды. Городское управление распределяет воду по кварталам и дает ее в разное время дня, притом лишь часа на два. Поэтому мы с огромным удовольствием по-индийски обливаемся водой из кружки, стараясь скорее смыть с себя пыль после дороги.

Наконец мы удобно расположились в выделенной нам комнате и решили немного упорядочить свои знания о Биканере перед тем, как приступить к осмотру города. Наш хозяин оказался человеком неразговорчивым, и нам приходилось вытягивать из него каждое слово, а более общительного местного жителя в данную минуту рядом с нами не было. Так что пришлось полностью положиться на путеводитель.

Биканер был одним из крупных княжеств на территории Раджпутаны. Суровость и неприветливость этого пустынного края выковала племя отважных бойцов. Неприступность этих мест и их оторванность от центра империи способствовала созданию здесь независимого княжества. Когда же караваны купцов не могли пройти через плодородный Пенджаб, часто подвергавшийся захватническим набегам воинственных племен из Афганистана, Ирана и Средней Азии, а государства, расположенные в южных долинах реки Инд, были в напряженных отношениях со столицей индийской империи, тогда здесь расцветала доходная торговля, будь то законная или контрабанда. Главное, пути ее пролегли через пустыню Тар. Марварские пастухи считались лучшими воинами во всей Индии. Из богатых краев они всегда возвращались с щедрым вознаграждением за службу и приносили с собой богатую добычу, попадавшую в их руки независимо от того, воевали ли они в армии могущественных правителей или же предпринимали захватнические набеги на свой страх и риск.

Княжество Биканер отделилось от Джодхпура сравнительно поздно, лишь в XV веке. Могущественную крепость Биканер основал в 1488 г. князь Бика (Волк), сын марварского князя Джодхи из раджпутского клана ратхоров. Его потомки принадлежали к наиболее ревностным поборникам объединительной политики императора Акбара и с большим энтузиазмом поддерживали его усилия по созданию мощной и единой индусско-мусульманской империи в Индии. Раджа Биканера Рай Сингх был одним из самых влиятельных раджпутских правителей при дворе Акбара. Он владел не только [174] родовыми княжествами Биканер и Джодхпур, но и соседним Джайсалмером, частью Пенджаба. Будучи императорским наместником, он также управлял и половиной Гуджарата и Саураштрой. После смерти Рай Сингха Биканер потерял свое значение и снова заявил о себе лишь во время правления фанатичного и жестокого императора Аурангзеба, который сделал все, что было в его силах, для подавления раджпутского княжества. Он отнял престол у раджи Каран Сингха и посадил на него своего внебрачного сына Банмали Даса, принявшего из корыстных побуждений исламскую веру и выступившего с захватническими планами против отца.

Во главе биканерского сопротивления Великим Моголам встал махараджа Ануп Сингх. Однако и он позднее подчинился императору Аурангзебу, стал его генералом и завоевал для него султанаты Биджапур и Голконду на юге Индии. Позднее Ануп Сингх дослужился до должности наместника южных провинций Могольской империи. Однако, находясь на службе у Великого Могола, он не изменил своей вере. Правда, Ануп не мог открыто противостоять антииндусской политике императора, но в пределах своих владений им было сделано немало для защиты индуистской религии. Кроме того, Ануп горячо поддерживал индуистское искусство, науку и литературу.

Позднее Биканер стал известным торговым центром на пути к пограничным провинциям Могольской империи. Во время правления махараджей Гаджи Сингха и Сурата Сингха Биканер даже стал своего рода третьей решающей силой в борьбе, которая шла между Джайпуром и Джодхпуром за доминирование в Раджпутане.

Такая двойная роль Биканера давала возможность ратхорским князьям и богатым джайнским купцам привозить в эти бедные пустынные края не только большую военную добычу, а также мастеров и искусных ремесленников, но и получать прибыль от торговли. Благодаря их стараниям возник город, который сегодня является одним из самых значительных памятников индуистского искусства позднего средневековья.

Погода еще больше испортилась. Казалось, что песка в воздухе становится все больше и больше. Однако ждать лучшей погоды мы уже не могли — решительно поднялись, взяли фотоаппараты и вышли навстречу сумрачным улицам. [175]

Если бы на зданиях вокзала и ратуши не висели обвисшие запорошенные песком государственные флаги, наверняка мы так бы и не вспомнили о том, что сегодня День Республики. Лавочники на базарах, как обычно, старались перекричать друг друга, зазывая покупателей, расхваливая свой товар и упорно торгуясь. Они расстилали перед нами простые и шелковые шали землистых цветов, а на них высыпали целый ворох веселых, оранжевых и киноварных цветов полотняных отрезков для настоящих раджпутских тюрбанов. Однако покупки мы отложили на

вечер, а то пришлось бы таскаться с ними по городу.

Мы бесцельно бродили по улочкам старого города. В облаках песчаной дымки стояли городские дома с великолепно выполненной резьбой с красивыми эркерами и оконными решетками из желтого песчаника. Жаль, что мы не имели возможности сфотографировать это биканерское чудо. Улочки становились все уже и уже и вскоре превратились в небольшие проходы. Наконец мы вышли на небольшую площадь. Затем от квартала чеканщиков через зловонную канаву мы перебрались к кварталу кожевников и красильщиков, а от них, спотыкаясь на булыжной мостовой, направились к гончарам. При этом все время мы старались не потерять из виду крепость. Пройдя через узкие ворота в проходной башне городской стены, мы остановились, пораженные панорамой крепости, возвышающейся на небольшом холме.

Крепость, построенная раджей Рай Сингхом, — великолепный образец архитектуры эпохи Великих Моголов. Могучие стены крепости, ее бастионы и рвы архитектор объединил в единый четырехугольник, внутри которого укрыл очаровательные сады, жилые постройки придворных сановников, глубокие колодцы и казарму для армейского гарнизона. Он поставил царский дворец у самой крепкой южной стены и спроектировал его по подобию императорских резиденций в Дели, Агре и Лахоре.

Раджа Рай Сингх мог не бояться неожиданного нападения на его новый дворец: вокруг крепости лежали лишь горячие пески пустыни. К тому же он мудро распорядился соорудить систему колодцев и небольших водоемов, так чтобы из крепости можно было распределять воду на прилегающие к ней окрестные земли. Осаждающие крепость умерли бы от жажды прежде, чем [176] им удалось бы проломить мощные крепостные стены. Преемники раджи, Сур Сингх и Ануп Сингх, недооценили его дальновидность и построили перед крепостными стенами новые водоемы, которые во время нападения легко попадали в руки неприятеля и становились основными резервуарами по снабжению атакующих. После того как новые крепостные стены отодвинули подальше от царского дворца, что способствовало его лучшей обороне от артиллерийских обстрелов, колодец Анупа был превращен в городскую водокачку.

Под темным сводом первой башни у деревянной будки нас остановил часовой: оказывается, нам необходимо получить от офицера охраны разрешение на посещение крепости. Дежурный офицер ничего не имел против нашего визита: крепость пуста, махараджа с семьей живет в современнойшем дворце Лалгарха, окруженном со всех сторон садами.

В пространстве между башнями наше внимание привлекла стена, на которой в несколько рядов были укреплены каменные таблички с отпечатками хрупких женских ладоней. Это своего рода памятные доски в честь раджпутских цариц, исполнивших обряд сати: после смерти своих супругов они добровольно взошли на погребальный костер, чтобы даже смерть не смогла их разлучить. Сейчас верующие натирают каменные ладони скульптур киноварью. Царицы любили это делать, поэтому индусские женщины приходят сюда, чтобы таким образом почтить память обожествляемых ими цариц, совершивших, по индусскому обычаю, самую большую жертву, какую только может принести добродетельная жена своему супругу. Однако если бы сегодня кто-то попытался принудить женщину совершить обряд сати, то по принятому закону такое действие

рассматривалось бы как убийство.

В крепость мы попали через Солнечную башню, охраняемую двумя огромными каменными слонами. Проход привел нас на широкую площадь, расположенную в северной части крепости. К ней примыкает сад Гаджапати вилас («Жилище погонщика слонов»). По лестнице, украшенной на французский лад латунными столбами, мы поднялись на низкую террасу, а через нее вышли на площадь — на ней находятся административные здания бывшей резиденции махараджей. Затем мы прошли к третьей площади — на ней некогда устраивались приемы для важных государственных гостей. [177]

За старым канцелярским столом восседал бородатый раджпут в тюрбане и продавал билеты. В отличие от Джодхпура здесь сейчас нет туристических групп. Несколько минут мы сидели в ожидании других посетителей и, так и не дождавшись никого, проследовали за сухощавым сторожем в хаки с огромной связкой ключей за поясом. Сначала он повел нас к самым древним зданиям, сооруженным из желтого песчаника, свидетельствующим о еще незатейливых вкусах раджпутских воинов. Затем по темным и узким лестницам поднялись к дворцам Карана и Анупа — самым красивым зданиям во всей крепости. Их создатели пытались воспроизвести лучшие образцы могольской архитектуры. Об этом свидетельствуют стрельчатые арки колонных залов и мраморная облицовка стен, инкрустированных цветными полудрагоценными камнями в виде цветов и растений. Эти здания, к сожалению, не сохранили первоначанного вида. Поздние правители перекрыли мрамор сетью филигранных медальонов и пестрых арабесок. У их преемников уже не было места для строительства новых зданий. Не имея возможности расширять территорию крепости, они начали делать все новые и новые пристройки к первоначальному дворцу. Надстроенные одна на другую, они с каждым разом делались все более пышными и вместе с тем все более безвкусными. Благодаря им царский дворец сегодня выглядит, как скопление небоскребов.

Из поздних построек нам больше всего понравилась качахри — уютная канцелярия Гаджи Сингха. Сидя на помосте, который находится в центре зеркального зала, махараджа выполнял свои государственные обязанности: принимал министров и давал аудиенции подданным, ожидавшим его на площади перед дворцом. В двух комнатах раджи, прилегающих к канцелярии, собиралась придворная знать и работали писари. Вечером дворцовые помещения оглашали голоса и веселый смех жен и фавориток правителя. Вместе с ним они наблюдали за пестрым хороводом придворных танцовщиц и слушали их однообразные напевы.

Мы спустились на этаж ниже. И остановились перед покоем двух известнейших биканерских королей — Чанд Каур («Луна») и Пхул Каур — («Цветок»). Покои расположены непосредственно под зеркальным залом. На дверях первой комнаты, вокруг изображения голубого бога Кришны, танцевали вриндаванские пастушки [178] во главе с Радхой, на других — оцепенело улыбались рельефные фигуры португальских дам. Мы переступили босыми ногами через высокий порог покоев, миновали Пхул махал, дворцовые покои Царицы цветка и прошли к узенькой подвесной галерее. На ее внутренней стене мы рассмотрели ряд рельефов, изображающих самые любимые индуистские божества — Шиву и Парвати, Раму и Ситу, Кришну и Радху. Они были изображены в одеждах раджпутских принцев и принцесс.

Наш провожатый приглушенно шлепал босыми ногами по закрытой галерее и вел нас по крутой лестнице все выше и выше, в самые верхние покои дворца. Здесь находится зонтиковый зал, спальня махараджи Дунгар Сингха. Он построен в форме куба. Спальня со всех сторон открыта, чтобы в жаркие летние ночи ветерок пустыни мог обвевать спящего. В день нашего приезда над крепостью зависла тяжелая туча поднятого в воздух песка, поэтому зонтиковый зал показался нам сумрачным. Мелкие крупинки песчаной пыли покрыли тонким серо-коричневым слоем оригинальную бело-голубую изразцовую стену, выложенную из старых английских фарфоровых тарелок.

Всю вторую половину дня мы бродили по замку и не уставали восхищаться великолепием салонов для принца, гардеробных царицы, трапезных и летних беседок для отдыха, обставленных тяжелой старинной мебелью. Нас так и тянуло прилечь на царское ложе из слоновой кости, чтобы хотя бы немного отдохнуть, или покачаться на золотых качелях, украшенных чеканными фигурками пастушек. Но нам еще надо было успеть в древнюю астрономическую обсерваторию, в прекрасно оборудованный арсенал, в картинную галерею с портретами правителей и коллекцией европейских картин махараджи, в основном изображающих обнаженных красавиц. Мы собирались еще зайти в санскритскую библиотеку (она расположена на первом этаже) и заглянуть в крепостные храмы, в которых хранится священная вода из реки Ганг.

Не спеша мы вернулись на центральную площадь. Там нас приветствовал человек лет семидесяти в длинном черном пиджаке, бывший начальник личной охраны махараджи полковник Хукам Сингх.

Узнав, что мы интересуемся историей этого края, он приказал принести традиционную чашку чая и стал рассказывать [179] о жизни покойного правителя. Генерал Его Высочество Махарадж Адхирадж Рай Раджешвар Нарендра Широмани Сир Ганга Сингх Джи Бахадур — так звучало его полное имя со всеми титулами — был, вероятно, самый известный в мире индийский князь. Юношей он участвовал в боях в Китае и Сомали, а затем командовал знаменитым верблюжьим отрядом, получившим в его честь имя «Ганга рисала». Во время первой мировой войны махараджа воевал на стороне англичан в Египте и Палестине. За свои заслуги он был произведен в адъютанты английского короля, а после войны стал представителем Индии в Лиге наций, и его импозантную фигуру можно было увидеть на страницах любого иллюстрированного журнала.

— Пожалуйста, не подумайте, что, занимаясь политикой, махараджа ничего не делал для своих подданных, — с уважением говорил о правителе полковник. — В конце двадцатых годов он предпринял попытку сделать пустыню плодородной. В дистрикте Ганганагар он приказал построить длинный канал с бетонным основанием и пустил в него воду из реки Сатледж. Результат превзошел все ожидания: крестьяне, обработав и засеяв землю, собрали богатый урожай не только в том же году, но и в последующие годы. Таким образом, махараджа доказал, что в пустынных областях можно использовать не только дождевую воду, но и речную.

Закончив рассказ о просвещенном махарадже, полковник проводил нас до самой нижней башни крепости. Там попрощался с нами и сердечно пригласил посетить Биканер еще раз.

После осмотра крепости мы поспешили вернуться в гостиницу. На ужин мы заказали яичницу, а в дорогу прихватили чай. Затем мы расписались в книге для гостей и, не торопясь, отправились на вокзал. К вечеру песок, наконец, осел, воздух очистился и на небе засияли яркие звезды.

Когда поезд, покидая станцию, начал набирать скорость, перед нашим взором промелькнул силуэт биканерской крепости, освещенный прожекторами и украшенный гирляндами цветных лампочек. Мы мысленно распрощались с крепостью. [180]

В царстве королевы лотосов

В отличие от западноиндийских низинных пустынь, где расположены древние государства Джайсалмер, Марвар и Биканер, южные раджастханские области плодороднее, а также и более гористы. Здесь проходят отроги главного хребта горного массива Аравали. В неприступных долинах и степных впадинах издавна жили мевы, полудикие племена горных разбойников. Благодаря им эти суровые, отдаленные от центра Индии места получили название Мевар — «Страна Мевов». Родственные мевам племена жили также в нескольких сотнях километров к северу в горах около города Альвар, через который проходил древний торговый путь в центральные районы Раджастхана, эта область получила название Меват — «Дорога Мевов».

Меварцы до настоящего времени гордятся тем, что их правители встали во главе борьбы всех раджпутских земель против мусульманского завоевания. Самые доблестные из них отклоняли заманчивые предложения Великих Моголов занять высокий пост при императорском дворе даже тогда, когда все остальные индусские правители уже покорились могольским императорам.

Наиболее упорно сопротивлялся рана Пратап Сингх, правитель крепости Читор (Читоргарх). Он так и не склонил голову перед императором Акбаром и стал истинно легендарным символом раджпутского сопротивления чужеземным захватчикам.

Столицей Мевара вот уже четыре столетия является Удайпур, город Удая, его называют также «Городом восходящего солнца». Удайпур раскинулся на склонах протянувшейся здесь возвышенности в красивом окружении лесистых вершин и голубоватых озер. Его правители, принцы из рода Сесодиев, были единственными из раджпутской знати, кто имел право носить титул махарана — «великий рана». Меварские махараны почитаются родоначальниками так называемой «солнечной» династии раджпутов, при этом считается, что их родословная берет начало где-то в туманной древности. Место, где расположен Удайпур, было выбрано в качестве резиденции меварских правителей после того, как Великие Моголы в конце XVI в. завоевали их древнюю родовую крепость Читор. Тогда по приказу махараны Удай Сингха на берегах искусственного озера был построен новый удобный замок. [181]

Благодаря озерам и многочисленным каналам Удайпур иногда «называют «индийской Венецией». Несомненно, это один из прекраснейших городов Индии. С того времени как Удайпур был включен в сеть внутрииндийских авиалиний, он привлекает к себе с каждым годом все большее количество европейских и

американских туристов, которые на своем суетливом пути вокруг света приезжают сюда, чтобы взглянуть на дворец махараны и походить среди сказочных летних дворцов на островах. Когда я собирался посетить Мевар, во время своей первой поездки в Индию, аэропорта в Удайпуре еще не было, и я решил попробовать добраться до него ночным поездом.

За несколько рупий с помощью друзей мне удалось достать билет в спальный вагон третьего класса, и в одну из дождливых мартовских ночей я прибыл на железнодорожный вокзал. Попав в вагон, я стал устраиваться на самой верхней полке одной из шестидесяти четырех клетушек этого крольчатника на колесах, который, вопреки здравому смыслу, Северо-западная железная дорога называет «sleeper», что значит спальный вагон. Спать здесь, даже если у пассажира слипаются глаза от усталости, почти невозможно. Тряска в плохо амортизированной тележке вагона, скрип твердых досок и смесь острейших запахов — все это надежно лишает сна.

Да и как тут удобно пристроиться среди такого количества тюков, чемоданов и сундуков? На заводе, который производит эти вагоны, наверняка не принимают во внимание то, что самый бедный паломник не пустится в странствие без постели, нескольких чемоданов, огромного числа узлов и груды посуды. Со стуком колес сливаются бряканье висячих замков на чемоданах новобранцев, скрип подставок для жбанов с питьевой водой, а весь этот шум перекрывает отчаянный плач ребенка в соседнем купе.

Мне, по крайней мере, не надо беспокоиться о багаже. С собой в дорогу я не взял ничего, кроме тощего портфеля, который в поезде и послужил мне в качестве подушки. Перед тем как лечь спать, я снял ботинки — но что теперь с ними делать? Я тщетно искал место, куда бы их поставить. Наконец, взгляд мой упал на потолок, откуда свешивалась целая батарея решетчатых вентиляторов. Всего здесь их было восемь, чтобы каждый из пассажиров мог направить один из них в свою сторону. «В такой холод, конечно, никто вентилятор включать [182] не станет», — сказал я себе и перекинул туфли через решетчатое ограждение вентилятора. Наконец я с наслаждением вытянул на полке ноги и удобно устроился, если это вообще возможно сделать на голых досках.

Паровозик пыхтел по своей метровой колее, и за черными окнами убегали назад расщепленные вершины гор Аравали. То тут, то там к вершине взлетали вклинившиеся между бастионами зубчатые стены. В полудреме у меня мелькнула мысль, что с тех вершин защитники, наверное, сбрасывали на головы неприятеля каменные глыбы.

Трах! Мне на голову шлепнулось нечто тяжелое. Каменная глыба?! Надо побыстрее убираться отсюда — первое, что мне пришло в голову, и я с ужасом вскочил, однако, больно ударившись головой о крышу вагона, снова упал на полку. Снизу послышались топот и крик, кто-то рвался к выходу. Я выглянул в окно и увидел, что поезд стоит на какой-то большой станции. На перроне предлагали горячий арахис и чай. Ко мне вверх протянулась чья-то рука и тормозила меня за рукав:

— Ап ка джута гир гайа, бхаи джи (Ваш ботинок упал, уважаемый брат).

Я растерянно поднял ботинок и, кажется, начал понимать, что произошло. Когда

солдат с нижней полки собирал свои вещи, он хотел, вероятно, включить свет, но случайно нажал на выключатель вентилятора. Пожалуй, лучше надеть ботинки, все равно уже светает, и через час поезд прибудет на конечную станцию. В проходе какой-то мусульманин расстелил коврик и, стучаясь лбом о пол, неистово молился. За окном картина восходящего солнца, пробуждающего к жизни ярко-оранжевые цветы сухих кустарников. Вскоре вся степь загорелась единым ясным пламенем, которое неожиданно погасло, когда поезд проезжал через высохшее, усыпанное серой галькой, русло, где вокруг больших камней протекал небольшой ручеек сине-зеленой воды. На другом берегу уже показались ровные крыши домов. Мы в Удайпуре.

На привокзальной площади я долго выбирал тонгу. Мне надо нанять ее на целый день сегодня и еще завтра на утро, так что выбор должен быть точным. Наконец, я заметил бойкого морщинистого старика в чистенькой рубашке и в желтом тюрбане на голове. Он наверняка не впервые сталкивается с иностранцем, и с ним легко можно договориться. Мы быстро с ним [183] сговорились, что за пятнадцать рупий он покажет мне весь город.

Сначала я хотел бы обеспечить себя удобным ночлегом, ведь завтра и послезавтра мне придется провести ночь в поезде. Узнав, что мне нужно, старик, даже не спросив, заказан ли для меня номер в гостинице или нет, повез меня по отличной асфальтированной дороге прямо к лучшему отелю с почтенным названием «Удай Вилас» («Отрада Удая»). Удивительно, но название отеля не обманывало. Действительно, это один из бывших дворцов махараны, поставленный на каменной террасе высоко над озером. Мне быстро предоставили номер, и я сразу же отправился принять душ, чтобы поскорее снять с себя усталость.

Интересно, все ли номера здесь так прекрасно оборудованы, или мне дали самый лучший? Рядом со спальней располагалась не ванная комната, а просторный зал, выложенный карминовым мрамором. Вместо ванной — бассейн из блестящего гладкого мрамора, спуститься в который можно по ступенькам небольшой лестницы с латунными перилами. При этом царское великолепие не противоречило прогрессу XX века. Я нажал на блестящую кнопку, и бассейн быстро наполнился горячей водой. На стене у зеркала я обнаружил элегантную розетку для электробритвы.

Я наскоро привел себя в порядок и с нетерпением поспешил в город. Мой возница терпеливо ожидал меня возле отеля. Он помог мне взобраться в тонгу, и через мгновение мы уже мчались по набережной к близлежащему озеру Фатеха. С высокой дамбы озера мы съехали по серпантинной дороге рядом с водосбросом и остановились на небольшой, чисто убранной площади перед башней, служащей входом в сад.

— Сахелийон ки бари, — сделал знак рукой почтенный экскурсовод и вежливо пригласил меня заглянуть внутрь.

Я вспомнил, что находящийся передо мной «Сад подружек» считается самым прекрасным парком во всем Раджастане. По преданию, могольский император подарил этот сад жене махараджи Санграм Сингха и ее придворным дамам. На клумбах раскинулось море пурпура и багрянца, равномерно перепоясанное лазурными и бирюзовыми поясами и окрапленное пятнами канареечной

желтизны. Кипарисы, опираясь о бока каменных слонов, заглядывали в зеркальную воду небольших озер, окаймленных [184] черным камнем. И над всем этим словно парила ослепительно белая балюстрада.

Самый большой сюрприз ожидал меня в центре сада. В середине квадратного озера стоял павильон, увенчанный мраморным куполом с искусной резьбой. Здесь махарани проводила время в самое жаркое время года. Сторож открыл шлюз подземного канала, и из купола беседки стал бить фонтан с чистой водой. Разбиваясь о каменные желобки сводов, капли воды превращались в тысячи сверкающих ожерелий, исчезающих в глубине искусственного озера. Эта очаровательная забава оказывается возможной благодаря постоянному сильному напору воды из озера Фатеха. В парке били еще десятки других фонтанов.

Я с удовольствием остался бы здесь до вечера, но тогда у меня не осталось бы времени увидеть другие удайпурские достопримечательности. В отель мы возвращались окольным путем, минуя несколько озер и каналов. После обеда меня ждала прогулка по главному озеру Пичола и осмотр двух замков на озере.

На этот раз моему почтенному вознице не пришлось ехать далеко. Под стенами дворца махараны он привязал свою лошадку к тумбе и пошел вместе со мной, спотыкаясь на неровно мощенной набережной. У мола уже тарахтела моторная лодка.

К сожалению, у ближнего и самого красивого дворца посреди озера «Джаг нивас» лодка не делает остановку, а направляется прямо к самому дальнему острову. Я утешал себя мыслью о том, что во дворец меня все равно бы не пустили, так как сейчас его перестраивают под роскошный туристический отель. Конечно, можно посмотреть на дворец хотя бы со стороны.

Мраморные стены дворца «Джаг нивас», названного так в честь махараны Джагат Сингха, появились словно из глубин озерных вод. Впечатляла ажурная отделка мраморных окон дворца, замысловатые арабески решеток которых покрыты цветными стеклышками. Разноцветный полумрак дворцовых покоев, видимо, был создан для игр и отдыха жен махараны и наложниц. Утомленные летней жарой, придворные красавицы приплывали сюда, чтобы среди прохладных вод озера предаваться праздности.

Примерно через полчаса мы пристали у островного Дворца, также носящего имя махараны Джагат Сингха. Дворец «Джаг мандир» («Храм Джага») не может [185] похвастаться тем изысканным великолепием, которое присуще его младшему брату—дворцу «Джаг нивас». Зато он прославился тем, что в нем нашел безопасное прибежище принц Хуррам, бежавший от гнева своего могущественного отца Джахангира. Позднее принц сменил отца на престоле Могольской империи и правил под именем Шах-Джахан. Небольшой дворец, в котором жил принц, построен из охристого песчаника, однако верхние этажи удивляют дорогостоящей облицовкой из мраморных плит. Орнаменты на плитах, выложенные цветными полудрагоценными камнями, напоминают орнаменты Тадж-Махала, но отличаются от них индуистскими мотивами. С круглой веранды дворца открывалась неповторимая картина широкого голубого озера. Оно лежало передо мной, прижатое к клину слегка холмистых вершин и окаймленное гхатами, вишнуитскими храмами и дворцами махараны. По преданию, это огромное, более десяти квадратных километров, озеро было создано неким банджарой —

странствующим купцом — в конце XIV столетия.

Раздался сигнал со стоящего у причала и готовящегося отплыть назад в город катера. Еще раз я окинул взглядом места, где еще в прошлом веке свободно бегали тигры, леопарды и кабаны, и стремглав кинулся к молу. Только бы успеть на отходящий катер. Я прыгнул на твердую лавку судна, когда от берега нас уже отделяла широкая полоса бурлящей воды.

Следующий день — воскресенье, значит, все желающие могут бесплатно осмотреть интерьер дворца махараны. Я пришел сюда раньше всех, и мне пришлось ждать, когда откроют ворота во дворец. Однако ожидание для меня не было тягостным, так как я имел возможность наблюдать за туалетом слона. Как раз передо мной чистили скребницей огромного толстокожего слона из стада, принадлежащего махаране. Сегодня этот слон будет возить американских туристов. Его поставили на гранитную площадку и направили на него сильную струю воды из шланга. Но, видно, такого купания ему недостаточно, поэтому перед слоном поставили еще бочку, из которой он хоботом черпал воду и обливал себя сам. Когда ему это надоело, люди стали тереть его пучками соломы. После того как купание слона закончилось, погонщик взял миску с ореховым маслом и тщательно натер ему голову и огромные уши. Слон уже достаточно опытен, чтобы понимать, что голова — самая [186] чувствительная часть тела, и поэтому послушно держит ее, когда ему надевают прошитую золотом шапочку. Затем слону начистят до блеска латунные коронки на подпиленных клыках, через спину перекинут парчовую накидку, укрепят на ней хоудах — открытые носилки — и пошлют на работу.

Наконец ворота в городской дворец махараны открыли. Говорят, это самая большая царская резиденция во всем Раджастхане. Однако должен признаться, что дворец не произвел на меня сильного впечатления. Полукилометровое скопление дворцовых строений выглядит, правда, импозантно, но с художественной точки зрения дворец и его отдельные части нельзя даже сравнить с раджпутскими замками, которые я видел в пустынных областях западных районов Раджастхана. С конца XVI века, когда была создана самая древняя часть дворца Радж анган — «Королевский двор», — каждый правитель оставлял после себя какую-нибудь пристройку, так что архитектурные стили различных эпох взаимно перекрывают друг друга.

Я присоединился к группе текстильщиц, которым фабричный профсоюз организовал воскресную автобусную экскурсию. В своем рассказе гид не забывает подчеркнуть, что, благодаря мероприятиям индийского правительства, махараджи потеряли свою былую власть. Были отменены и княжеские пенсии. Затем гид провел нас во дворец, рассказал о царских покоях с нежными названиями и оставил одних, чтобы мы могли осмотреть все не торопясь. Кроме традиционного Зеркального зала есть также и Манак махал (Рубиновый зал), а за ним Чхоти читрасали (Малая картинная галерея), с представленными в ней раджпутскими героями и превосходной стеклянной мозаикой, изображающей павлинов. В другом крыле дворца находится Китайская картинная галерея, украшенная небольшими китайскими изразцами.

К концу экскурсии я стал нетерпеливо поглядывать на часы: в 11 часов от Солнечной башни, расположенной в раскинувшемся внизу городе, отходил автобус до Читоргарха. К счастью, я не опоздал, устроился на сиденье рядом с

водителем и по дороге все пытался представить себе самую большую и известнейшую раджпутскую крепость.

Вероятно, мне надо было начать свое нынешнее путешествие с этой крепости, так как она намного древнее [187] Удайпура. В Читоре были резиденции известных предводителей раджпутской военной конфедерации. Увидев в нашествии Тимура на Индию удобный момент для свержения ненавистного мусульманского господства, раджпутские полководцы выступили против ослабленного Делийского султаната, а заодно и соседних мусульманских правителей Джаунпура, Гуджарата и Мальвы.

Раджпутские воины боролись за свободу с переменным успехом. Три раза они были побеждены: сначала в 1303 году делийским султаном Ала-уд-дином, затем гуджаратским султаном Бахадур-шахом и, наконец, Акбаром. От последнего поражения они так и не смогли оправиться. Их крепость осталась лежать в руинах, раджпутское объединение распалось, а столицей Мевара стал Удайпур.

С первым поражением раджпутов от делийского султана Ала-уд-дина связана романтическая легенда, ставшая основой для многочисленных поэтических и прозаических произведений индийской литературы.

У раджпутского правителя Читора Бхим Сингха была красавица жена. Благодаря своей красоте и нежности она получила имя Падмини («Лотос»). Слух о ее необыкновенной красоте быстро распространился по всей Индии. Услышал о ней и делийский султан Ала-уд-дин и решил взглянуть на прелестную рани. Он собрал большое войско и выступил против Читора. Однако раджпуты были неустрашимы и отважны. Они стойко защищали крепость, и уже казалось, что султану придется уйти несолоно хлебавши.

Когда мусульманам надоело осаждать крепость, Ала-уд-дин решил выманить раджпутскую княгиню хитростью. Он объявил, что прекратит осаду и уйдет всей армией, если рани разрешит хотя бы взглянуть на нее. В противном случае султан пригрозил предпринять решающую атаку и разрушить крепость. Падмини, поразмыслив, решила впустить султана в крепость, и даже в свой дворец. Однако султан смог увидеть лицо княгини лишь через двенадцать хитроумно установленных зеркал. Тем не менее ее красота так обворожила султана, что он решил заполучить красавицу во что бы то ни стало.

Когда рана Бхим Сингх провожал гостя до крепостной башни, султан подал сигнал своим воинам, и те, неожиданно выбежав из укрытия, захватили в плен раджпутского правителя. Затем последовало предложение [188] обменять князя на княгиню. Падмини согласилась прийти в лагерь султана со своими служанками, но лишь при одном условии, что ей в последний раз дадут возможность увидеть своего любимого супруга.

Султан сделал все так, как она просила. Красавица в сопровождении скрывавших свое лицо служанок пришла в лагерь султана. Но в тот момент, когда к Падмини привели ее плененного супруга, она вскочила на стоящего рядом вороного коня, за ней вскочил в седло Бхим Сингх, а придворные дамы вытащили мечи и бросились на ничего не подозревавшего неприятеля. Как оказалось, дамы были не дамы, а отряд отважных раджпутских воинов, которые обеспечили царственным супругам возвращение в крепость.

Султан пришел в такую ярость, что поклялся стереть Читор с лица земли. Благодаря своей большой и сильной армии ему это и правда удалось. Однако красавицу рани он так и не заполучил. Увидев, что все потеряно, она приказала развести костер в самом глубоком подвале крепости и взошла на него вместе со всеми своими служанками. Ее супруг и другие воины облачились в шафранового цвета одеяния и предприняли последнюю отчаянную атаку. В жарком бою они нашли героическую смерть.

Преемник Бхима Сингха, рана Хамир Сингх, изгнал мусульман и восстановил индусскую военную конфедерацию. Во время правления раны Санги меварское княжество достигло вершины своей славы. Оно захватило соседние мусульманские земли и доблестно отражало атаки делийских султанов. Лишь в XVI веке княжество стало распадаться. Началась междоусобная война, от раджпутского союза отошел могущественный Марвар, и ослабленное раджпутское войско стало терпеть одно поражение за другим от армий мусульманских правителей. В конце концов им все-таки пришлось подчиниться Великому Моголам.

Пока я мысленно перебирал волнующие события меварской истории, на горизонте показался силуэт длинной крепостной стены. Автобус свернул с главной дороги и вскоре остановился на площади читоргархского вокзала. Я сразу же направился к камере хранения и сдал свой саквояж, чтобы не носить его повсюду за собой. Когда я снова вышел на привокзальную площадь, то почти все тонги уже разъехались. Осталась лишь одна, самая неповоротливая и тяжелая. В нее были [189] запряжены две тощие клячи, а возница хотел получить двойную плату за проезд.

У меня не было желания ждать другую тонгу, и я нанял эту до конца дня. Кроме того, мне наверняка пригодится прочная крыша, так как ветер поднимал облака пыли, а на небе собирались дождевые облака. Действительно, не успели мы дотащить до могучих крепостных стен, семь раз опоясывающих вершину, длиной пять километров и шириной примерно один, по крыше забарабанили первые тяжелые капли дождя.

Благодаря хорошей организации водоснабжения крепость была практически неуязвимой. Из каменных коровьих пастей под вершиной скалы льется кисловатая минеральная вода. Здесь бьет довольно мощный источник. Этой воды хватало не только для защитников крепости, но и для скота и орошения небольших полей, расположенных между крепостными стенами. Во время нашествия Ала-уд-дина воду, по преданию, распределяла сама правительница со своими придворными дамами. В память об этом здесь иногда можно увидеть какую-нибудь девушку или женщину из близлежащего городка, приветствующую паломников и предлагающую им освежающей глоток воды.

Сегодня там хозяйничала красивая девушка в широкой юбке в складку и в большом оранжевом платке на голове. Увидев перед собой иностранца, она на мгновение смутилась, но тут же нагнулась и налила в латунную кружку теплую минеральную воду. Перед входом в подземелье, в котором, по преданию, Падмини взошла на костер, девушка нанесла мне на лоб прохладное пятнышко из сандаловой пасты. В благодарность я сложил на груди руки и схватился за фотоаппарат, чтобы увековечить красавицу, но не успел я нажать на затвор аппарата, как рядом раздалось грозное предостережение двух статных

раджпутов, вероятно супруга и брата.

Желание фотографировать у меня сразу же пропало, и я предпочел перейти к осмотру высокой башни. Это Джайа-стамбха («Победная колонна»), поставленная читорским раной Кумбхой в честь его победы над соседней мусульманской Мальвой. Нечто подобное предполагали соорудить и предшественники Кумбхи, которые за триста лет до него на самой вершине крепости возвели Крити-стамбху («Колонну славы»). Так как колонну строили джайнские мастера, то и украсили они ее вместо фигур индуистских божеств скульптурными изображениями [190] джайнских тиртханкаров, которые должны были указывать им путь к славе и спасению.

На обратном пути я осмотрел небольшой живописный храм, поставленный в честь глубокой преданности богу Кришне супругой раны Кумбхи, известной поэтессой Мира-баи. Здесь же, рядом с храмом, стоит легендарный дворец Падмини, не потерявший своей величественности и после того, как превратился в развалины. Тонкая резьба дворцовых порталов, отражающаяся в прямоугольном озере, еще и сегодня дает возможность представить, каким красивым был дворец, пока его не разрушил султан Ала-уд-дин.

В царственных покоях я оказался в полумраке. Наступил вечер. Возница нетерпеливо переступал с ноги на ногу, предчувствуя, что ему придется гнать своих гнедых рысью, чтобы я мог успеть на скорый ночной поезд до Джайпура. Не успели мы пройти через все семь башен, как на землю опустилась темнота. Однако кони летели так, словно спорили с ветром. Когда тонга влетела на привокзальную площадь, поезд уже стоял у платформы.

Слома голову я кинулся в камеру хранения за саквояжем, а затем стремглав бросился на поиски бронированного места в купе второго класса. Но вот как попасть внутрь вагона? Поезд составлен из вагонов старого типа, особенностью которых является отдельный вход в каждое купе. А ночью все двери, конечно, закрыты на крючок. Ведь не зря железнодорожное управление предупреждает пассажиров никому не открывать двери.

Достучаться до закрывшихся любителей поспать, видно, было не в моих силах. Забаррикадированная дверь приоткрылась лишь после того, как я убедил начальника поезда применить весь его служебный авторитет, чтобы помочь мне занять бронированное место. В купе со всех полок на меня устремились неприветливые взгляды. Увидев, что на одной из верхних полок никого нет, я взобрался на нее и тут же скатился вниз. Оказывается, там лежал огромный погребальный венок.

Христианин, везущий венок на похороны родственника в Дели, любезно снял его и поставил на пол, однако мне уже расхотелось лежать на той полке. В конце концов усталость все-таки взяла свое и я заснул, чтобы живым и здоровым проснуться солнечным утром в Адждмере, городе паломников. [191]

Шейх под неприступной горой

Несмотря на то что солнце уже взошло, я совсем продрог от утренней прохлады и предпочел встать, чтобы хоть немного согреться. В купе все еще спали и было достаточно места, чтобы несколькими упражнениями разогнать кровь в

закоченевшем теле и освежиться глотком чая из термоса, наполненного еще в Читторгархе.

Затем я с нетерпением стал выглядывать из окна, чтобы увидеть, когда же к нам слева присоединится главная раджастанская колея, на которой и лежит цель моего путешествия. Поезд, отрывисто сигналив, мчался через узкую мелкую ложину, переходящую в открытую равнину, усеянную красным цветущим кустарником. Хребты гор Аравали остались далеко позади, и по обе стороны железной дороги теперь поднимались лишь одинокие, но крутые холмы.

В поле уже потянулись друг за другом первые группки женщин в ярких ниспадающих до земли одеяниях. Красно-желтую симфонию красок дополнял пышный наряд больших зелено-голубых павлинов, прохаживающихся между зеленеющими всходами так важно, словно они знали, что здесь, в Раджастане, их считают самыми святыми птицами: согласно индуистским легендам, они возили на себе богиню мудрости Сарасвати.

Между лоскутами полей бежала из Фатехпур Сикри старая императорская дорога, вдоль которой на расстоянии одного коса, равного приблизительно трем километрам, установлены каменные башенки кос-минары. Их приказал поставить здесь Акбар, часто отправлявшийся в паломничество в Аджмер, чтобы поклониться могиле известного исламского мистика шейха Муин-уд-дина Чишти.

Лучи утреннего солнца отражались от голубой поверхности озера Ана Сагар, взбирались по красноватым стенам Тарагарха («Звездной крепости») высоко на скалистую вершину, а оттуда соскальзывали по позолоченным вершинам куполов и башен, украшающих мечети, вниз, в город. Мы въехали в Аджмер.

Своим именем Аджмер обязан именно этой скалистой вершине, венчающей стратегически важную крепость. В стародавние времена ее называли Аджайа меру — «Неприступная гора». Неприступной, однако, крепость оставалась лишь до прихода мусульман, т. е. примерно до начала XI века. Она была покорена завоевателем [192] Махмудом Газневи, а после него еще многими другими мусульманскими правителями Индии. Правда, когда мусульманские армии покидали Аджмер, крепость снова переходила в руки индуистских правителей.

Город Аджмер образовался из небольшого селения, выросшего рядом с крепостью. Произошло это во время правления чауханского правителя Аджая раджи. Тогда Аджмер украсился многими красивыми постройками и дворцами и стал центром большого государства Аджая раджи. Уже в то время Аджмер играл значительную роль в политической жизни Индии. Он часто был непосредственно связан со столицей империи. Император Акбар, должным образом оценивший его стратегическое значение, присоединил Аджмер к своим провинциям в самом начале своего долгого и благотворного правления. Акбару показалось недостаточным, что крепость была завоевана и передана наместнику, он приказал построить в ней императорский дворец, который затем стал временной резиденцией императора. Его сын Джахангир также любил часто бывать в Аджмере. Здесь он даже принимал верительные грамоты из рук первого британского посла сэра Томаса Ро, которого в 1615 году направил к индийскому двору английский король Яков I. О колониальном аппетите англичан свидетельствует то, что двумя столетиями позднее, на основе соглашения с тогдашним раджей Даулат Рао Синдия, они взяли правление Аджмером в свои

руки.

Поезд остановился на первой платформе большого вокзала. Выйдя из поезда, я первым делом стал искать камеру хранения, чтобы избавиться от своего скромного багажа, а потом устремился к привокзальному ресторану, чтобы утолить голод. «Столовая для плотоядных» (так дословно можно перевести эту надпись) еще была закрыта, но в вегетарианском буфете, расположенном рядом, мне любезно предложили традиционный омлет с луком и чай. Теплая еда меня немного согрела и укрепила во мне решимость за несколько часов осмотреть в Аджмере все, что может представлять какой-то интерес.

Так как в Аджмере знакомых у меня нет, я должен был позаботиться о себе сам. Я вышел на привокзальную площадь, чтобы найти какое-нибудь средство передвижения. Видимо, придется нанять тонгу, подумал я, ведь велорикш и такси в городе нет. Я сделал шаг по направлению к выстроившимся друг за другом [193] тонгам, и ко мне, словно на редкостную добычу, со всех сторон бросились извозчики. Их напор был настолько силен, что мне пришлось искать убежище в первой попавшейся тележке. Я вскочил в тонгу, а ее владелец стал лупить во все стороны кнутом, и, прежде чем я успел договориться с ним о цене, мы выехали с привокзальной площади на улицы города. Конечно, я совершил оплошность, ведь теперь мне придется заплатить столько, сколько с меня потребует извозчик.

От вокзала до озера Ана Сагар буквально рукой подать. Я решил осмотреть его в первую очередь. Романтическая легенда гласит, что это озеро было создано в XII веке чауханским правителем раджей Ана, в честь которого оно и получило свое имя — озеро Аны. Говорят, в этом месте он одержал победу над мусульманами и уничтожил здесь столько врагов, что поле боя пропиталось кровью. Чтобы очистить предместье от ужасных последствий битвы, раджа приказал построить на реке Чандре, истоки которой находятся в лесах, рядом с индуистским священным городом Пушкар, плотину, благодаря которой вся долина наполнилась святой водой, и таким образом искупил свою вину.

Так или иначе, но достоверно известно лишь то, что Великие Моголы, захватив Аджмер, нашли здесь и плотину, и большое озеро, приносящее сухому аджмерскому краю настоящую благодать. В свою очередь, мусульмане укрепили плотину озера, обложили его камнем и на левом берегу построили мраморную балюстраду со смотровыми павильончиками и местами для отдыха паломников.

Мартовское солнышко стало припекать, и я с удовольствием отправился на прогулку по набережной. Порывы восточного ветра приносили запах гнивающей ряски и шелест тростника. То тут, то там из тростника вылетала, грузно хлопая крыльями, белая цапля. Она тут же планировала на воду, чтобы успеть полакомиться рыбкой до того, как ее схватит стремглав падающий морской орел, гнездящийся на голых ветвях могучего дуба. Говорят, иногда здесь можно увидеть и бакланов, и других редких водоплавающих птиц, останавливающихся во время перелета. Вот только фламинго уже увидеть не дано, хотя еще император Шах-Джахан любовался красотой их розовых перьев.

Полированный мрамор отражал стрелы солнечных лучей настолько резко, что у меня появилась резь в [194] глазах. Чтобы дать им немного отдохнуть, я перевел взгляд на зелень и сошел на несколько ступенек вниз к геометрическим рисункам могольского сада с возвышенным названием Даулат багх («Парк богатства»).

Канавки с кристально чистой водой пересекали небольшие клумбы с цветущими розами, углы которых ограничены хрупкими кипарисами. Вода в канавках журчала здесь так же игриво, как и во времена императора Шах-Джахана. Сегодня, однако, Даулат багх приносит радость не маленькой горстке избранных, он стал любимым местом отдыха всех жителей города.

Такой же парк пришелся бы к месту и в другой части города, в первую очередь там, где в беднейшем квартале у подножия горы Тарагарх возвышаются стены одной из самых больших мечетей в Индии. Первоначально там стоял джайнский монастырь, но во время нападения на Аджмер Мухаммеда Гури в конце XII в. он был разрушен. Наместником Мухаммеда Гури в Индии стал Кутб-уд-дин Айбек. В 1206 году он вступил на престол и стал первым правителем Делийского султаната. Кутб-уд-дин Айбек умер в 1210 году, после того как упал с коня во время игры в чауган (поло). За время своего короткого правления первый делийский султан мало что успел сделать для расширения границ своего государства, но две выстроенные им мечети — одна в Дели, другая в Аджмере — свидетельствуют, по словам историков, о его приверженности к исламу и любви к искусству.

Во время перестройки джайнского монастыря в Аджмере Кутб-уд-дин Айбек приказал пристроить к колонному залу высокий массивный фасад с семью остроконечными арками, благодаря чему строение приобрело вид мусульманской мечети, не потеряв при этом гармоничной простоты первоначальной постройки. О невиданной быстроте, с какой работали султанские мастера в Аджмере, вспоминали так долго, что из разговоров возникла легенда о таинственных силах, создавших мечеть за неполных три дня. После того как какой-то кающийся грешник построил здесь келью, мечеть стали называть не иначе как Архаи дин ка джхонпра («Обитель двух с половиной дней»). Обыватели твердо верят, что мечеть построили добрые джинны с помощью ангелов и дьяволов. Может быть, поэтому ее никто не посещает. Высокие фасадные арки мечети не оглашаются эхом молитв по пятницам, а рельефные ленты цветистых арабских [195] надписей тщетно разматываются от одной стойки к другой, чтобы напомнить верующим вечные истины Корана.

Люди избегают мечеть Кутб-уд-дина, наверно, еще и потому, что она выглядит настолько строгой и величественной, что, кажется, не может быть делом рук простых смертных. Верующие предпочитают посещать более простую, но во многом более уютную святыню, выросшую у могилы одного из самых известных мистиков исламской Индии — шейха Муин-уд-дина Чишти. Ведь шейх был таким же человеком, как и они, и лишь благодаря своей исключительной духовной силе и способности сосредоточиться он смог добиться особой милости божьей и теперь защищает их интересы перед самим Аллахом.

Исламский мистицизм, или суфизм (от арабского слова суф — «грубая шерсть», из которой мистики-аскеты ткали одежду), образовался уже во втором столетии существования ислама. Суфизм проповедовал необходимость чувственного слияния с божеством и подчеркивал скорее любовь к Аллаху, нежели страх перед ним, скорее искреннюю личную преданность богу, нежели поверхностное соблюдение религиозных предписаний. Основа суфизма была заложена в народном движении, направленном против окостеневших догматов официального ислама, поддерживавшего господство духовенства и сильных мира сего. Движение ширилось, как лавина, главным образом благодаря тому, что

приверженцы суфизма не искали лишь чистой связи с богом, а прежде всего выступали за справедливый порядок уже на этом свете.

Последователи суфизма верили, что никто не может достигнуть спасения и полного соединения с Аллахом без помощи духовного вождя муршида, который, в свою очередь, обладает достаточной духовной силой, чтобы помогать своему ученику — муриду. Муршидам, или пирам, то есть старцам, часто приписывали сверхъестественные способности, как и христианским святым. Когда муршид умирал, его почитали как настоящего святого, а его могила становилась общепризнанной святыней. Место муршида занимал его сын или самый способный из учеников. Ученик, достигавший высшей ступени знаний, мог идти в мир проповедовать тарику — другими словами, мистический путь своего учителя, и привлекать к нему новых последователей. Таким [196] образом, в Иране и в Индии постепенно создавалась целая сеть суфийских монашеских братств.

Из прямых потомков или духовных преемников большинства святых, главным образом миссионеров, обращавших широкие массы в свою веру, образовались своего рода династии святых. Муршиды, как правило, наследовали не только мистические идеи своих предшественников, но и их имущество. За это каждый из них должен был развивать учение основателя ордена и заботиться о его гробнице, которую называли даргах (от персидского слова дар — «дверь» и гах — «место»).

Аджмер может похвастаться самым знаменитым во всей мусульманской Индии даргахом. В нем покоится основатель индийской ветви суфийского ордена Чиштия шейх Муин-уд-дин (1142—1236). Уже сама почетная приставка к его имени Афтаби Мулк-и Хинд («Солнце Индийской империи») дает представление о его принадлежности к самым выдающимся индийским святым. Муин-уд-дин родился в иранском Систане, много путешествовал по тогдашнему мусульманскому миру и на переломе столетий обосновался в Индии, чтобы проповедовать здесь мусульманскую веру. Он выбрал Аджмер потому, что близость к нему центра индуистского паломничества Пушкар давала возможность обращаться в ислам именно этих, самых твердых, раджпутанских индусов. Легенды о чудодейственной силе Муин-уд-дина быстро разнеслись по всему краю, а после его смерти они привлекали к его гробнице паломников со всей Индии. Годовщина его смерти до настоящего времени отмечается помпезным храмовым праздником урс — «обручение», «соединение святой души с богом». Этот праздник проводится с первого по шестой день мусульманского месяца раджаб. В это время Аджмер посещают сотни тысяч паломников, не только мусульман, но и индусов.

Несмотря на то что раджаб наступит почти через месяц, я с большим трудом пробирался сквозь толпы почитателей святого, направлявшихся по узенькой улочке к башне мавзолея. Ветхие глиняные и кирпичные домики бедных мусульман с обеих сторон жались вдоль стен священного даргаха, словно желая найти у них защиту. Кто бы мог подумать, что в этот захолустный городишко совершали паломничество всесильные императоры, здесь они молили защитника мусульманской Индии принести им успех и счастье, и тут же, в Аджмере, рождались могольские принцы и принцессы. [197]

Я прошел высокой входной башней и оказался на широком дворе. Здесь мне сразу же бросились в глаза два огромных железных котла, установленные на круглом ступенчатом каменном основании, под которым был скрыт могучий очаг.

Верхняя ступень образует около края котлов узкую галерею. По ней, говорят, ходит повар с длинной деревянной мешалкой — половником и помешивает содержимое котлов.

Сначала я подумал, что в котле варят пищу для паломников, однако один из хранителей гробницы рассеял мое заблуждение.

— Есть у нас такой обычай, — объяснил он. — Богатый мусульманин во время своего первого посещения даргаха дает деньги на приготовление рисовой каши с маслом и сахаром. Для вкуса в нее добавляют еще миндаль, изюм и специи. Когда каша готова, ее распределяют большими половниками между семьями потомков святого, которые живут в квартале Индаркот. Они обладают правом проводить особый обряд, который называется «опустошение котла». К сожалению, при этом они нередко ведут себя не так достойно, как бы им следовало и как заслуживала бы того память шейха. Они опустошают котел с такой воинственностью, что нередко получают больше синяков и шишек, чем каши.

Справа от котлов видна мечеть, построенная императором Акбаром, а за ней, во внутреннем дворе, небольшая, но очень красивая молельня из мрамора с одиннадцатью резными сводами, возведенная императором Шах-Джаханом. В центре другого двора скрывается сама макбара — гробница — кубическое строение из белого мрамора, увенчанное позолоченным куполом. Над одним из входов возвышается серебряный свод, крылья входных дверей также выложены искусно выгравированными плитками из чистого серебра. Небольшие боковые двери покрыты огромным количеством подков. Их прибили торговцы лошадьми в знак благодарности святому за его благословение и за возможность заключать выгодные торговые сделки во время ежегодного храмового праздника, сопровождающегося лошадиными и верблюжьими ярмарками.

У первой мраморной ступени я снял ботинки, а затем вошел в мавзолей. Внутри он так же прост и строг, как и снаружи. На каменных перилах я разжег ароматическую палочку и, в соответствии с индийской традицией, кинул горсть розовых лепестков на саркофаг, покрытый [198] вышитой зеленой парчой. Когда минутой позже я покидал святое место и в тазике для ритуальных омовений охлаждал ступни ног, обожженные во время хождения по нагретым полуденным солнцем мраморным плитам, один из муридов повесил мне на шею венок из роз. Он заверил, что цветы от соприкосновения со священным гробом приняли долю сверхъестественной силы духовного вождя и теперь будут охранять меня от злых духов.

Я направился к огороженному мраморным кружевом уголку двора, но храмовой служитель преградил мне путь. Оказывается, там под простым могильным холмиком покоится прах дочери святого Хафизы, а рядом — дочери императора Шах-Джахан. Так как при жизни они скрывались от внешнего мира, как это и подобает хорошо воспитанным мусульманкам, то и после смерти их покой не смее тревожить никто.

Я перешел к осмотру других построек. Все они отличались простотой, однако устроены так, чтобы наилучшим образом служить толпам паломников, приходящих сюда за святым благословением. По всему периметру двора протянулись вместительные мусафирханы — своего рода общежития для тысяч

людей. К ним прилегает маризхана — больница с аптекой (аптека оборудована в соответствии с исламской системой врачевания). В южном конце двора зияла глубокая джхалра — вытесанный в скале резервуар для воды, к которому вели отвесные ряды ступеней неодинаковой высоты.

Удлинившиеся тени напомнили мне, что полдень миновал и наступило время подумать о возвращении. Готовый к отправлению джайпурский автобус уже стоял на стоянке. Свободных мест для сидения в автобусе уже не было, но огромная сила бакшиша и адекватная ей помощь кондуктора втиснули меня на край переднего сиденья — и вот мы в пути.

Начало его не предвещало ничего необычного. Солнце понемногу клонилось к западу, жара спадала. Однако только я успел подумать, что мы доберемся до места по расписанию, как двигатель ужасно заскрежетал и автобус, подергиваясь, остановился. После нескольких минут напрасного ожидания пассажиры вышли из автобуса и присели на корточки на краю дороги.

Шофер копался в моторе, однако все его старания были обречены, кажется, на неудачу. Наконец он сдался, закрыл капот и закурил. [199]

— Что будем делать? — спросил я его.

Мы оказались на полпути до Джайпура, а вечерние сумерки неотвратимо надвигались.

— Что делать? Будем ждать, — обронил шофер между двумя глубокими затычками и направился под дерево, под которым он вместе с пассажирами удобно устроился на корточках. Время от времени возле нашего автобуса притормаживал какой-нибудь грузовик, оттуда выходил шофер, подходил посмотреть, в чем дело, и, убедившись, что помочь не в силах, махал рукой и отправлялся дальше. Лишь часа через два около нас остановился автобус аджмерской компании. К счастью, он был не переполнен, и, помогая друг другу, мы кое-как втиснулись в него. Поломанную колыхагу взяли на буксир и черепашьим шагом поволокли в Джайпур.

Под покровом ночи я размышлял над, тем, что суфизм, наряду с неоспоримыми положительными моментами, принес в индийский ислам также немало отрицательных и пагубных черт. Так как учение суфизма не смогло изменить существующее положение вещей в этом мире, оно стало проповедовать его непостоянность и временность. Отсюда был один шаг к убеждению о предопределенности судьбы человека и неизменности окружающего мира. Естественно, что такие воззрения вели к пассивному отношению к окружающей жизни. Верующие переставали к чему-либо стремиться и удовлетворялись существующим положением. Идеи суфизма находили плодородную почву также и в индуистских реформистских движениях, попадавших под его влияние и небезопасно ширившихся в различных слоях индийского общества. До настоящего времени суфизм тормозит инициативу отдельных людей и существенно мешает там, где особенно необходимы энергия и энтузиазм масс.

Ночная поездка затянулась, казалось, до бесконечности. К счастью, в первом же городишке мы избавились от вышедшего из строя автобуса и предоставили его вместе с шофером их судьбе. После этого наш новый автобус поехал как-то

веселее, и все же в Джайпур мы прибыли далеко за полночь. Однако я не заметил, чтобы пассажиры были как-то уж очень расстроены этим обстоятельством. Они радовались, что вообще добрались до города.

— Вот мы и на месте, — облегченно вздохнул мой сосед, старый мусульманин. — Слава Аллаху, с нами ничего не случилось.

В долине реки Инд Татта — древняя столица Синда

«Татта славится красивыми, хорошо ухоженными королевскими садами с великолепными цветами и знаменитыми фруктами. Растут здесь самые вкусные гранаты, какие я когда-либо ел» — такое приятное впечатление о Татте осталось у английского путешественника А. Гамильтона, когда он в 1699 г. исследовал Синд — край, расположенный по нижнему течению реки Инд. В плодородной дельте Инда, всего в нескольких милях от того места, где главный рукав реки вливается в Аравийское море, путешественник нашел прекрасно отстроенный богатый город, а в нем не только оживленные базары, на которые сходились караваны со всей Азии, но и исламский университет. Его, однако, озадачило то, что каждый второй дом пустовал. Когда он поинтересовался, где хозяева этих домов, ему ответили, что незадолго до его прихода в Татте начался мор, от которого погибла половина жителей, приблизительно более 80 тысяч человек. Таким образом, нетрудно догадаться, что в конце XVII века в Татте проживало около 160 тысяч человек.

Сегодня Татта может лишь вспоминать о своей былой славе. Произошло это не только потому, что здесь проживает едва ли десятая часть бывшего населения, а вследствие того, что после одного очень сильного землетрясения Инд перенес свое русло на несколько километров в сторону, вследствие чего город с оживленной речной пристанью неожиданно превратился в сонный провинциальный городишко. В связи с падением экономического значения Татты из города ушли и феодальные правители, синдские эмиры, перенесшие свою резиденцию в новый укрепленный замок, построенный на берегу животворной реки, в быстро растущем Хайдарабаде. В Татте, однако, после эмиров и их предшественников, могольских [201] губернаторов, остались замечательные архитектурные памятники, главным образом мечети и мавзолеи, разбросанные на высоком холме рядом с сегодняшним городом.

Так как в Пакистане помимо древнего центра Лахора еще только в Татте сохранился городской исторический ансамбль, Татта в будущем может стать туристическим центром. Во время моего пребывания в Татте там еще не было ни одной туристической гостиницы и туда, как правило, отправлялись на однодневную экскурсию из Карачи. Железная дорога, связывающая север Пакистана с Аравийским морем, проходит близ Инда и находится далеко от Татты. Аэродромов поблизости также нет, так что поездку можно было совершить лишь на автомашине.

Мы поехали туда ранним весенним утром на небольшом «фольксвагене», который любезно предоставил нам один знакомый профессор. Мы двигались прямо навстречу восходящему солнцу и буквально пробивались через оживленный пригород. Вскоре мы миновали высокие антенны радиостанции, за которыми золотистыми отблесками переливалась волнующая гладь Аравийского

моря. На берегу археологи искали место, где, по данным арабских историков, в начале VIII века высадился молодой мусульманский полководец Мухаммед ибн-Касим, якобы для того, чтобы со своим войском наказать индуистского правителя Синда за его нападение на арабские торговые суда. Арабские историки аль-Истахри, аль-Идриси и другие в своих трудах упоминали о том, что мусульмане заняли пристань Дебал (или Дабул), расположенную на одном из рукавов реки Инд, по которому они могли во время приливов проплывать внутрь материка даже на больших судах. Местонахождение этой пристани до настоящего времени никто не смог точно определить еще и потому, что искаженное слово Дебал не было названием пристани, а указывало лишь на то, что в городе находилась какая-то известная индуистская святыня, обозначаемая санскритским словом девалаая. Многие исследователи предполагают, что древний Дебал находился на месте сегодняшней Татты.

Мы быстро проехали стокилометровый путь по гладкому асфальтированному шоссе, и вот нашим взорам в неглубокой долине открылись небольшие ряды серых глиняных домиков — провинциальный город Татта. Где же тот мавзолей, ради которого мы сюда ехали? Наконец [202] показался и мавзолей; он расположен на небольшом холме слева. Прикрытый развалинами кирпичных и каменных стен, он стоял в тени могучих кактусов, которые в это время года цветут небольшими красными цветами.

Мы свернули на пыльную узкую дорогу, ведущую прямо в глубь величественных развалин, и остановились, завороженные открывшимся нам зрелищем. Нас поглотила глубокая тишина, царившая в месте самого большого захоронения, которое вообще можно себе представить. Холм Макли (он назван так в честь знатной дамы, похороненной в самой древней гробнице в 1410 году) скрывает в себе более 100 тысяч могил и может гордиться десятками мавзолеев разных эпох. Правда, это вовсе и не холм. Вокруг Татты простирается пустынная аллювиальная равнина, в которую вклинивается полоса третичных известняковых скал, тянущаяся с севера на юг на протяжении приблизительно двадцати километров. Северная часть скалистого пояса не достигает высоты и тридцати метров над уровнем моря, зато по всей его ширине расположены всевозможнейшие виды могил, от простых, почти невидимых, могильных холмиков и более заметных каменных гробниц вплоть до пышных мавзолеев из могучих серо-желтых песчаниковых плит.

Большинство мавзолеев относится к сравнительно короткому историческому периоду в 150 лет XVI—XVII века, когда здесь правили последние независимые государи Синда, а затем господствовали могольские губернаторы. В первые годы существования Делийского султаната в XIII веке правление областью по нижнему течению Инда было в руках полузависимых правителей из династий Сумра, наместников Мультана. Позднее против них и против слабеющей центральной власти чужеземных султанов в Дели выступили местные раджпуты из рода Самма. Они приняли ислам и удерживали власть в течение почти двух столетий. Расцвет их государства приходится на время правления Низам-уд-дина (1461—1509), известного своей справедливостью, примерной жизнью и заботой о подданных. Народные баллады до настоящего времени воспевают добрые деяния благородного государя, Джама Ниндо, как его называли, и рассказывают о его романтической любви к Нури, прекрасной дочери рыбака, с которой в жаркие вечера он любил кататься на лодке по озеру, покрытому [203] сегодня, как и в те времена, водяными лилиями.

После смерти легендарный правитель был похоронен в прекрасном мавзолее, который, несмотря на то что навсегда остался без купола, считается красивым и с художественной точки зрения самым ценным зданием в Тате. Это сооружение органично связывает традиции индуистской и мусульманской культур. Его проект составили мусульманские архитекторы из Турции и Ирана, а строили непосредственно индуистские мастера. Некоторые исследователи указывают именно на этот факт, когда пытаются объяснить, почему гробница осталась без купола. При этом они ссылаются на то, в те времена Синд находился сравнительно далеко от центров исламской культуры, и индуистские мастера, вероятно, не стали делать купол — чуждый элемент для индуистской культуры.

От недостроенного, но тем не менее прекрасного мавзолея на западном склоне холма почти незаметная тропинка ведет через колючие заросли кустарника к другим гробницам, мало похожим на те, которые мы видели ранее. Их архитектурный стиль заметно отличается и свидетельствует о том, лежащие в них мусульманские правители были, в отличие от предшествовавшей им местной раджпутской династии, чужаками, ворвавшимися в бурлящую политическими раздорами долину Инда из Афганистана. Вскоре после смерти Джамы Ниндо престол захватили Аргуны (1519—1554), принадлежавшие к тюркским племенам, а после них — Тарханы (1554—1625), родостовная которых велась прямо от великого завоевателя Чингизхана. В довершение всего на Тату напали португальские пираты, захватили богатую добычу и сожгли весь город. Синдские народные песни до сих пор рассказывают об ужасных деяниях алчных европейцев.

Смешанный индусско-мусульманский архитектурный стиль древних мавзолеев уступает место подлинно тюркскому стилю. Мавзолеи Тарханов похожи на каменные крепости, охраняемые по углам четырьмя круглыми башнями. Каждая архитектурная деталь их настолько среднеазиатская, что они вполне могли бы стоять в Самарканде или Бухаре. Купола некоторых мавзолеев, украшенные рядами зелено-голубых плиток, выглядят так, как будто их кто-то перенес сюда из узбекской мечети. Недалеко от правительственного дома для приезжих [204] возвышается могучий мавзолей Исы-хана Тархана II. Во время его правления Синд был завоеван императором Акбаром, присоединившим этот край к своей обширной империи (в 1592 г.).

Иса-хан стал императорским наместником, причем в своих действиях он пользовался большой свободой. Свою собственную гробницу он начал строить еще в ранние годы своего правления. Его дядя выделил ему в качестве поместных угодий несколько деревень, и доходы от одной из них на протяжении многих лет, говорят, служили источником капиталовложений в дорогостоящее строительство. Так как на посту губернатора он дожил почти до ста лет, то у него было достаточно времени и средств, чтобы помпезно ее украсить.

В нескольких шагах от гробницы Исы находится самая большая достопримечательность таттского некрополя — мавзолей тарханских женщин. Мавзолей обнесен высокой, местами уже развалившейся, стеной, которая ограждала женщин из царского рода от внешнего мира и обеспечивала им ту исключительную уединенность, какая установлена заповедями ислама. Обычно жен мусульманских правителей хоронили в царских мавзолеех рядом с супругами. Было так и на холме Макли, правда, здесь между гробами мужчин и женщин

внутри мавзолея нередко ставили небольшие перегородки. Во всей Индии вряд ли найдется гробница, в которой женщины из правящей династии были бы похоронены все вместе и отдельно от супругов. Такой посмертной привилегией могут похвастать лишь жены синдских правителей из династии Тарханов в Татте.

Время расцвета феодализма в Индии было периодом все большей эксплуатации индийских крестьян, что нашло свое отражение в архитектуре мавзолеев могольской эпохи. Помпезность этих гробниц как будто подчеркивает силу централизованной политической власти. Лучше всего сохранилась могучая гробница квадратной проекции, взметнувшаяся ввысь с вершины холма Макли. В ней укрыты останки дивана Шурфы-хана, министра шестого могольского губернатора Татты. Надпись на ней гласит, что строительство так называемого «недоступного» мавзолея Шурфа-хан закончил в 1638 г., за шесть лет до своей смерти.

Прочная кубическая конструкция и могучие цилиндрические опоры, установленные в каждом углу здания, способствовали тому, что мавзолей хорошо сохранился [205] до наших дней. Лишь светло-синяя глазурь купола немного облетела. Предшественник Шурфы-хана Гази-бег в 1613 году построил для своего отца прекрасный мавзолей, продемонстрировав при этом не меньшую помпезность и, вероятно, чуть больше художественного вкуса. Правда, он не успел привезти из чужих краев гроб отца, погибшего в афганском Кандагаре. Вход в небольшую гробницу Гази-бег украсил каменной башней с прекрасным резным порталом, на котором, кроме арабской вязи, использованы также мотивы цветов лотоса и подсолнечника.

Несмотря на то что Синд находился под властью Великих Моголов чуть более ста лет, императоры успели украсить общественными зданиями и сам город Татту. Особенно старался Шах-Джахан, которого не зря называли «королем-строителем». Шах-Джахан имел основание выделять старую синдскую столицу среди других городов. В молодости он затеял против своего отца Джахангира вооруженный мятеж, но его предали. Тогда Шах-Джахан бежал от гнева императора как можно дальше от столичного города Дели и очутился в синдских краях. Губернатор и жители Татты оказали ему тогда гостеприимство и предоставили убежище, наверное, потому, что он вызывал их симпатии, как бунтовщик против власти императора. Когда же Шах-Джахан сам стал Великим Моголом, он в 1644 г. выделил из императорской казны средства для строительства в гостеприимном городе большой мечети с обширными пристройками и сотней небольших куполов над сводами колоннады. Пакистанское археологическое управление внесло мечеть Шах-Джахана в список наиболее ценных могольских памятников на территории страны и выделило значительные средства для ее сохранения, так же как и других представляющих интерес памятников прошлого.

Крепость в пустыне

Когда руководитель пакистанского исторического общества предложил мне поехать с ним к его однокласснику, я и предположить не мог, что в дальнейшем это приведет к приглашению посетить дворец эмира и его крепость в пустыне. Тем одноклассником оказался не кто иной, как первый министр его высочества Садика [203] Мухаммеда Хана, Пятого эмира Бахавалпура, бывшего правителя самого большого княжества в Пакистане.

Территория Бахавалпура составляет ныне южную часть пакистанской провинции Пенджаб. Четверть века назад Бахавалпур был независимым княжеством. По территории и по степени важности он занимал одно из первых мест среди других 555 княжеств Британской Индии и стоял в одном ряду с Хайдарабадом и Кашмиром. Во время торжественных приемов наследный правитель Бахавалпура эмир сэр Мухаммед Садик Хан Аббаси имел право на 19 артиллерийских выстрелов. После включения княжества в Пакистан бывшие правители потеряли свою былую политическую власть и стали просто крупными землевладельцами.

Белый дворец, их главная резиденция, построен в британском колониальном стиле и расположен в огромном парке в центре небольшого городка с довольно смешным названием Дера Наваб Сахиб, что значит «Село господина наместника» на главной железнодорожной магистрали Карачи — Лахор. Другие дворцы, не менее комфортабельные, украшают близлежащий Бахавалпур — столицу княжества. Они предназначались для проведения торжественных мероприятий и поселения в них важных персон. Самые красивые дворцы носят такие поэтические названия, как, например, «Сад блаженства», «Обитель лотосов». В других, менее заметных, с очаровательными павильончиками из розового песчаника, ранее находились княжеские гаремы. Неглубокие водоемы, взятые в гранитные кружева, уже не принимают более в себя серебряные струи фонтанов, окроплявших стройные фигуры придворных красавиц. Фонтаны пересохли и засыпаны песком. Некогда сверкавшие парадностью и роскошью дворцовые покои теперь запущены, и провинциальная администрация использует их под склады или конторы.

Всем дворцам в Бахавалпуре не более ста лет. Эмиры предпочитали жить в своих резиденциях, расположенных в пустыне. Они построили их несколько. Среди них были большие и малые, от могущественных крепостей до незначительных пограничных укреплений, и задачей их была охрана княжества от наездов воинственных раджпутов. Самой значительной, а также и самой крупной резиденцией была крепость Деравар, свидетельница торжественных коронаций бахавалпурских эмиров и место их погребений. [207]

Княжеское приглашение заставило ждать себя довольно долго. Мы с женой получили его лишь в конце апреля, когда ртутный столбик термометра днем поднимался уже до 45° градусов в тени, а ночью не желал опускаться. Покидая Карачи и отправляясь в путешествие длиной почти 900 километров, мы были полны сомнений: нужны ли нам какая-нибудь экипировка и запасы продуктов и воды, ведь мы окажемся в пустыне в самое жаркое время года и будем полностью зависеть от гостеприимства незнакомого эмира...

Несмотря на то что друзья отговаривали нас от поездки, мы решили все-таки воспользоваться полученным приглашением и рискнуть. Мы не могли предусмотреть всех тех испытаний, которые ждали нас во время путешествия, и, чтобы встретить их со свежими силами, купили, в виде исключения, билеты в кондиционированный вагон чанабского экспресса. Правда, они стоили почти в три раза дороже, чем билеты второго класса, которым мы обычно путешествовали, зато в кондиционированном вагоне не только прохладно, но и, что очень важно, чисто. Вагон герметически закрыт, и песочная пыль, покрывающая по всей трассе железнодорожное полотно, не проникает внутрь. По достоинству это может

оценить лишь тот, кто имел удовольствие путешествовать на большое расстояние пустынными областями в открытом вагоне. Через полчаса вас покрывает толстый слой серо-желтой пыли, от которой нестерпимо болят глаза, щекочет в носу и першит в горле.

Во французском вагоне с кондиционером мы по крайней мере могли хорошо отдохнуть в пути. Перед Хайдарабадом, уже в темноте, мы переехали по длинному мосту широкий поток Инда и оказались в плодородных равнинах Синда, которые сопровождали нас вдоль левого берега реки всю ночь.

Проснувшись утром, мы увидели, что наш поезд уже пересек границу бывших княжеств. Справа к железнодорожной колее подступали белые дюны пустыни, а слева нас приветствовали пальмы. Они словно островок стояли на краю полей, через которые проходил оросительный канал, связанный с Индом, протекающим неподалеку. В одиннадцатом часу скорый поезд приостановился на открытой платформе небольшой деревенской станции.

Кроме нас, никто на остановке, кажется, не выходил, и к нам сразу же подбежали двое мужчин, облаченные [208] во все белое, с красными фесками на головах. Старший из них представился как личный секретарь его высочества, младший без слов подхватил наш небольшой багаж и понес его к черному американскому лимузину, стоявшему на привокзальной площади. Из машины вышел почтенного вида старец с белой бородой. Это Мустафа — личный водитель старого эмира. Как и все остальные служащие дворца, он был одет в белую униформу с красной феской.

Секретарь попросил нас немного подождать и скрылся в какой-то привокзальной пристройке. После томительного ожидания я направился за ним. Пройдя через ворота, я остановился перед двумя княжескими вагонами: зеленого и золотистого цветов. Один служит спальней и столовой одновременно, а другой — салоном. Раньше эмир имел право бесплатно прицепить свой личный вагон к любому поезду в любом месте государства. После потери всех княжеских привилегий блестящие вагоны остались здесь навечно как воспоминание о былых временах.

Тем временем секретарь связался по частной телефонной линии с дворцом и сообщил, что гости приехали. Через несколько минут лимузин с кондиционером уже мчался по дороге, по обеим сторонам которой взметнулись к небу стройные пальмы. На них созревали великолепные финики. Мы миновали небольшой городок Ахмадпур, улицы которого заполнены лавочками с хрупкими изделиями бахавалпурских гончаров; затем оставили позади несколько казарменных строений и деревянные домики бедного базара; проехали между высокими глиняными стенами, повернули направо, затем налево и неожиданно, словно по мановению волшебной палочки, перед нами выросла высокая красивая башня.

Тяжелые кованые ворота вели в дворцовый сад эмира и дальше к дворцу, носящему имя Садикгарх — «Крепость верного друга». Титул «верного друга» в прошлом столетии получил за свою службу британской короне один из предков нынешнего эмира. Часовой в феске и в форме цвета хаки огромным ключом открыл кованый замок, начальник охраны подал команду «на караул!», ладони солдат звучно хлопнули по прикладам винтовок, офицерская сабля взлетела к плечу, а я тем временем быстро перебирал в памяти остатки армейских сведений о том, каким образом себя вести, когда подразделение отдает честь. Наконец нам

не оставалось [209] ничего иного, как ограничиться приветливым кивком и одарить застывшие воинские лица искренней улыбкой.

Мы въехали в сказочно красивый парк, сочная зелень которого казалась ненатуральной — так она контрастировала с пыльными глинобитными улочками деревни. От башни к главному входу ослепительно белого дворца тянулась пальмовая аллея. Здание дворца построено в 80-х годах прошлого столетия в стиле европейского классицизма в сочетании с индо-персидскими элементами.

Машина бесшумно проехала мимо дворца по ровным каменным мостовым, проложенным среди буйной зелени возле небольших с водяными лилиями озер, и, минуя еще несколько крепостных башен, остановилась на поляне фруктового сада. Мы оказались у меньшего по размерам, но не менее помпезного дома для гостей. Из него выбежал целый рой одетой во все белое прислуги. Он подхватил наш багаж, скромный вид которого привел много повидавших слуг в явное недоумение. В их сопровождении мы поднялись в обставленную викторианской мебелью высокую спальню с небольшими окнами под потолком для лучшей вентиляции.

Чуть позже в комнату вошел организовавший наш визит полковник Хашими, бодрый старый господин с венком серебристых волос и пронзительным взглядом быстрых глаз. Он пригласил нас на экскурсию по паркам и дворцам. Вместе с ним мы прогуливались по дорожкам основательно политых фруктовых садов и парков, пока не оказались возле главного дворца.

— Здесь часто сиживал его высочество эмир, — вспоминал старый министр и указывал на трон в высоком торжественном зале, украшенном венецианскими зеркалами, дорогими восточными коврами и тяжелыми хрустальными люстрами. — Но жил он здесь только с октября до апреля, а на лето уезжал в Лондон — там у него тоже был свой дворец. Ее высочество не смогла бы выдержать тут летний период, вы, вероятно, знаете, что она была англичанкой. Если какие-либо правительственные обязанности задерживали моего господина в этих местах до июня, то все переходили жить под землю.

Заметив удивление на наших лицах, он добавил:

— Вижу, вы ничего не слышали о тах-ханах. Это наши подземные покои. Пойдемте, я покажу их вам.

По широкой лестнице мы спустились на два этажа вниз и вошли в широкие подвальные покои, в которых [210] царствовала полутьма и вполне приемлемая прохлада. Подземные покои эмира были обставлены так же, как и наверху. Здесь он спал, работал и принимал гостей. Летом температура тут всегда на 10-15 градусов ниже, чем на поверхности. Когда в июне на улице 50 градусов жары по Цельсию и из пустыни Тар дует горячий ветер лу, в подземных покоях при 37 градусах вполне можно было работать.

Наступил полдень. Мы вспомнили, что приглашены к обеду и под лучами немилосердного жгучего солнца вернулись в дом для гостей. Пока у нас еще не было возможности поприветствовать нашего хозяина, вероятно, мы познакомимся с ним во время обеда.

Однако трапезная была пуста. Мы сели одни за длинный белый стол, установленный посреди просторного зала, рассчитанный на 50 гостей, и почувствовали себя полностью затерявшимися в конце стола, хотя за нашими спинами неслышно двигались четверо слуг в красных фесках. На серебряных подносах они подали на стол изысканные блюда английской и пакистанской кухни.

Самый большой сюрприз ждал нас после обеда. Когда мы отдыхали в холле, неожиданно распахнулась дверь и вошел стройный молодой человек. На нем были брюки европейского покроя и белая рубашка навыпуск. Улыбаясь, он подал нам руку:

— Приветствую вас в Бахавалпуре и заодно извиняюсь за своего брата, который вынужден был уехать в Карачи, — сказал молодой человек.

Перед нами младший брат нынешнего эмира, принц Мухаммед Мубарак Аббаси, инженер с европейским образованием, одинаково хорошо знающий геологию и агротехнику, человек, который был полон энтузиазма осуществить экономические преобразования в здешнем крае. Принц вел беседу так любезно и непринужденно, что наша скованность быстро прошла. Мы передали ему наши подарки.

— Бахавалпур уже не тот, каким он был еще во времена моего отца, — продолжал принц. — Мой брат и я теперь являемся частными лицами, а так как Бахавалпур всегда был земледельческим краем, мы должны попытаться поднять сельскохозяйственное производство на современный уровень. Сам я инженер-агроном, недавно вернулся из Австралии. Я учился там в сельскохозяйственном институте. Мне бы хотелось провести здесь некоторые [211] реформы. Мы не можем до бесконечности обрабатывать землю таким допотопным способом, как это делает до сих пор большинство крестьян. Необходимы искусственные удобрения, машины и вода, прежде всего вода. На все это потребуются большие средства, и мы должны их изыскать. Кроме того, нам приходится содержать свои дворцы и крепости. В конце концов это исторические памятники, и было бы жаль довести их до плачевного состояния. Правда, часть дворцов уже перешла в руки пакистанского правительства, которое разместило в них свои учреждения, но несколько дворцов до настоящего времени принадлежат нам, как, например, Деравар. Не подумайте, что местные земли всегда были такими безводными, какими вы видите их теперь. Еще 250 лет назад западная часть пустыни Тар была благодаря реки Хакре довольно увлажненной. Сегодня река совсем пересохла, но почва в пустыне плодородная, надо лишь ее обводнить. Потом на ней можно выращивать хлопок, сахарный тростник, масличные и зерновые культуры. Завтра вы сможете увидеть, как вокруг ирригационных каналов зеленеют сады с финиковыми пальмами, шелковицей и манговыми деревьями, в некоторых местах зимой зреют золотистые апельсины, а весной гранаты.

Мы были приятно удивлены взглядами молодого принца и его познаниями в области естественных наук что, безусловно, не часто можно встретить в Пакистан даже среди высокообразованных людей.

Не успели мы и обмолвиться о нашем желании осмотреть крепость эмира в пустыне, как принц снял трубку дворцового телефона и позвонил в княжеский гараж:

— Шоферу Мустафе подготовить легковой вездеход, запастись льдом и четырьмя галлонами питьевой воды.

Последовало короткое приказание начальнику личной охраны, лейтенанту Шаукату, организовать ужин в крепости в 6 часов вечера. Затем принц раскланялся с нами и, пожелав счастливого пути, ушел.

Несмотря на то что термометр еще показывал 115 градусов жары по Фаренгейту, то есть 45 градусов по Цельсию, мы отправились в путь. Мы удивлялись, зачем молодой офицер взял с собой огромный ключ и почему за нами ехал солдат на велосипеде. Однако все быстро выяснилось: выложенная камнем дорога кончилась у старых деревянных ворот в крепостной стене, охватывавшей [212] весь городишко. Лейтенант вышел из машины, открыл тяжелый висячий замок и вручил ключ солдату. Тот закрыл за нами ворота и вернулся во дворец с приказом ждать нас на этом же месте после 9 часов вечера.

За башней твердое покрытие кончилось, и мы поехали по пыльной дороге, окаймленной рвом, по которому подается вода для орошения небольших узких полей. Вскоре, однако, вода исчезла, а вместе с ней и пыльная зелень, а перед нами открылась бескрайняя пустыня, известная бахавалпурская рохи, скудно поросшая тернистым кустарником. Вездеход мчался по покрытым небольшой рябью дюнам. В машину через все дыры набивалась густая красноватая пыль.

Тем временем солнце стало клониться все ниже и ниже к горизонту. Вскоре от него остался лишь большой оранжевый шар. И в этот момент на фоне заходящего солнца в пустыне появился силуэт старой крепости — Деравар. Крепость стояла на небольшом холме, и была окружена могучим кольцом глиняных стен, укрепленных полукруглыми башнями. Над ними возвышались белые стены жилых дворцов.

Мы остановились перед сторожевой башней крепости. После того как лейтенант Шаукат доложил о нашем визите, тяжелые ворота, с вбитыми в них острыми железными шипами от нападения слонов, открылись, и мы внезапно перенеслись на несколько столетий назад. Навстречу к нам вышел киледар, начальник крепости, в одежде почти исторической. Он церемонно приветствовал нас в главной крепости эмиров и ввел на ее территорию.

Миновав округлые резервуары с водой, мы оказались возле следующей башни. Она стояла наклонившись так, будто была отсечена от главной стены.

— Это результат прошлогодней бури с дождем, — объяснил нам киледар. — В здешних местах дождь идет крайне редко, и строители стен, вероятно, не предусмотрели такого напора воды. Дождевые воды подмыли фундамент, и башня оторвалась от стены.

Затем киледар пригласил нас осмотреть укрепления и дворцовые покои, по крайней мере те, которые не были заняты гарнизоном крепости. Нас предупредили, чтобы мы были осторожными и, не дай бог, не провалились ненароком через какой-нибудь обветшавший глиняный потолок в каземат. Крепость несколько раз [213] перестраивалась, менялись хозяева, и никакие планы подземных сооружений не сохранились. На реставрацию крепости нет достаточных средств, и поэтому время от времени открывается вход в

неизвестные дотоле подземные просторы, о которых никто понятия не имел и не знал, куда они могут привести.

Пока мы спускались в подземелье, наш проводник рассказывал:

— Здесь есть даже несколько этажей подземных покоев. Когда-то они были великолепно обставлены. Отец его высочества и особенно его дед жили здесь со всей своей свитой во время самой сильной жары, когда наверху не могло выдержать ни одно живое существо. Теперь здесь все обветшало, а потолки обвалились.

Над нашими головами пронеслась летучая мышь, и мы невольно устремились к выходу. И без того в чадающем свете факела тут не очень уютно. Зато в надземной части крепости княжеские покои сияли во всем своем великолепии. Кругом были словно разбросаны павильончики из белого мрамора с изящно вырезанными оконными и дверными арками, выложенные внутри, по иракскому способу, разноцветными изразцами. На стенах, усыпанных крошечными зеркальцами, отражался колеблющийся свет восковых свечей. Тут покойный эмир любовался представлениями танцовщиц, в соседнем зале организовывал пиршества для охотничьих дружин, в другом — выполнял свои обязанности государя, а в самом верхнем павильоне, с широким обзором пустыни, размышлял, стоя на молитвенном коврике, о вечных истинах ислама.

Мы вошли в бала-хану, верхние покои эмира, и встали перед резной рихлой — подставкой для святой книги мусульман. Наверное, так же, как когда-то это делал покойный эмир, мы устремили наши взгляды через жерла старых бронзовых пушек на бастионах вдаль, в сторону Востока, где до бесконечности тянется пустыня Тар. Это была удивительная картина: последние отблески солнечных лучей окрашивали крепостные бойницы и стволы деревьев под нами в фиолетовый цвет, а необозримая песчаная равнина за крепостными стенами уже стала темно-голубой. Всюду властвовала исключительная тишина, не было слышно ни малейшего шороха, а разгоряченный воздух стоял, словно стена. Лишь далеко на горизонте показалась тяжелая свинцовая туча.

— Если хотите осмотреть еще старую крепость и [214] княжеские гробницы, надо спешить, так как скоро разразится песчаная буря, — вывел нас из задумчивости голос офицера.

И он проводил нас через широкий двор к крепкой, но намного меньшей крепости, расположенной в нескольких шагах от первой. В последних лучах дневного света мы осматривали резной мраморный гадди — широкий низкий трон, использовавшийся для коронаций первых эмиров. Обычно они проходили в прекрасное, но очень короткое время здешней весны, когда все вокруг расцветало и одновременно проводился так называемый джашни рохи — праздник пустыни. Он, как мы узнали, в Бахавалпуре отмечается до настоящего времени.

Внезапно налетел ветер, на почерневшем небе сверкнула зигзагообразная молния, загредел гром, и вокруг нас поднялись тучи песка. Через секунду песок заполнил все вокруг. Он кружился, хрустел и свистел вокруг нас, так что в двух шагах ничего не было видно. Песок оседал нам на волосы, бил по глазам и скрипел на зубах.

Стража зажгла старинную лампу во дворе крепости, и ее мигающее сияние сопровождало нас во время шествия по ухоженному тротуару к княжескому кладбищу. Из кустарника выскочила темная фигура часового с винтовкой: он открыл перед нами ажурную решетку, служащую входом в самый большой здешний мавзолей, в котором похоронен праотец рода эмир Бахавал Хан.

Надгробие из гладкого камня покрывала зеленая, прошитая золотом накидка. Свет серебряной чеканной лампы, установленной на ажурных перилах, пробивал красноватый полумрак и своими слегка колеблющимися лучами дотягивался до тюрбана эмира, лежащего в изголовье. Матовый занавес кружащегося песка и бледно-голубые отблески молний придавали окружающим нас предметам сказочную нереальность: создавалось впечатление, что и тюрбан начал двигаться на голове ожившей фигуры. Вместе с начальником стражи мы подошли к мраморной гробнице, развели руки, медленно подняли их на высоту плеч и вполголоса стали читать молитву по усопшему:

— Аль-хамду ли'ллах, рабби'л-аламин, ар-рахман ар-рахим... Слава Аллаху, властителю вселенной, милосердному, сострадающему, судье...

Отзвучали стихи из вводной суры Корана. Мы перешли к гробницам других правителей, рядом с которыми [215] опочила и бегам сахиба, англичанка — супруга последнего эмира. Когда мы остановились у ее надгробия, прикрытого каменным персидско-индийским балдахином, буря стала ослабевать и закончилась так же внезапно, как и началась. Тучи стали расходиться, и из них на индигово-голубое небо выплыл серебряный серп месяца.

Ко всем присутствующим возвратилось хорошее настроение, словно по мановению руки во дворе крепости прямо на чисто подметенной земле появились скатерти, и нас пригласили испробовать бахавалпурские сладости из фиников, изюма, тростникового сахара и гороховой муки. Мы сели перед скатертью, поджав под себя по-турецки ноги, и взяли в руки предлагаемые нам блюда. Во время трапезы текла оживленная беседа о жизни в сегодняшнем Бахавалпуре и о трудностях службы в пустыне.

В самый разгар беседы лейтенант Шаукат, сопровождавший нас, вспомнил, что нам давно уже пора возвращаться. Начальник крепости пытался отговорить нас и предупреждал, что наезженная колея после бури засыпана песком.

— Не упускай из виду холмики, — наставлял он шофера, — недавно мы их насыпали вдоль дороги на расстоянии примерно десяти миль. Если свернете в сторону, то будете блуждать в пустыне до утра.

Однако опытный Мустафа знал сам, что и как. Ведь со старым эмиром он проехал почти всю Западную Азию, а там почти везде пустыня. Мустафа приспустил немного воздуха из шин, включил привод переднего и заднего мостов, дополнительную коробку передач, и мы отправились в темную ночь. Вездеход переваливался с боку на бок, слегка буксовал в местах заноса, однако упорно пробивался вперед. Земляные холмики служили надежными ориентирами, а львов и тигров бояться не приходилось, так как в здешних местах они давно уже не водятся.

За полночь в свете фар показалась городская башня, где нас все еще терпеливо ждал солдат с ключом. Возле башни стоял мощный джип с брошенными в него лопатами, тростниковыми рогожами и буксировочными тросами. Из машины вышел не кто иной, как сам принц Мубарак. Увидев нас живыми и здоровыми, он с большим облегчением вздохнул:

— Слава Аллаху! Наконец-то приехали, а я уже собирался искать вас в пустыне. [216]

Над высохшей рекой

На следующий день мы совершили интересную поездку в древний город Уч. В XII, XIII веках и позднее, во время правления Великих Моголов, Уч был культурным центром всего здешнего края и одновременно резиденцией известного султана Насир-уд-дина Кабачи, основавшего тут исламский университет. Сегодня это всего лишь большая деревня со многими красивыми, но запущенными строениями, известная тем, что здесь издавна селились многие отшельники, имевшие ореол святости. Их потомки — состоятельные, однако не очень образованные землевладельцы, получающие дивиденды от славы своих предков и доверчивости местных жителей. Два главных рода, бухарцы и гилянцы, получили свои имена от названия тех мест, из которых пришли их предки в XIII веке, — Бухары и иранской области Гилян. К гробницам родоначальников до настоящего времени круглый год приходят толпы верующих.

И в этой поездке нас будет сопровождать лейтенант Шаукат. Он здесь родился и провел свое детство, поэтому неудивительно, что Шаукат превосходно знал традиции родного края.

Прекрасным солнечным утром старый Мустафа на черном лимузине эмира повез нас в Уч. Мы проехали мимо вокзала, с которого началось наше путешествие по Бахавалпуру, и направились в небольшой провинциальный городок Ахмадпур, который мы проезжали еще вчера. Теперь у нас была возможность побродить здесь и как следует все рассмотреть. На брезентах, расстеленных на земле, и на лестницах домов выставлены светло-охровые, покрытые бесцветной глазурью хрупкие и невероятно легкие керамические сосуды для воды. Я взвесил на руке метровый кувшин. Кажется, что он не весил и 50 грамм.

Нам так захотелось купить что-нибудь в качестве сувенира, однако долго не могли решить, что же именно и у кого. Мы переходили от лавки к лавке. Казалось, что у следующего гончара изделия лучше, чем у предыдущего. Наконец, мы остановились у самой большой лавки, расположенной на перекрестке двух улиц. На досках в широких плоских корзинах лежали разнообразные миски с резными краями, ажурные корзиночки, яйцо- и сердцевидные коробочки с инкрустированными крышечками. Тут же на высокой деревянной полке у изгороди [217] выстроились изящные вазочки с цветными узорами, пузатые кружки и искусно сформованные графины для воды. А рядом блестели уложенные ровными рядами традиционные бахавалпурские фляжки, похожие на солдатские, но в отличие от них с высоким хрупким горлышком.

Мы купили одну такую фляжку и удивились ее небольшой стоимости. Позднее, восхищаясь хрупкостью изделия, мы никак не могли решить, как ее лучше упаковать, чтобы она не разбилась по дороге. Наши опасения оказались не

напрасны: фляжка доехала с нами лишь до Карачи.

Мы зашли в красивое здание колониальных времен. Здесь расположен ахмадпурский суд, где нас ждал полковник Хашими. Как у бывшего адвоката, у него большой круг знакомых, и он предложил нам рекомендательное письмо землевладельцу из Уча, интересы которого он когда-то представлял в суде. В письме полковник Хашими обращался с просьбой оказать нам такое гостеприимство, какое можно ожидать от самого богатого землевладельца и уважаемого саджада-нашина.

Саджада-нашин — дословно «сидящий на молитвенном коврике» — титул духовного преемника того или иного известного мистика, одновременно являющегося и наследственным хранителем гробницы. Такого человека называют иногда еще пир — старец — или махдум — обслуживаемый. Саджада-нашин не всегда прямой потомок святого, однако в любом случае посредством так называемой силсилы — цепи, или духовной родословной, — должен быть соединен с основателем местной мистической традиции, а через него с пророком Мухаммедом. Он не обязан жить при мавзолее святого и может даже жениться. Нередко саджада-нашин работает в каком-нибудь светском учреждении. В деревне такой человек обычно занимается земледелием. Благодаря верующим он живет в достатке и часто превращается в богатого землевладельца — заминдара. Интересно, что это ничуть не уменьшает благоволения религиозных последователей святого к саджаду-нашину, хотя его зажиточность явно контрастирует с нищетой деревни. Простые крестьяне видят в его земном благополучии проявление особой милости Аллаха.

Саджада-нашин обязан находиться в мавзолее мистика, духовным последователем которого он является, определенное количество ночей в году. Бывает это раз в [218] неделю и лишь во время некоторых праздников, когда он принимает участие в особом обряде или, вернее, в общих религиозных церемониях. Тогда он, как правило, входит в состояние экстаза и, таким образом, достигает мистического соединения с Аллахом. Мы надеялись, что нам повезет и мы встретимся с таким живым последователем святого мистика.

По дороге мы с нетерпением поглядывали по сторонам. Уч расположен в 23 километрах на северо-запад от Ахмадпура, с которым его связывает старая узкая дорога, выложенная красным кирпичом. За окнами машины мелькали полупустынные места с низкой растительностью, а через дорогу иногда протягивался серо-желтый язык песчаного заноса. Элегантная машина эмира не была предназначена для такой неровной дороги и, несмотря на хорошую амортизацию, тряслась и скрипела во всех своих соединениях.

Наконец перед нами появились небольшие островки пальм, и откуда-то издалека донеслось напряженное дыхание водяного насоса. По обеим сторонам дороги количество зеленых лоскутков полей становилось все больше, затем мы обогнали одиночных верблюдов и небольшие стада буйволов, бредущих на пастбища. Минувя полуразвалившиеся глиняные домики, мы въехали на пыльную площадь главного базара, откуда расшатанные автобусы отправлялись в окрестные деревеньки.

Широкий лимузин пробирался по тесным улочкам. Гудок сигнала вспугнул группу полуголых детишек и стаи кур, копошившихся в кучах мусора. У нас создалось

впечатление, что мы попали не в древний город, а в захолустную деревеньку.

— А были времена, когда многие иностранцы восхищались этим городом, — нарушил молчание лейтенант Шаукат. — Из дальних мест на местные базары приходили купцы, а к городским пристаням регулярно подходили челны, развозившие отсюда пшеницу по всему нынешнему Синду.

Нам не хотелось верить своим ушам. Ведь в Уче нет никакой реки. Этому пыльному городишке более всего нужна была именно живительная вода.

— Не всегда здесь была пустыня, — объяснил наш собеседник. — Еще в 1739 году, когда персидский завоеватель Надир Шах напал на Индию, стены Уча омывала река Хакра. По ней арабы проникали в глубь Индии еще в VIII веке. Позднее река служила в качестве главной [219] транспортной артерии целого княжества. Однако в XVIII столетии на территории Южного Пенджаба произошло сильное землетрясение, в результате которого происшедшие сдвиги горных пород полностью перегородили русло Хакры, и река была вынуждена искать новый путь к Инду.

Машина остановилась на небольшой площади перед финиковым садом. Далее мы не проехали. По узким улочкам и проходам, ведущим к усадьбе потомственных хранителей мавзолея бухарского мистика, можно было пройти лишь пешком. После нескольких поворотов лабиринт улочек кончился, и мы оказались перед окрашенной в желтый цвет башней, служащей входом в усадьбу заминдара, ничем не напоминающую жилище святого. На стене мы заметили консоли электропроводов, ясно указывающие на то, что господин Сайид не закрывал двери перед современной техникой. Оказалось, у него есть даже собственный генератор, который приводится в действие дизельным двигателем. Генератор обеспечивал электричеством все хозяйство заминдара, а также мавзолей с мечетью. Конечно, это были явные признаки прогресса, но при этом в соседних домах каждый вечер зажигались лишь керосиновые лампы, а в лачугах безземельных крестьян — коптилки из глины с горчичным маслом.

Наша надежда увидеть саджаду-нашина, к сожалению, не сбылась. Его не было дома — он уехал накануне в Мульта на какое-то судебное разбирательство. Прочтя письмо, заботу о нас взяли на себя два его сына, за которыми на поле уже успел быстро сбегать слуга. Они охотно показали нам рабочий кабинет отца, там махдум работал, писал и предавался медитации.

С интересом рассматривали мы тяжелые деревянные сундуки с реликвиями и памятными вещами основателя традиции. Мистик Сайид Джалал-уд-дин Бухарский родился в Бухаре в 1198 году и дожил, говорят, до 100 лет. В Уч он пришел во время правления султана Рукн-уд-дина. По дороге он посетил монгольского завоевателя Чингисхана, рассчитывая обратить его в ислам. Чингисхан приказал бросить его в огонь, однако Джалал якобы вышел из огня невредимым. Это произвело такое сильное впечатление на Чингисхана, что тот, по преданию, решил все-таки перейти в ислам и принял персидское имя Джахангир Хан и, кроме того, дал святому в жены свою дочь Заинаб. После этого Джалал стал [220] проповедовать ислам в бассейне реки Инд и обратил в исламскую веру миллионы индусов и буддистов. О его духовной силе и чудодейственных способностях рассказывают невероятные истории. В настоящее время почитатели святого есть не только в самом Уче, но и в других районах

Пакистана, а также в соседней Индии.

Даже после смерти святого тело его не знало покоя. Сначала его захоронили в деревеньке Ченаб Расул, неподалеку отсюда, однако началось наводнение и могилу затопило. После этого останки святого перенесли в другое место. Однако наводнение пришло и туда, и снова останки выкопали и перезахоронили в Уче. В 1625 году для большей верности их перенесли на холм, на котором могила святого находится до настоящего времени. В 1835 году наваб Бахавал Хан приказал построить в этом месте скромный мавзолей.

Старший сын заминдара вынул из сундука тяжелые серебряные подсвечники, позолоченные цепочки и инкрустированные драгоценными камнями ящички, подарки религиозных паломников. Однако нас больше всего интересовало содержимое другого сундука. В нем были сложены старые арабские и персидские рукописи, главным образом трактаты по мистике и теософии, между которыми есть наверняка и ценные исторические документы.

С согласия владельца мы осторожно перелистывали иллюстрированную рукопись персидской хроники Чач-нама («Книга о Чаче»). Из нее можно многое узнать о судьбах города и всего Синда в доисламский период истории Индии. В книге рассказывалось, например, о том, как к мудрому Буддхиману, министру синдхского царя Сахси, однажды пришел странствующий брахман Чач Салаидж и предложил свои услуги. Он был принят на службу благодаря тому, что сумел остроумно ответить на важное письмо от соседнего правителя. Затем для него уже не представляло большого труда устранить министра и занять его место. Он обольстил жену правителя, после смерти которого стал ее мужем. Чач хладнокровно убрал со своего пути всех претендентов на престол и расправился с теми, кто хотел отомстить ему за это. Почти столетия он успешно правил. Позднее, в начале VIII столетия, его сын Дахир был побежден первым мусульманским завоевателем Синда — арабом Мухаммадом ибн-Касимом.

— Однако арабы надолго здесь не остались, — объяснил [221] нам второй сын хозяина. — Через год Касима отозвали в Багдад, а его место занял новый губернатор Язид. Тот, однако, вскоре после вступления на пост умер, и местные раджи снова захватили власть в свои руки. Наивысшей славы Уч достиг во время правления султана Насир-уд-дина Кабачи. Сначала он был наместником завоевателя Мухаммеда Гури, затем быстро стал независимым и овладел широким районом бассейна реки Инд вплоть до Мультана и Татты. Он щедро поддерживал развитие исламского образования и персидской литературы. Среди живших при его дворе писателей был также персидский летописец кази Минхадж-уд-дин Сирадж.

И как бы в подтверждение своих слов молодой человек достал из сундука хронику известного летописца «Табакат-и Насири», открыл ее на заложенной странице и стал читать отмеченный абзац:

«Когда я пришел в Уч, там правил султан Насир-уд-дин Кабача. Местные люди отличались высокой образованностью и большим стремлением к знаниям. Кроме придворной „Обители знаний“ в Уче были еще и другие школы и высшие учебные заведения».

— Сегодня из других источников известно, — добавил наш хозяин, — что Сирадж

сам руководил «Обителью знаний». У него было около двух с половиной тысяч студентов. К сожалению, в настоящее время никто не знает, в каком месте находилась «Обитель знаний», в которой проходило обучение.

И тут к нам подошел средних лет человек в выцветшей полосатой пижаме с перевязанной рукой. На английском языке он представился нам секретарем хозяина дома и ответственным за прием гостей и провел в соседнюю комнату, где прислуга приготовила уже для нас легкий обед. Сразу видно, что мы находимся в доме у зажиточного землевладельца: на белых тарелках лежали запеченные до золотистого цвета куропатки. С аппетитом мы чуть было не набросились на еду, но, едва притронувшись, вынуждены были отказаться от предложенного блюда — куропатки оказались буквально завернутыми в толстый слой красного и белого перца.

Зато весьма пригодился стоящий рядом большой кувшин с многообещающей надписью: Рух афза — «Подбадриватель духа». Я основательно приложился к напитку, желая получить необходимый запас такого «духа». Теперь можно снова выходить на улицу, под немилосердно [222] палящие лучи солнца, чтобы осмотреть и другие архитектурные памятники Уча. «Подбадриватель духа» содержит экстракты трав, естественным образом охлаждающих тело. Хакимы в широких тюрбанах знают, что более всего необходимо человеку в нестерпимую жару...

Вместе с нами секретарь хозяина дома вышел под жгучее полуденное солнце. Недалеко от входа в мавзолей Джалала Бухари он обратил наше внимание на простой могильный холмик одного из любимых учеников святого, Сачара. Будучи членом правящего рода соседнего государства Дера Гази Хана, он, однако, по божественному наитию отказался от удобств придворной жизни и стал странствующим дервишем. Говорят, он отличался остроумием и, вопреки своей духовной серьезности, прославился как непревзойденный остряк и весельчак.

— Попробуйте сами, обойдите его гробницу несколько раз подряд и увидите, что не удержитесь от смеха,— лукаво предложил наш экскурсовод.

Я согласился последовать его совету. Вскоре начали улыбаться все присутствующие, включая толпу любопытных мальчишек. И неудивительно. Как тут не посмеяться при виде того, как я с серьезным видом старательно ходил по узкой тропинке вокруг низенького глиняного могильного холмика. Не удержался от смеха и я.

Мы изъявили желание осмотреть еще и самый красивый здешний мавзолей. Он стоял на западном краю города, украшенный голубой и зеленой глазурью, как лучшие персидские образцы архитектуры.

Наш проводник предложил нам взглянуть по дороге на мавзолей внука основателя рода, известного святого и мистика Джаханиана Джахангашта — Скитальца, объездившего почти весь исламский мир. Осмотрев и этот мавзолей, мы брели под жгучими лучами солнца по заброшенной улочке, расположенной между пригородными садами. На вершине невысокого холма, на котором росли несколько пальм, возвышался трехэтажный восьмиугольный мавзолей, похожий на своего более старшего мултанского собрата и выделявшийся своим белым сплюснутым куполом.

Издалека он не производил особого впечатления. Однако когда мы подошли ближе и осмотрели его со стороны, то с трудом поверили своим глазам: перед нами стояла лишь половина гробницы. Другую половину как [223] будто кто-то ровно отпилил огромной пилой. Мавзолей стал похожим на школьную модель исламской гробницы, в вертикальном разрезе демонстрировавшую внутренность строения: входную башню, портал, центральный сводчатый зал, опорные столбы в углах здания, лестницу в толстых стенах до третьего этажа, опорную систему купола.

— Половину гробницы унесла вода, — объяснил нам лейтенант Шаукат, и только тогда мы обратили внимание на то, что остаток мавзолея стоял на краю бывшего русла реки Хакра, уже заросшего пальмовыми рощами. Хакра несла свои воды под стенами города вплоть до 1790 года. После землетрясения произошел большой разлив реки, который подмыл берега и сорвал заднюю часть мавзолея, поставленного в честь дочери мистика Джаханиана по имени Биби Джаванди. Говорят, она обладала сверхъестественными духовными способностями, поэтому в XVIII веке ей поклонялись местные жители и главным образом эмиры Бахавалпура.

В полуразрушенном мавзолее на противоположном холме покоились останки Бахавала Халима, учителя Скитальца. Мавзолей Бахавала обглодало другое наводнение, и от него осталась лишь одна сторона. Зато в этом мавзолее сохранились самые красивые украшения из голубых и зеленых изразцов.

Мое восхищенное созерцание прервал сопровождавший нас секретарь — он во что бы то ни стало хотел сфотографироваться у входа в мавзолей. Взамен секретарь обещал показать нечто очень интересное. Охваченные любопытством, мы охотно выполнили его пожелание и несколько раз увековечили его в удивительно оцепенелой позе.

— Наших соседей посетил известный дервиш-заклинатель, — таинственно сообщил нам секретарь. — Сегодня вечером к нему приведут людей, в которых вселился злой дух, и он будет выгонять из них дьявола. Я попытаюсь как-нибудь устроить, чтобы и вы смогли присутствовать при этом. Может, вам, как гостям эмира, дервиш пойдет навстречу.

Секретарь ушел, а мы с лейтенантом и шофером в последний раз обошли пальмовый холм и попытались найти какую-нибудь более тенистую и менее пыльную дорогу в город. В конце концов мы убедились, что такой дороги не существует, и возвратились старым путем. Лейтенант повел нас прямо к мавзолею мистика [224] Мухаммада Гауса, который был девятым преемником славного гиланца, шейха Абдулкадира, одного из известнейших исламских святых. Он прославился как искусный волшебник и бесстрашный зачинатель, знавший всесильное слово божье, с помощью которого мог, по преданию, творить чудеса. Его трактат «Пять драгоценных камней» и по сей день почитают в Индии как наиболее авторитетное руководство по волшебству. Чудодейственные способности святого смогли перенять лишь его ученики, странствующие по миру и время от времени наведывающиеся сюда, чтобы поклониться памяти своего учителя.

Как заклинять дьяволов

Когда мы вошли в мавзолей, сквозь кроны пальм проникал свет оранжевой луны. Мы с трудом протиснулись сквозь толпу во дворе. Здесь уже полным-полно было местных и пришедших издалека паломников. В полутемной части мавзолея, где был установлен гроб святого, теснились почитатели мистика, одни лишь мужчины, так как женщины не имеют права находиться внутри святого места. Мусульманки с грудными детьми и подростками расположились под ажурными арками галерей, где еще не так тесно. Над входом в священное место в соответствии с индийской религиозной традицией висели колокольчики. Каждый, кто входил внутрь, выбирал один из них и энергично вызванивал в ночную темноту, сообщая, таким образом, святому о своем приходе и выражая свое уважение к нему.

Мы пробрались к галерее, где уже светили сильные карбидные лампы и на гладком, выложенном плитками полу еще оставалось немного свободного места. Вероятно, именно сюда придет заклинатель для излечения одержимых. К сожалению, мы сразу же вызвали слишком большое внимание присутствующих. Они бросали на нас подозрительные и откровенно недружелюбные взгляды. Вдруг из-за присутствия неверных обряд не получится? От чувства неуверенности и грозящей опасности нас избавил секретарь. Он подвел к нам пожилого толстяка в белой рубашке, который, вероятно, занимал такое же положение, как и наш секретарь, у другого саджада-нашина. Толстяк в упор рассматривал нас своими хитрыми глазками и затем с доброжелательной улыбкой [225] отвел нас в темный угол под аркадой. Он утверждал, что отсюда хорошо видно все, что будет происходить.

Прошло еще порядочно времени, прежде чем приоткрылся занавес у входа в келью с гробом святого. Оттуда вырвалось облачко густого дыма от ароматических палочек, среди которого на мгновение блеснул мигающий огонек свечей, зазвенел колокольчик, и под арку вышел долгожданный дервиш. Это был высокий, худощавый, сравнительно молодой человек в красочно ниспадающих черных лохмотьях и с большими четками из оранжевых ягод на шее. Его блестящие иссиня-черные волосы выбивались из-под темной белуджистанской шапки, нахлобученной на самые уши, а пронзительный, обладающий чудесной силой, взгляд испытующе устремился на толпу зрителей. Равнодушно посмотрев в сторону темного угла, он безмолвно отвернулся и стал давать указания своим помощникам. О нашем присутствии он, вероятно, знал и, кажется, ничего против этого не имел.

Его помощник высыпал из мешка древесные угли, положил в сторонке пепел от сушеного коровьего навоза, сандаловый порошок и цветные кусочки глины. Тем временем дервиш с достоинством готовился к представлению. На чисто подметенном полу он схематично рисовал какое-то подобие фантастического джина или дьявола и пригласил подойти к нему первую пациентку. Он уже выяснил, в чем заключалась ее болезнь, и пришел к выводу, что это серьезное заболевание и женщине может грозить смерть. Слово аджал — «смерть» — он выбрал за основу обряда. Выраженную в цифрах величину звуков слова (а — 1, дж — 3, л — 30) он вписал в магический квадрат, врисованный им в схему фигуры дьявола таким образом, что сложенные вместе цифры во всех направлениях давали одинаковую сумму 34. По описанию болезни пациентки он пришел к заключению, что ее посетил демон буйного помешательства Балисан, который всегда ходит рука об руку с демоном равнодушия и безразличия Талисаном. Поэтому на грудь нарисованной фигуры дервиш вписал имена этих демонов, а

для большей верности дополнил их еще именами и других демонов — Танкафила, Исфафила и Рустамайла, которых он попытается изгнать всех вместе. Весь рисунок он обрамил завитушками арабского письма, означающими следующее: «Вы, те, кто посетил тело этой бедняги, выйдите из него. Выйдите, кто бы вы ни были, с [226] помощью Соломона, сына Давида, с помощью всех добрых джинов и с помощью заместителя Сатаны Али-хана, сына Маликана!»

И вот к дервишу подвели молодую женщину. Члены ее семьи твердили, что ее посетил злой дух. Длинные, нерасчесанные волосы свисали до колен, плечи у нее нервно подергивались, глаза были вытаращены. Она беспокойно озиралась вокруг. Наверное, предчувствовала, что ее ждет. Во время последнего муссона в поле рядом с ней ударила молния. После этого она перестала говорить, жила как во сне, не ела, не спала, забросила свои ежедневные дела, не заботилась о доме, и время от времени билась в судорогах. На увещевания супруга она не отвечала, да и родители ее уже не знали, что с ней делать. Узнав, что сюда пришел известный заклинатель, они решили попросить его изгнать из нее злого духа.

Дервиш пытливо всматривался в женщину, затем посадил ее в центр нарисованной фигуры. Он кивнул помощнику, и тот разложил вокруг больной сладости с гуаявой и осыпал женщину оранжевыми цветами. На голову нарисованной фигуры заклинатель поставил глиняную горелку с маслом и поджег широкий фитиль. Послышалось легкое потрескивание, и вот появился сначала желтый огонек, который затем стал зеленым и, наконец, голубым. Неужели все мне показалось или огонь в самом деле менял свой цвет?

— Это не простой фитиль, — пояснил наш проводник. — Он расписан цветной тушью, которая и окрашивает пламя, кроме того, в горелке три вида масел, что также влияет на цвет огня.

Я потихоньку стал выпрашивать у своего соседа, каким образом сделать такой «волшебный» фитиль. Тот вынул из кармана рубашки ручку и нарисовал на клочке бумаги какое-то страшилище:

— Смотрите, делается это так. Берется лист бумаги, которым сначала надо дотронуться до головы больного, затем до его груди, живота, руки и ноги. Затем надо нарисовать ламповое волшебство, или палату. Точное изображение здесь не обязательно, на рисунке можно, например, изобразить двухголового дракона. Правда, надо быть осторожным и вписать в квадрат правильные числа. Как узнать, какие числа правильные? Это совсем нетрудно. Например, имя женщины Ева, по-мусульмански — Хава. Каждую букву арабского алфавита одновременно можно обозначить той или иной [227] цифрой: «Х», значит, восемь, «В» — шесть, а «А» — один. Сумма этих чисел равна 15. Теперь можно составить простейший квадрат, состоящий из девяти чисел. От полученной суммы надо вычесть 12, остаток разделить на 3, а результат вписать в средний ряд одного из крайних столбиков. Существует столько способов сделать это, сколько имеется в мире элементов. Если вы начнете в середине сверху, то это будет вода, а если в середине внизу — огонь. Еще вы можете начать в середине слева, это будет земля или в середине справа — воздух. После этого надо просто прибавлять по единице и вписывать полученные числа: двойку в противоположный левый угол, тройку вправо посередине, четверку в правый нижний угол, пятерку в середину квадрата и так дальше. В результате как по горизонтали, так и по вертикали и по диагонали везде получится одинаковая сумма — 15, то есть «Ева». Можете

проверить это сами.

Если бы вы захотели сделать более сложный квадрат с 25 цифрами, тогда из выбранного вами числа вычесть необходимо 60, остаток разделить на 5, а к той пятой части прибавлять по одному вплоть до двадцати четырех:

7
13
19
25
1

20
21
2
8
14

3
9
15
16
22

11
17
23
4
10

24
5
6
12
18

Если случайно у вас останется единица, то ее надо прибавить к цифре 16, если тройка, то к 11, а 4 к цифре 6, так чтобы везде вышла одинаковая сумма. Это совсем нетрудно, и вы легко смогли бы высчитать волшебный квадрат из 100 чисел.

Давайте вернемся к волшебному фитилю. Особой тушью надо написать вокруг квадрата имена всевозможных бесов и демонов и пригрозить им в стихотворной форме; если они не выйдут из тела, то их там огонь прихватит и обратит в пепел. Листок, на котором вы все это напишете, надо скрутить в трубочку, крепко обмотать тонким муслином, простой ниткой, затем намочить в масле, чтобы лучше горел. После этого можно перейти к заклинаниям.

Тем временем дервиш уже поставил волшебную лампу перед женщиной так, чтобы больная смотрела прямо [228] на пламя. Затем он насыпал в ладонь немного зерен пшеницы и пробормотал над ними арабское заклинание. После этого он сдунул зерна на голову и плечи пациентки. Так повторилось четыре раза,

причем он брал разные виды зерна. В это время женщина сидела с закрытыми глазами и вдыхала дым благовоний. В распространившемся сильном запахе я узнал сандал и алоэ.

Заклинатель 21 раз повторил волшебную формулу, вызывая таким образом дьявола:

— Если ты мужского рода, то наклони ей голову направо, а если женского — то налево, если же среднего — вперед!

Однако ничего не происходило, женщина продолжала сидеть не шевелясь. Тогда дервиш стал декламировать охранительную суру из Корана:

— Ищу защиты у бога утреннего света от зла Его творения, от зла темноты, когда она заполняет все вокруг, от зла колдуньи, когда она колдует, от зла завистника, когда он завидует.

Дервиш сдувал священные слова с ладони на лоб больной и при этом уговаривал ее сказать, действительно ли в тело ее вселились демоны Балисан и Талисан, как считает семья. Если это не так, пусть она даст знать, как зовут злодеев, как их распознать, откуда они к ней пришли, что ищут в ее теле и когда собираются покинуть его.

Женщина упорно хранила молчание, и дервиш констатировал, что дьяволы слишком глубоко пустили корни и без хорошей порки не обойтись. Он взял розгу, которую заранее приготовил помощник, и произнес нараспев последнюю суру из Корана. Потом несколько раз взмахнул розгой так, что та свистела, рассекая воздух, и перенес удары на спину женщины. Говорят, что такие священные удары не оставляют никаких следов на теле, однако пациентка предпочла быстро прийти в себя и уже с готовностью отвечала на вопросы дервиша. Вселившиеся в ее тело дьяволы должны получить взамен то, что им хочется, и женщина согласно кивала головой, когда дервиш спрашивал, может ли он предложить им рис, молоко, рыбу, яйца, фрукты или деньги. После окончания «изгнания дьявола» продукты положат в большую корзину и раздадут нищим.

Наконец наступил самый ответственный момент. Заклинатель торжественно спросил, когда дьяволы собираются покинуть тело больной. Бедная женщина, вероятно, уже [229] была сыта по горло этим «лечением» и мечтала лишь о том, чтобы все поскорее закончилось и ее оставили в покое. Ей так захотелось убежать отсюда, что она предпочла сообщить, что бесы желают оставить ее тело тут же, на этом святом месте. Затем ее отвезли домой. На завтра родственники приобретут для нее у святого тавиа — «серебряный амулет», который повесят ей на шею или наденут на руку, чтобы и в дальнейшем он охранял ее от дьявола.

После того как дьявола успешно изгнали из тела женщины, я с облегчением покинул мечеть. Мои сомнения в целесообразности подобного лечения душевнобольных не могли развеять и объяснения образованного лейтенанта, с которым мы вместе возвращались поздним вечером во дворец эмира. В конце концов мы пришли к заключению, что так или иначе, но сегодня мы видели кусочек давней религиозной жизни, которая сохранилась лишь в таких отдаленных уголках.

К новому Багдаду

Мы быстро поужинали в полутемной пустой трапезной. Как всегда, нас обслуживала вымуштрованная прислуга. Сегодня принц не ждал нас, поэтому мы могли сразу же идти спать, что мы и сделали с большим удовольствием. Мы были утомлены избытком необычных впечатлений, а в ушах еще звучали обрывки волшебных заклинаний.

Ночь была невыносимо жаркой и душной, а покрывала на древних латунных кроватях казались слишком тяжелыми. Но, несмотря на все это, мы быстро заснули. Однако сон длился недолго. Где-то во втором часу ночи я внезапно проснулся от трех сильных ударов в дверь балкона. Кто бы мог стучаться к нам в такое время?! Видно, это мне пригрезилось во сне, и я перевернулся в полудреме на другой бок. Но супруга сказала, что она тоже слышала стук, и послала меня узнать, в чем дело.

Двери оказались незакрытыми и легко открывались. Я вглядывался в ночную темноту, но нигде ничего не видел. Лишь луна, словно рыбий глаз, сияла на индигово-синем небе, заливая сад своим серебристым светом. Всюду царил покой, лишь со стороны башни доносились равномерные шаги часового.

— Наверное, это был дух, — сказала супруга зевая, — однако [230] он что-то припозднился, ведь уже почти два часа.

Утром мы спросили у ночного сторожа, не слышал ли он каких-либо звуков во время своего дежурства. Он заверил нас, что не слышал, да и никто бы не смог проникнуть сюда, так как весь дворец, включая и дом для гостей, ночью тщательно охраняются. Вряд ли это мог быть и зверь. Обезьян в этих местах нет, а змея или летучая мышь не будет стучаться в дверь.

— Вероятно, это было знамение, — пришел к выводу принц и, улыбаясь, пригласил к завтраку.

— Выбросьте, пожалуйста, из головы всех духов и привидений, — сказал он, — лучше отдохните хорошенько, чтобы во второй половине дня быть свежими. После обеда лейтенант Шаукат отвезет вас на экскурсию к плотина Панчнад, а потом в Бахавалпур. Ведь вы отправитесь ночным экспрессом, а тот на нашей станции не останавливается.

Перед обедом по совету принца мы совершили небольшую прогулку по дворцовому парку. Среди фруктовых деревьев мы увидели сгорбленного садовника и молодого человека с огромной рогаткой в руке. Заметив наши удивленные взгляды, садовник пояснил:

— Это гроза птиц. Эмир ему платит за то, чтобы он отстреливал и распугивал птиц. Вы не поверите, сколько эти попугаи могут поглотить семян и фруктов.

Ввиду того что обед был назначен на 11 часов 30 минут, мы возвратились после небольшой прогулки по парку, чтобы собрать свои личные вещи, ведь сразу же после обеда мы должны были отправиться на экскурсию к новой плотине.

В этой поездке нас снова сопровождал лейтенант Шаукат. Перед выездом он

вручил нам конверт с красивой визитной карточкой, на которой стояло имя полковника Хашими. В конверте мы нашли также короткое приглашение полковника на ужин, который должен был состояться сегодня в 18 часов 30 минут в его городском доме. С удовольствием мы приняли приглашение, времени у нас будет достаточно, наш поезд отходил только в половине десятого.

Мы попрощались с принцем, вручили ему в качестве подарка блюдо из чешского хрусталя и обещали при первой же возможности прислать глубокие хрустальные вазочки, для того чтобы в них во дворце могли подавать гостям воду для ополаскивания рук после еды. Мы также передали нашу искреннюю благодарность его брату [231] эмиру, и черный лимузин увез нас на запад к слиянию пяти пенджабских рек.

Окна в машине мы оставили закрытыми. Дело в том, что когда температура воздуха выше температуры тела, то ветерок приносит не столько облегчение, сколько обжигает. Когда мы выезжали из дворца, термометр у ворот показывал 44 градуса по Цельсию, а теперь навстречу нам вдобавок дул горячий пустынный ветер лу. Мы совсем не удивились, когда перед нашим путешествием водитель Мустафа остановил машину у барф-ханы — подземного холодильника эмира — и положил в багажник лимузина несколько ящиков с кока-колой и длинными плитами льда. В дороге все это очень пригодится.

— Для поездки к нам вы выбрали все-таки неудачное время, — сожалел лейтенант. — В мае и июне здесь самая жара. Сегодня еще можно выдержать, а иногда лу дует так сильно, что не может быть и речи о том, чтобы находиться под открытым небом. Сюда лучше приезжать в июле или в августе, во время дождей. Муссоны приходят, правда, нерегулярно и сравнительно редко, но уж если тучи доходят до наших мест, то дождь льет здесь как из ведра и довольно долго. После дождей вся пустыня быстро расцветает и зеленеет молодой травой. На пастбища выгоняют скотину, и все вокруг радуется началу новой жизни.

Мы поинтересовались у нашего провожатого, можно ли воду тропических ливней как-то удерживать, сохранять ее какое-то время, или же она без пользы стекает по руслам временных потоков.

— Большая часть воды стекает и приносит больше вреда, чем пользы, — терпеливо объяснял нам лейтенант. — Однако там, где местный рельеф позволяет, воду по специально вырытым каналам направляют в большие водоемы и искусственные озера — тоббы. Они — самое большое богатство кочевых племен. Каждое племя днем и ночью тщательно охраняет свое озеро, потому что его благополучие в значительной степени зависит от того, как долго удержится вода.

Машина остановилась возле попавшейся на нашем пути тоббы. Водоем не произвел на нас большого впечатления. Небольшое углубление, к которому с близлежащих дюн сбегали малозаметные овражки. В это время года они совершенно сухи и сливаются с окружающей местностью. Берега тоббы заросли колючим кустарником [232] и боярышником, здесь же паслись одинокие верблюды. Интересно, кому они принадлежали и откуда пришли сюда?

Лейтенант был уверен, что за ними кто-то здесь присматривал. Верблюды — самое ценное имущество кочевников. На верблюдах они ездят верхом и

перевозят скудный скарб, из шерсти этих животных вяжут теплую одежду. Кроме верблюдов кочевники разводят овец, коз и коров. Иногда они, правда, охотятся на степных зверей, и тем не менее в первую очередь они пастухи.

Сегодняшние обитатели этих мест принадлежат к белуджам. Их насчитывается около 50 тысяч, и они разделены на большое количество отдельных племен. Эти люди живут в круглых остроконечных юртах, которые ставят из прутьев и соломы в местах своих временных стоянок.

— Если хотите, можем заглянуть в такую юрту, — предложил нам лейтенант и тут же предупредил, что даже он не всегда может договориться с кочевниками. Люди они, конечно, простые и сердечные, однако во всех отношениях отсталые. Говорят они на восточнобелуджских диалектах и с местными жителями почти не поддерживают отношений. В город приходят преимущественно лишь вожди их племен. Там они продают верблюжью кожу или овечий сыр и покупают для всего племени хлеб, тростниковый сахар, масло, соль и все необходимое для скромного существования в пустыне.

К сожалению, у нас не было достаточно времени, чтобы искать белуджский табор, и мы вынуждены отказаться от встречи с кочевниками. И без того мы должны были спешить, чтобы вовремя добраться до главной магистрали на Карачи, а по ней — до панджнадской плотины.

Панджнад — это название не просто отдельной реки, а общего течения вод пяти пенджабских рек: его длина более 90 километров. В переводе с санскрита «Панджнад» значит то же, что и «Пенджаб» в переводе с урду и персидского, — «Пятиречье».

Однако когда мы выехали на гребень плотины, через которую проходила скоростная магистраль до Мултана и далее до Лахора, то вместо пяти рек увидели лишь две. Слева темнела ровная поверхность широкого Тришаба, а справа нес свои бело-серые волны узкий, но более стремительный Сатледж. Если посмотреть на карту, то можно увидеть, что три западнопенджабские [233] реки — Джелам, Чинаб и Рави — встретились друг с другом еще за 160 км до этого места, где они образовали Три-шаб («Троеречье»), а Сатледж еще в Индии принял в свое русло вспененные воды Биаса.

Мы прогуливались по узкому мостику над шлюзами и восхищались сложным механизмом, который автоматически приводил в действие стальные шлюзы всех 22 водоспусков, регулирующих прохождение воды. Сейчас, в сухое время года, они были лишь слегка приоткрыты, чтобы большая часть животворной воды шла в русла оросительных каналов.

— Вон те два канала самые важные, — сказал лейтенант, — тот, что короче, — Панджнад, а более длинный — Аббасия. Они проходят почти через все бывшее княжество, разветвляются на десятки малых каналов, увлажняющих сотни квадратных километров плодородных земель.

Наш разговор продолжался уже в хорошо ухоженном палисаднике перед караульным помещением, куда услужливые солдаты вынесли и поставили в тени пальм стол, а затем из глубин казенного склада вынесли чашки и чайники с чаем. Жара уже немного спала, от воды приятно веял влажный ветерок. В наш разговор

вмешался молодой инженер, который осуществлял технический контроль на плотине.

— Бахавалпур, как вы уже знаете, — важный земледельческий район Пакистана, — начал инженер с той темы, которая ему была более всего близка. — Наверняка вы не раз слышали, что плодородие местных почв зависит исключительно от достаточного количества выпадающих осадков. И это не только экономическая, но и одновременно важная политическая проблема. Наш край орошается целой сетью каналов. К сожалению, все они берут начало в соседней Индии. Вы знаете, что о водах этих рек велись споры в течение многих лет. В настоящее время регулярное водоснабжение обеспечивается на основе международного соглашения. Правда, ежегодно, во время засухи, случаются мелкие неурядицы. Проходит всегда немало времени, пока водоснабжение снова налаживается, поэтому наше земледелие значительно от этого страдает. В последние годы немало делается для того, чтобы наш край стал независимым от водоснабжения из Индии. Достигнуть этого можно либо углублением большого числа колодцев, либо включением наших каналов в оросительную систему Пенджаба. [234] Разумеется, у каждого из этих путей свои недостатки.

По дороге назад мы размышляем о том, сколько миллиардов рупий должен потратить Бахавалпур для того, чтобы обеспечить этот край достаточным количеством влаги. И только из-за того, что раздел Британской Индии в 1947 году на Пакистан и собственно Индию и последовавшее за этим искусственное создание государственных границ разбили естественно сложившиеся территориальные связи, прервали дорожное и водное сообщение, подорвали экономическую жизнь обоих государств...

Впереди на горизонте уже виднелись типичные, похожие своей формой на луковицы, купола и изящные минареты города Бахавалпур. На крышах мечетей, на административных зданиях, школах, больницах — везде выпячивающие свои круглые бока ослепительно белые или кремово-бежевые рифленые купола, как правило возлежащие на шести, иногда восьми несущих арках. Нами овладело такое чувство, словно мы перенеслись в какой-то арабский город из сказок «Тысячи и одной ночи». Это впечатление еще больше усиливалось при виде изящных стволов финиковых пальм, отделяющих оазис на краю пустыни от моря песчаных дюн, а также белых одноэтажных летних дворцов, скрывающихся в зелени заботливо орошаемых садов. Атмосфера предвечернего города таила в себе что-то неподдельно восточное, только этот местный Восток напоминает больше Ирак, чем Пакистан.

— Почему, собственно, Бахавалпур называют Багдад-ул-джадид (Новый Багдад)? Только потому, что своим внешним видом он так напоминает Старый Багдад? — спросили мы у нашего провожатого.

— Это название имеет более глубокое обоснование, — ответил уже немного уставший от нескончаемого потока наших вопросов лейтенант. — Для этого было, собственно, два повода. Предки основателя города эмира Бахавала Хана не были коренными жителями этих мест, а пришли сюда в начале восемнадцатого века из пустынных районов Западной Азии. Говорят, они жили где-то в окрестностях Багдада и были настолько очарованы видом города, запечатлевшегося в их памяти, что им захотелось снова иметь его перед глазами. Так они начали строить город, который должен был стать похожим на Багдад. Другой довод, на

мой взгляд, еще более убедителен. Как вы знаете, мой правитель и его брат принц Мубарак имеют право прибавлять к своей [235] фамилии родовое имя Аббаси, что означает принадлежность к потомкам аббасидских халифов и то, что их род берет начало от семьи дяди пророка Аббаса. Так как аббасидские халифы правили в Багдаде, их современные потомки хотели царствовать в городе, который хотя бы напоминал Багдад и носил такое же имя.

Мы проехали через район предместий и остановились в парке перед просторным современным зданием школы. Арабская надпись на красивой табличке гласила, что здесь находится Джамиа Исламия — Исламский университет. Мы уже слышали о нем и знали, что Бахавалпур очень гордится своим университетом. Пакистан, будучи государством, где ислам является официальной идеологией, должен заботиться о подготовке служителей культа. В стране, однако, ощущается недостаток специальных учебных заведений для духовенства. О воспитании проповедников и имамов заботятся, правда, исламские школы при главных мечетях, однако они уделяют внимание лишь некоторым богословским дисциплинам, в большинстве случаев толкованию Корана, традиции (сунны) и исламского права. В основном уровень таких школ не бывает высоким. Насколько я знаю, высшее учебное заведение для подготовки духовенства в Пакистане лишь одно — именно здесь, в Бахавалпуре. Во время своего разговора с принцем я выразил, в частности, пожелание ознакомиться с Джамиа Исламия, и принц договорился с ректором университета д-ром Билграми о том, что он нас примет.

Моя жена без долгих размышлений вошла на территорию университета и поднялась вместе с нами на третий этаж в кабинет ректора. Двери классных комнат были открыты настежь, и, пока мы проходили по коридорам, нас обстреливали возмущенные взгляды бородатых мулл, когда же мы появились в приемной ректора, то на лице секретаря прочитали нескрываемый ужас. Мы не поняли, что ж могло так его взволновать.

Наше недоумение рассеивает сам д-р Билграми:

— Вы первая женщина, мадам, — обратился он к моей супруге — которая находится в стенах нашего университета. Даже жена и дочь президента Айюб Хана, во время его посещения университета, не были допущены внутрь. Вы сюда смогли пройти лишь потому, что сторож дежурит только до двух часов, а на своем пути вы не встретили никого, кто бы мог задержать вас. Раз уж вы здесь, то приглашаю вас на чашку чая. Только прошу [236] вас, когда пойдете назад, постарайтесь выйти отсюда как можно незаметнее.

На столе появились чашки с традиционным чаем, и ректор начал беседу с того, что разложил передо мной расписание лекций и учебный план. Он явно гордился тем, что его университет своим социальным устройством опередил время: учащиеся обеспечиваются бесплатным жильем и питанием и, главное, студенты не должны платить за обучение. Необходимые деньги выделяются из средств благотворительного фонда, который находится в ведении государства.

— Как видите, наш учебный план включает не только теологические и религиозно-правовые дисциплины, но и естественные науки, главным образом математику, химию, физику, астрономию и кроме всего прочего основы восточной медицины, — сказал доктор Билграми, заметив, что я делал записи в дневнике. — Мы понимаем, что проповедники имеют огромное влияние на необразованные массы

верующих, и по возможности используем это. В частности, мы стараемся дать будущим служителям культа хорошие основы в различных научных дисциплинах. Проповеди слушают в основном неграмотные слои населения, и в мечети приходит немало женщин, которые в ином случае не имеют права переступить порог своего дома. Если мы не в состоянии построить достаточно школ и подготовить для них нужное число учителей, то для того, чтобы дать образование людям, необходимо сделать все, что в наших возможностях.

Идея использовать служителей культа для расширения сети просвещения среди населения в основе своей неплоха, однако я все-таки думаю, что средства, выделенные на строительство и функционирование Исламского университета, можно было бы использовать лучшим образом. Так, часть щедрых правительственных дотаций могла бы пойти на обучение средних технических кадров, в которых Пакистан явно ощущает недостаток. Если бы здесь вместо исламской семинарии построили автомеханический техникум или электротехническое промышленное училище, то новые и проектируемые сейчас плотины и электростанции оказались бы в надежных руках. В религиозной проповеди может, конечно, что-то проскользнуть от светской науки, однако квалифицированные инженеры будут и в дальнейшем тратить время и энергию на то, чтобы их приказы правильно понимались необразованными [237] рабочими.

Ректор пригласил нас осмотреть оборудование кабинетов и лабораторий. Вероятно, этого-то ему и не следовало делать. Из классных комнат стали раздаваться голоса:

— Мэм-сахиб, здесь мэм-сахиб!

О продолжении занятий не могло быть и речи — студенты рвались в коридор. В трудную минуту на помощь снова пришел лейтенант. Он объявил, что нас давно уже ждут в другом месте, и мы вскоре покинули университет и поспешили к автомобилю.

Оказалось, у нас есть еще возможность побывать на новом стадионе. Решенный по-современному, четырехэтажный спортивный комплекс включал не только плавательный бассейн, но и различные залы для спортивных игр, в том числе для настольного тенниса и бильярда, а также душевые, комнаты для отдыха и элегантно оборудованные залы для общественных мероприятий. На втором и третьем этажах разместилась даже небольшая гостиница для иногородних спортсменов.

С верхней террасы мы рассматривали спортивные площадки под нами: со всех сторон стадион обступает стена могучих деревьев, между которыми желтыми пятнами выделяются посыпанные песком дорожки и тщательно ухоженные клумбы с разноцветными геометрическими узорами, выложенными из цветов. Впечатление такое, как будто мы попали в какой-нибудь курортный парк. Непосредственно под белой трибуной зеленела спортивная площадка для игры в крикет, она заросла бархатистой низкой и густой травой. К площадке примыкают три спортивных поля для игры в футбол и хоккей. Вокруг них выделяются вишневым цветом теннисные корты. Такому бахавалпурскому стадиону может позавидовать любой большой город.

После осмотра стадиона до ужина у полковника Хашими у нас оставался еще

почти целый час, поэтому мы решили покататься на лодке, ведь рядом со стадионом протекала река Сатледж. В жаркий вечер эта прогулка была как нельзя кстати. Сбежав по покрытому травой берегу к реке, мы договорились с рыбаками, которые расположились у соломенной хижины перевозчика. У одного из рыбаков лодка еще была на воде. Тяжелая, сбита из твердого дерева, она приняла нас, и через мгновение энергичные взмахи весел вынесли нас на середину мутного течения.

Вдруг над нами раздался оглушительный грохот. Ветер [238] загнал нас под новый, длиной более километра, железнодорожный мост, по которому в это время гроыхал вечерний скорый поезд до Лахора. Прошло минут пять, пока все 16 темно-красных вагонов с зеленым локомотивом во главе не исчезли на другом берегу.

Пока мы наблюдали за поездом и думали о том, что через несколько часов другой такой же поезд повезет нас в обратном направлении, мы совсем не обратили внимание на то, что делалось вокруг нас на воде. Внезапно лодка резко накренилась, и у самого борта перед нами неожиданно выросла рогатая голова с огромными блестящими глазами и широкой мордой. Оказывается, вокруг лодки, отфыркиваясь, купались несколько буйволиц с телятами, которых мы, вероятно, потревожили во время их вечерних водных процедур. Мы замерли — вдруг они перевернут нашу лодку, но рыбак продолжал сидеть с невозмутимым видом. Животные, кажется, его узнали и разрешили себя почесать между могуче закрученными рогами. Мы еще немного понаблюдали за купанием буйволиного семейства, но взгляд на часы заставил нас вернуться на берег, куда тем временем уже подъехал Мустафа.

В обнесенный стеной город мы въехали через сводчатую Биканерскую башню и оказались в центре главного базара. Из темной улочки, прилегающей к базару, медленно вышагивая, тянулась цепочка верблюдов. Темнело. В вечерней прохладе люди с удобством располагались прямо на улице и вели долгие беседы о своих ежедневных заботах. От лавочки к лавочке переходили облаченные в длинные свисающие рубахи и широкие свободные шаровары покупатели. Почти на всех красные фески с черными кисточками. То тут, то там мелькали белые бурки (длинный широкий халат) или паранджа, скрывающая с головы до ног молодую женщину. Поодаль тараторили не скрывающие своих лиц под покрывалами зажиточные крестьянки. Их длинные хлопчатобумажные платья привлекали наше внимание яркостью и сочностью цветов и богатством вышивки.

Дом полковника Хашими стоял прямо на базаре. В просторном дворе уже толпилось не менее 100 человек. Вероятно, это были родственники и друзья хозяина. Все ждали нашего прихода. Ужин, кажется, должен был проходить здесь же, во дворе: во всю ширину его пыльной площади установили невысокое деревянное сооружение, покрытое великолепными коврами. Огромный [239] стол, уже уставленный различными мисками и мисочками, по края наполненными пряными кушаньями, как говорится, ломился от угощения. По краям стола высились груды лепешек и стопки белых фарфоровых тарелок. Приборов на столе не было, ведь в них нет необходимости, так как есть все будут руками.

Моя супруга перед ужином изъявила желание помыть руки и привести себя в порядок. Предусмотрительный полковник Хашими предусмотрел и это: он проводил нас до пестрого палаточного занавеса в углу двора.

По очереди мы вошли в этот импровизированный туалет. На умывальнике лежало тусклое зеркало и расческа. Здесь же, на деревянной табуретке, ночной горшок, который оперативный слуга быстро поменял на чистый. Дело в том, что во всей резиденции министра Хашими нет порядочного туалета, не говоря уж о ванной комнате. Наш хозяин приказал соорудить для нас временный, но более удобный туалет с умывальником во дворе, чем то примитивное сооружение, которым пользуется его семья.

Во время визитов в пакистанские дома гости должны, как правило, долго ждать, пока их пригласят к столу. Зато потом сразу же после трапезы гости могут расходиться. В тот день такой порядок был нарушен, может, благодаря тому, что скоро отходил наш поезд. Когда мы возвратились к столу, ужин шел полным ходом. Кое-где миски уже опустошили, а вокруг стола ходил человек с кожаным бурдюком и поливал всем желающим воду на замасленные руки. В конце пиршества на столе появился красный арбуз, разрезанный на куски и обсыпанный кусочками льда.

Мы с женой предпочли отказаться, хотя арбуз и выглядел очень заманчиво. Нам уже известно, как производится здесь лед и в каких условиях он хранится. Впереди у нас оставалось еще несколько дней интересного путешествия, и нам хотелось использовать это время рационально.

Мы подошли к хозяину с просьбой разрешить нам откланяться. Но прежде чем проститься с нами, он увел мою жену в зенану, женскую половину дома, чтобы познакомить со своей женой и дочерьми. Я предполагал, что супруга министра, который несколько лет провел в Лондоне и других городах мира, может выйти к незнакомым людям сама, но этого не произошло. Обычай [240] носить пардуб) упорно сохраняется даже в семьях образованных мусульман. Впрочем, что касается образования, то даже в знатных семьях не так уж часто встретите хорошо образованную мусульманку. Моя супруга быстро возвратилась и с огорчением сообщила, что ни одна из дам не знала английского языка и во время встречи они смогли лишь обменяться несколькими персидскими словами. Возможно, некоторые из этих женщин не умели даже читать и писать...

Наконец мы распрощались с хозяином и отправились на вокзал. Нас сопровождал начальник станции, который также присутствовал на торжественном ужине. Он и полковник уверяли, что скорый поезд без нас не тронется. Пока мы не сядем в вагон, никто не посмеет якобы подать сигнал к отходу поезда. К счастью, оказалось, что поезду нас ждать не придется, так как он сам опаздывал более чем на час. Мы же, по крайней мере, имели возможность еще раз искренне поблагодарить полковника и всех остальных за заботливую организацию нашего пребывания в Бахавалпуре. Принцу Мубараку мы, однако, были обязаны больше всего и поэтому позвонили ему на прощание по телефону.

Затем к перрону подошел самый комфортабельный пакистанский экспресс «Тезгам», который поглотил нас в одном из своих кондиционированных вагонов. Раздался гудок локомотива, и бахавалпурские друзья в мгновение ока пропали в темноте тропической ночи.

Авторучка калибра 5,6

В районе Кохатского перевала, что находится на афганско-пакистанской границе, можно, правда, увидеть такую авторучку, из которой можно выстрелить не какими-то там холостыми патронами, а настоящими боевыми. Конечно, точность попадания такого мини-пистолета в виде авторучки или карандаша невелика, зато ее можно носить пристегнутой к карману пиджака, так чтобы она в случае необходимости была всегда под рукой.

Место, где такие небезопасные игрушки производят, находится высоко в горах, точнее, на пустынных склонах [241] Белых гор (Сафид кух) в Западном Пакистане. Там живут горные племена пуштунов, известные своей гордостью, силой, отвагой и живым умом. Пасут ли они скот или возделывают свои небольшие поля, всегда при них на ремне винтовка и патронташ с патронами.

Те из них, кто уходит за лучшим заработком в низинные области и в города, ищут там такую работу, при которой они могли бы проявить свое мужество и сообразительность. Встретить их можно по всей земле Пакистана в виде охранников банков и правительственных учреждений. Они стоят с винтовками в руках перед входами в здания, как будто вытесанные из камня, всегда готовые неустрашимо защищать вверенные им ценности. Состоятельные пакистанцы нанимают их в свою личную охрану, ночными сторожами своих вилл, шоферами или же расторопными слугами. В больших городах можно увидеть традиционные пуштунские шапочки на головах почти всех водителей такси, а в деревнях люди в высоких пуштунских тюрбанах управляют тракторами и тяжелой строительной техникой.

В окрестностях Пешавара пуштуны из племени африди и шинвари захватили в свои руки весь грузовой и автобусный транспорт, и здесь вы можете услышать, как о них говорят: если раньше они отбирали деньги у проезжавших через Хайберский проход насильно, то теперь это им делать легче: они просто продают билеты.

С гордыми и честными представителями племени африди я познакомился во время своих поездок по историческим местам пешаварского края. Однажды нам потребовался дешевый и быстрый транспорт, а так как до провинциальных городов и пограничных гор протянуты отличные дороги, построенные по стратегическим соображениям еще англичанами, наш выбор пал на машину. Мы нашли совсем новую черно-желтую «шкоду» с толковым водителем-пуштуном Мухаммедом. Он знал, где находится та или иная историческая достопримечательность или красивый уголок природы, и был доволен, что нашел сахиба, которому может обо всем рассказывать, и тот его понимает. В свою очередь, мы радовались, что машина у него еще совсем новая и можно было надеяться, что она в хорошем техническом состоянии. Кроме того, Мухаммед наверняка будет ее беречь и не сбросит нас в какую-нибудь бездонную пропасть.

Итак, мы решили посетить Кохат, столицу бывшего независимого княжества. Мы знали, что дорога проходила [242] через так называемые «племенные» земли пуштунов, где изготавливают самодельное стрелковое оружие, и Кохатский перевал на высоте почти тысячи метров разрешено проезжать только в дневное время. Эта горная область заселена воинственными африди из рода Адам-хель, которых английским колонизаторам никогда не удавалось подчинить. Африди, как и другие пуштунские племена, сохраняли в течение многих столетий свободу и в свои неприступные горы не впустили ни одного чужака.

Да и сегодня, по сравнению с другими жителями Пакистана, они имеют немало преимуществ, сохраняя свой независимый образ жизни. Пакистан заключил с ними договор, по которому африди обязались обеспечивать свободное передвижение людей, скота и транспорта по горной дороге, ведущей из Пешавара в Кохат, а за это правительство должно воздерживаться от вмешательства в жизнь племени. Если раньше ни один иностранец не был уверен в сохранности своей жизни в этих местах, то теперь здесь можно относительно спокойно передвигаться, правда лишь по дороге. Если кто-нибудь пожелает сойти с дороги, то должен быть готов к тому, что недоверчивый пастух-пуштун может в него выстрелить из-за соседнего скалистого утеса.

При въезде в племенную область африди нас остановили пограничники. Пакистанские солдаты проверили наши документы и спросили, не везем ли мы оружие, и, конечно, поинтересовались, куда мы едем и зачем. Наконец шлагбаум подняли, и мы еще раз обратили внимание на укрепленную на шлагбауме большую доску с надписью на английском языке: «Осторожно, вы въезжаете в племенную область. Правительство не гарантирует безопасность пассажирам, покидающим дорогу. До наступления темноты область необходимо покинуть».

Стояло прекрасное солнечное утро, и наша машина без боязни устремилась вперед, и вскоре мы уже карабкались по склонам голых каменистых вершин. Дорога с частыми поворотами вела вверх, и по ее краям появились предостерегающие знаки: «15 миль в час», то есть 24 км в час, а под знаком надпись на урду: «Ахиста» (медленно).

Мухаммед продолжает вести машину со скоростью 50 километров в час.

— Вы что, не умеете читать? — обратился я к нему с упреком. [243]

— Нет, уважаемый сахиб, не умею, — ответил он чистосердечно. — Вы не беспокойтесь, я эти места знаю. Камнепады бывают чуть подальше, но там уже построили новую дорогу. По старой ходят лишь верблюды.

Действительно, вскоре мы подъехали к перекрестку со странным дорожным знаком: обязательное направление движения для автомашин налево, для верблюдов — направо. Мы свернули налево и через несколько километров проехали мимо большой глинобитной крепости.

— Это крепость Маккесона, — сообщил Мухаммед. — Полковник Маккесон около ста лет назад был комиссаром Пешавара, а крепость приказал построить в этом месте для того, чтобы совершать вылазки против нас. Все равно ему это не помогло. Один наш человек его все-таки убил.

Тем временем мы миновали глинобитные домики, разбросанные по обе стороны дороги. Долина немного расширилась, а вокруг деревни зазеленели на полях всходы. На каменистых лужайках паслись овцы и несколько буйволиц. Все дышало спокойствием мирной жизни.

— Здесь находятся самые большие наши мастерские по производству оружия, — омрачил Мухаммед своим высказыванием наше настроение и тут же предложил: — Если хотите, покажу их вам.

Мы напомнили ему, что не имеем права сойти с дороги, но он на эти слова лишь отмахнулся:

— Ведь вы же здесь со мной. Ни один африди еще не обидел гостя своего земляка. Это мог бы сделать лишь кто-нибудь из чужого племени. Если они застрелят двух наших гостей, мы в отместку застрелим четырех. Так что можете идти спокойно.

Мы оставили на дороге машину незакрытой, со спущенными стеклами. На сиденье лежали наши фотоаппараты, которые мы по совету Мухаммеда с собой не взяли. Вокруг машины уже собралось много детей и взрослых.

— У нас не воруют,— успокоил нас водитель,— спокойно можете оставить там все, что хотите. Все вещи останутся нетронутыми.

Он повел нас по узенькой улочке к длинному приземистому сараю, который оказался своеобразным заводом по производству оружия. Правда, здесь не слышно было заводского гула станков, изнутри доносился лишь [244] скрежег напильников, свист дрелей и удары молотков. С согласия хозяина мы вошли в мастерские, расположенные в деревянном здании в просторном дворе.

Внутри помещение похоже на небольшую деревенскую слесарную мастерскую или старую кузницу, однако люди здесь делали оружие. В основном тут копируют известные европейские и американские образцы винтовок и пистолетов, но иногда изготавливают и псевдостаринные красивые образцы восточных ружей, предназначенные, пожалуй, для коллекционеров. Работа, как в настоящей мануфактуре, разделена на отдельные операции, но до настоящего времени немало пуштунов еще умеет без посторонней помощи создать оружие со всеми необходимыми деталями, как это делали в Европе оружейные мастера.

В углу чумазые кузнецы разжигали глиняный горн и готовили железные трубки для производства стволов. Во времена британского владычества, говорят, кузнецы доставали дешевый материал — пускали в ход железнодорожные рельсы. Трубки с обеих сторон просверливают, и, если полость ее получается безупречно ровной, в дело вступают мастера — они наносят внутреннюю резьбу, после чего поверхность готового ствола выравнивают напильником и шлифуют.

Токарь в высоком тюрбане делал затвор, а чуть подальше сидел на корточках слесарь и отлаживал спусковой механизм. Затем слесарь соединил спусковой механизм со стволом и передал все железные детали другому мастеру, который укреплял все части оружия в изготовленном здесь прикладе. Готовая винтовка перешла в другую часть двора для ее полной отладки другим специалистом.

Мы пришли в восторг от того, как четко было организовано производство, и все же в нашем сознании никак не укладывалась сама возможность изготовления оружия при помощи таких примитивных средств. И тем не менее это так. Почти все местные пуштуны, которые в горах не сделают и шага без винтовки и патронов, носят оружие, изготовленное в местных мастерских. Оно дешевле, чем европейские серийные изделия, легко доступно, и нет необходимости иметь на такое оружие разрешение, по крайней мере здесь, в районе расселения племени. В других местах это запрещено. Позднее, при выезде из района расселения

племени, мы оказались свидетелями того, как тщательно проверяли солдаты [245] автобус, полный вооруженных пуштунов, и задерживали тех, кто не имел разрешения на ношение оружия.

Мы поинтересовались, зачем пуштуну необходимо оружие, ведь сейчас им не грозят пришельцы.

— Пуштун должен всегда уметь защитить свою честь и честь своей семьи, — прозвучал ответ Мухаммеда.

Все пуштуны, как истинные мусульмане, ревниво оберегают своих женщин, и брат без долгих размышлений может на месте застрелить свою сестру и лучшего друга, если узнает, что между ними есть хотя бы слабый намек на недостойное поведение или измену. Правда, светским законом он будет признан убийцей, осужден, а часто и приговорен к смерти. Однако все пуштуны будут считать его настоящим героем. Мужчина обязан также применить оружие в случае похищения его жены, что еще случается довольно часто.

По дороге в Кохат наш водитель увидел своего знакомого, остановил машину и спросил его, вернул ли тот свою похищенную жену.

— Нет еще, — ответил пострадавший, — но я уже знаю, кто ее украл и где ее скрывает. Я отомщу ему.

Размышляя о типичных чертах характера пуштунa, мы вернулись на деревенскую площадь. Действительно, наш автомобиль стоял там в полной сохранности, и мы решили заглянуть еще в рядом стоящий магазинчик по продаже местного оружия. На стенах висели самые разные винтовки, ружья и автоматы, на полке лежали большие и малые пистолеты и револьверы. На особом месте были выставлены черные «авторучки» и «автокарандаши»: они безупречно гладкие и блестящие, однако раз в двадцать тяжелее, чем обычные. На конце «авторучки», там, где должно быть перо, шарик или грифель, виднеется круглое отверстие миниатюрного ствола. Ручка не заполняется чернилами — в нее вставляют патрон, по капсулю которого бьет хитроумно скрытое спусковое устройство. Мушки у такого мини-пистолета нет, да она и не требуется, так как такое оружие используется для стрельбы в упор, так что попадание стопроцентное.

Мы с трудом преодолели искушение купить такую «боевую» авторучку, и хотя она и правда стоит довольно дешево, поблагодарили за предложение и решили продолжить наше путешествие в Кохат. По дороге мы обсуждали план пакистанского правительства электрифицировать весь район расселения племени. Электрические [246] провода, протянутые сюда от новой электростанции на плотине Варсак, вероятно, будут способствовать большему приобщению свободолюбивых африди к цивилизации.

Токарные станки и дрели в здешних мастерских стали бы приводиться в действие электричеством, а не силой ног. Может быть, это приведет к тому, что здесь вместо оружия будут производить мирную продукцию, и в наш следующий визит мы увидим, как члены племени африди вместо винтовок и пистолетов трудятся над изготовлением велосипедов или кузовов для автобусов.

Заключение

Эту книгу я написал для того, чтобы поделиться с читателями своими впечатлениями, которые я накопил во время путешествий по заброшенным уголкам и малоизвестным районам Индийского субконтинента. Конечно, я не смею утверждать, что до меня никто не видел и не познал то, с чем удалось познакомиться мне. И все же я хочу заметить, что большинство районов, которые я посетил, в чешской литературе не упоминались.

Время, однако, не стоит на месте, и сегодня некоторые из тех экзотических мест, до которых я добирался с большими трудностями, стали известными туристическими центрами, и до них буквально рукой подать на самолете. Например, Кхаджурахо во время моей первой поездки в Индию было сравнительно малоизвестным местом, а сегодня без экскурсии туда не обходится ни одна иностранная туристическая группа. Взять хотя бы Удайпур, затерянный до недавнего времени на конечной станции местной железнодорожной линии, а в наши дни превратившийся в престижное место пребывания богатых скитальцев по свету. Сегодня он может гордиться своими первоклассными отелями и аэропортом. Подобные превращения несомненно произойдут и с другими историческими местами, будь это Джодхпур, Биканер или Манду.

Да и другие большие и малые города, которые мы посетили вместе с читателями этой книги, не находятся где-то на краю света. Почти все они имеют хорошее железнодорожное сообщение, а до некоторых из них из шумных мегалополисов, как говорится, всего один шаг. И все же, несмотря на то что такие места могут гордиться единственными в своем роде культурными и историческими памятниками, они все еще оставались в тени своих более энергичных соседей, которые смогли изыскать средства и обеспечить избалованных туристов комфортабельными гостиницами. [248]

В своей книге я не хотел давать лишь краткую географическую характеристику или общий обзор истории посещенных мною областей, а ставил перед собой цель показать на примере окраинных областей главное направление исторического и культурного развития индийского субконтинента в прошлом. Ведь в истории Индии культурная жизнь государства неоднократно отступала из разрушенной столицы в отдаленные провинциальные города, превращавшиеся благодаря этому в известные политические и культурные центры.

Уже давно, еще во время своих исследований по истории индо-персидской литературы, мне страстно хотелось побывать, например, в Джаунпуре, где во времена мирного правления султанов из рода Шарки было столько персидских ученых и писателей, что город получил почетное имя «Индийский Шираз». Когда же я переводил поэму Джаяси о принцессе Падумавати, то мечтал когда-нибудь посетить овеянную легендами раджпутскую крепость Читор, в которой, по преданию, жила прекрасная и отважная Падумавати.

Мои мечты сбылись в 1960—1973 годах, когда Институт востоковедения Чехословацкой Академии наук посылал меня на стажировки в Индию и Пакистан. Несмотря на то что изучение исторических и литературных источников привязывало меня к архивам, библиотекам и научным учреждениям крупнейших городов, я тем не менее находил возможность путешествовать, по крайней мере в выходные дни. Каждую свободную минуту я использовал для того, чтобы ближе познакомиться с местами, о которых я во время своих исследований читал

столько интересного. В воскресные и праздничные дни я путешествовал по следам давно забытых султанов и раджей, знакомился с пестрой стариной и повседневной жизнью когда-то славных государств и неприметных княжеств.

В бывшей Британской Индии таких княжеств и султанатов насчитывалось более 600. Некоторые из них играли значительную роль в политической жизни страны. Другие нельзя даже найти на карте, настолько они малы и незначительны, но тем не менее их история была красочна и интересна. Некоторые княжества распались еще до британского владычества, точнее, во времена Великих Моголов или же во время распада империи, усиления Маратхского государства и многочисленных [249] междоусобных войн.

Давно исчезнувшие султанаты я посетил потому, что эти земли до настоящего времени сохранили в себе нечто такое, что отличает их от других областей. Я назвал бы это «нечто» живым воспоминанием славного прошлого. Внимательный наблюдатель может почувствовать это не только при виде оригинального стиля архитектурных памятников и той атмосферы, которая окружает великолепные в прошлом княжеские резиденции, но и благодаря характерным чертам сегодняшней жизни этих мест. Большинство из описанных мною княжеств, независимо от того, называли их правителя навабом, султаном или эмиром, были мусульманскими государствами. Остальные, главным образом раджпутские княжества, оставались по крайней мере под влиянием ислама. Ислам и сегодня нельзя назвать лишь просто религией, это также социальная система, отчетливо затрагивающая различные стороны повседневной жизни, главным образом в городах. Об особенностях ислама, насквозь пропитанного философией и мистикой различных религиозных систем, на Индийском субконтиненте наш читатель знает сравнительно немного. Поэтому я решил рассказать, хотя бы в общих чертах, о некоторых интересных особенностях, свойственных исламской ортодоксии и сектантства в бывших княжествах на территории Индии и Пакистана.

Поездки по забытым султанатам дали мне более чем достаточно информации, потому что именно там до настоящего времени в ярко выраженной форме сохранились интересные обычаи, поверья и привычки, которые давно уже исчезли в более оживленных и быстрее приспособившихся к современной жизни местах. Ведь даже неискушенный турист, посетивший Пакистан или Республику Индия, сразу же обращает внимание на огромную разницу между космополитическими европеизированными районами, находившимися в прошлом под прямым управлением британской короны, и бывшими туземными княжествами. При дворах местных правителей, правда, в качестве советника жил, как правило, британский резидент, и все же эти небольшие островки в большей мере сохранили в море Британской империи свои особые краски и специфический аромат Востока.

Я осознаю, что мой рассказ страдает определенной раздробленностью. Иначе это и не могло быть, так как я не путешествовал по строго составленному плану ради самого путешествия и не ставил перед собой задачи добиться [250] каких-то значительных спортивных результатов. Просто я использовал любую возможность для коротких и дальних поездок по различным областям, с историей и архитектурными памятниками которых я хотел познакомиться поближе. При этом я пользовался любым видом транспорта, какой оказывался под рукой в тех условиях. В большинстве случаев я путешествовал один, иногда с друзьями — чехами, словаками и индийцами. Из-за того что во время своих странствий я вынужден был приспосабливаться к ограниченному временем возможностям,

случалось иногда так, что некоторые места, расположенные неподалеку друг от друга, я смог посетить с промежутком в несколько лет.

В отличие от других путешественников, я имел определенные преимущества благодаря тому, что без особого труда мог общаться с простыми людьми на хинди и урду. То, что я изучал индийскую культуру, помогло мне лучше увидеть и понять то, что другие могли не заметить. Предметом моих исследований прежде всего была история средневековой индийской культуры, на основе которой я постарался как можно подробнее изложить свои впечатления, полученные от посещения отдаленных уголков Индостана. Ведь эти места — живые свидетели величия индийской культуры, и они могут рассказать о ней больше, чем шумные современные города.

Алаев Л.Б. Послесловие

Индия махараджей, низамов и султанов уходит в прошлое. Политически ее уже давно нет — бывшие вассальные княжества британской короны вошли в состав независимых государств Индия и Пакистан, растворились в их административном делении. Но «по следам султанов и раджей» еще можно пройти, князья и их потомки, тоже имеющие княжеские титулы, сохранили по сей день не только дворцы, но и значительные богатства и немалый политический вес. До сих пор отпрыск княжеского рода, баллотирующийся в парламент, имеет большие шансы получить депутатский мандат, чем простой смертный. Остатки по-восточному роскошного княжеского образа жизни тоже еще можно увидеть.

Правда, для этого надо свернуть с проторенных туристами дорог, съехать с автострады на проселок или же выйти на маленькой железнодорожной станции, а дальше на кондиционированном роллс-ройсе (если таковой за вами пришлют) или на джипе-лэндровере (если достанете) прямо по пустыне без дорог добраться до давно покинутого или еще вполне обжитого дворца или замка.

Индия почти никогда не была единым государством. На территории, примерно соответствующей европейской части России, жили, боролись, развивали искусства и науки, блистали и тускнели, стремились достичь чего-нибудь «самого-самого» и в конце концов неизменно исчезали десятки или даже сотни султанатов, эмиратов, низаматов, навабств, владений раджей и махараджадхираджей.

Остатки княжеской Индии в виде дворцов, мечетей, гробниц, художественных традиций и сладких воспоминаний, от которых щемит сердце не одного индийца, принадлежат прошлому, но и настоящему тоже. Как народ, сравнительно недавно начавший модернизировать свою жизнь в соответствии с требованиями индустриального, научно-технического и научно-информационного века, индийцы, с одной стороны, очень ценят свои исторические традиции, а с другой — мало заботятся об их сохранении. Им, видимо, кажется, что дорогие воспоминания лучше всего сохраняются в сердцах. Ностальгия по прошлому, а вместе с ней и практические шаги по охране памятников появляются позже, когда прошлого уже не вернуть.

Отсюда большое количество запущенных, заброшенных, бесхозных дворцов, превращающихся в благородные развалины. Конечно, многие памятники в Дели, Агре, Джайпуре поддерживаются в хорошем состоянии — для туристов. Правда,

справедливости ради следует заметить, что не только для иностранных. Сами индийцы все больше посещают эти места. Поток иностранных туристов заставил «окультурить» окрестности храмов в Кхаджурахо. Сейчас вокруг них раскинулись красивые лужайки, а на сами строения навешаны [252] таблички с названиями и с объявлениями: «Охраняется государством».

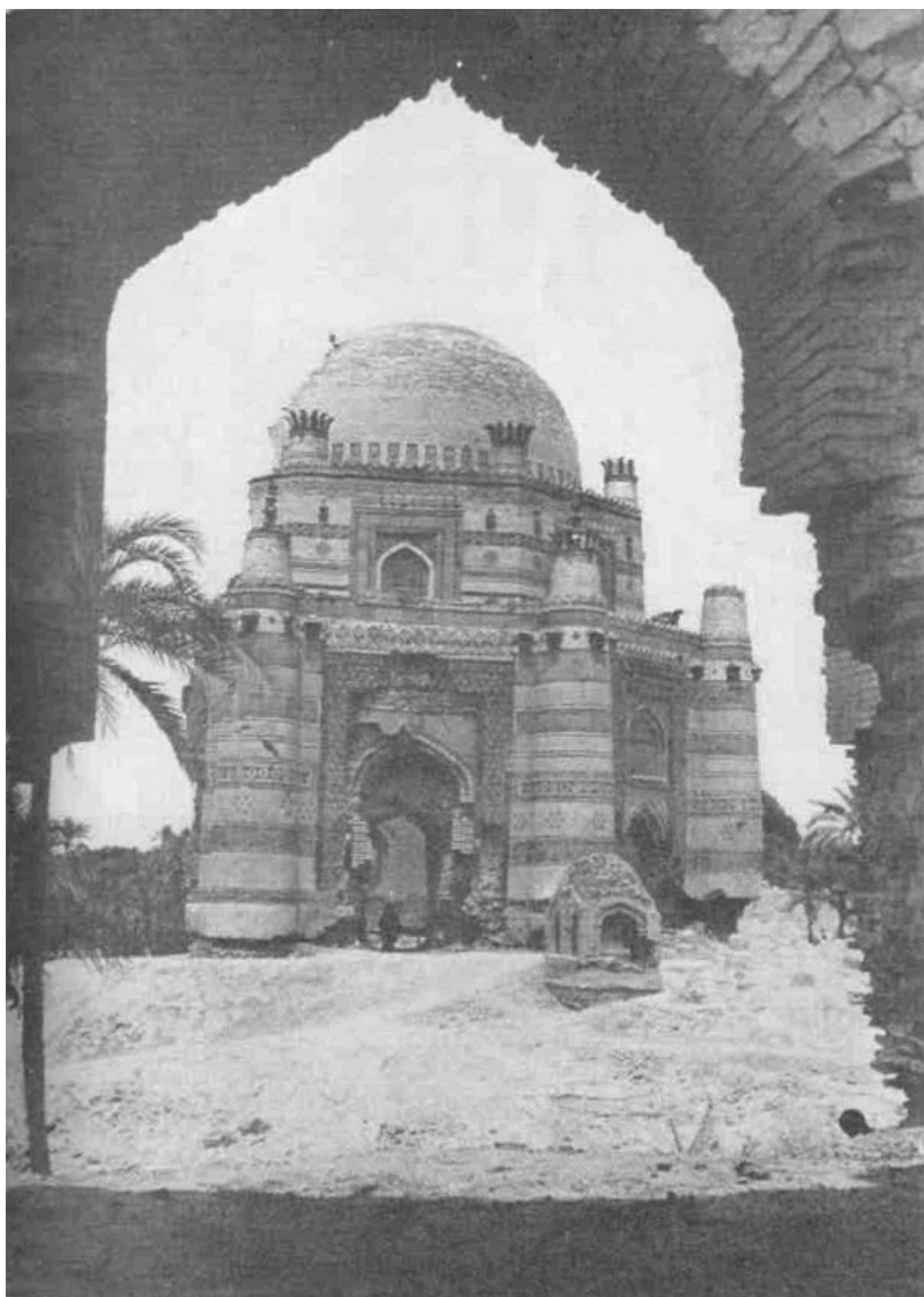
Однако стоит лишь уклониться от избитого туристского маршрута, заехать хотя бы в Лакхнау, главный город крупнейшего индийского штата Уттар-Прадеш, и вы сразу же почувствуете эту характерную смесь поэтического преклонения перед стариной с полным пренебрежением к ее сохранению и поддержанию. Равнины и плоскогорья Индии «напичканы» оригинальными памятниками архитектуры, о большинстве из которых почти ничего не известно. И сейчас каждый автотурист может обнаружить заброшенный город, полный загадок, как в свое время Маугли нашел город в джунглях. Джунглей, правда, уже нет, но загадки остались.

Известный чешский индолог Ян Марек, научный сотрудник Института востоковедения Академии наук ЧССР, вице-президент Востоковедного общества ЧССР, автор ряда книг и переводов пакистанских, иранских и индийских писателей, в этой книге знакомит советского читателя с малоизвестными сторонами жизни населения Индии и Пакистана, с отдаленными областями и городами, почти не посещаемыми европейцами. Читатель, немного знакомый с географией и историей Индии, слышавший о Великих Моголах и об обсерватории Джантар Мантар, видевший в кино «Индийскую гробницу» или «Байджу Бавру», найдет в этой книге много нового, получит более полное представление об Индии XVIII века, так же как и о том, насколько Индия XVIII века дожила до XX.

Здесь представлены впечатления от нескольких поездок автора в Индию и Пакистан. Я. Марек путешествует на разнообразных видах транспорта, с разными попутчиками, встречается с разнообразными людьми, попадает в Гималаи, Центральную Индию, пустыню Тар, широко использует также свое богатое воображение. Ему интересны люди, нравы, обычаи, быт, архитектура, отношение к литературе и многое, многое другое. Не все его оценки могут быть приняты читателем безоговорочно. Но чтобы поспорить с автором, нужно видеть столько же, сколько он, обладать столь же разносторонними знаниями и... написать другую книгу.

Фотографии [в книге – на вклейке]

Мавзолей Ман Джавинды (г. Уч)

Крестьянка

Развалины гробницы Бахавала Халима в Уче

Наваб Кальб Али-хан из Рампуру

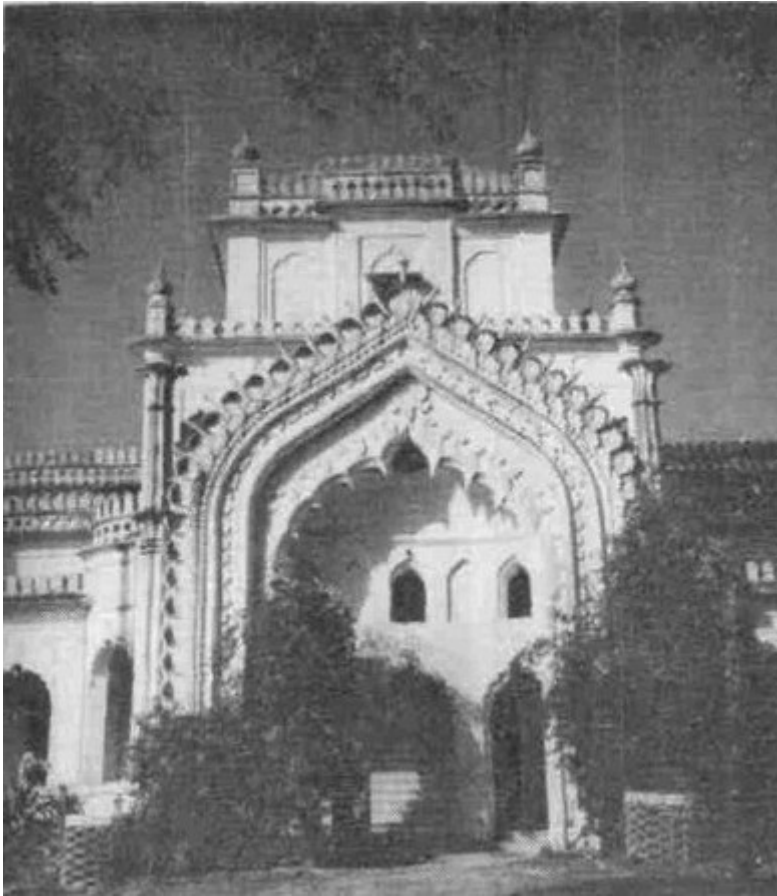
Дервиш из Уча

Надгробная плита императора Аурангзеба (г. Хулдабад)

Малая имамбара (г. Лакханау)

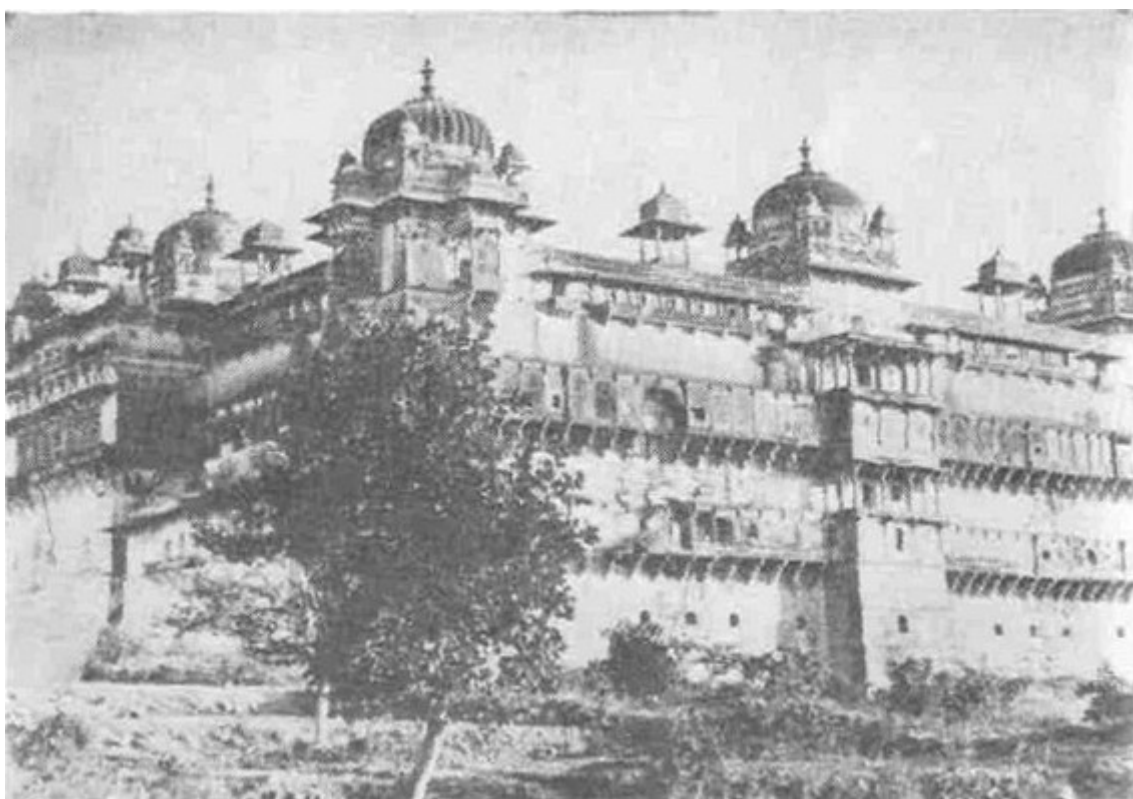
«Индийское рококо» (г. Лакханау)

Религиозный праздник шиитов

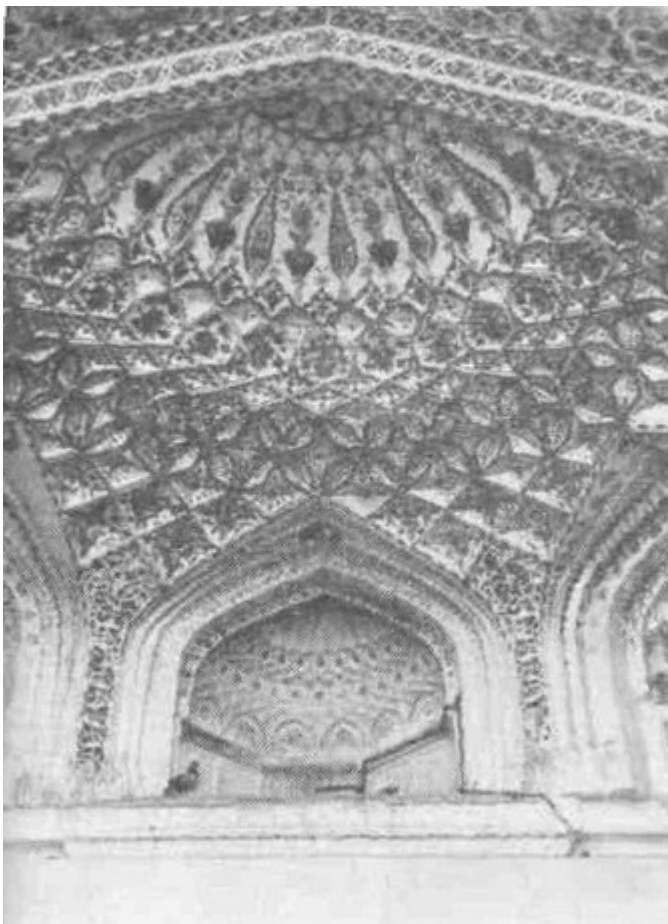

Гробница жены Саадата Али-хана (г. Уч)

Дворец Бхима Синха в Орчхе

Потолок гробницы в Уче

Роспись на доме (г. Удайпур)

Вход в мечеть в Татте

1) «Махабхарата», «Рамаяна». М., с. 385-386 (здесь и далее примеч. пер.)

2) Йоджана — древнеиндийская мера длины, равная, в зависимости от района Индии, от 7 до 25 км.

3) Агарбатти — ароматические палочки, широко используемые в Индии и Пакистане для окуривания различных, и в первую очередь религиозных, помещений.

4) Автор передает, видимо, местную легенду. По «Рамаяне», Ситу поглотила ее мать-Земля еще до смерти Рамы. Правда, боги обещали супругам соединение вновь на небесах.

5) Ибн Баттута, как показывают исследования, сгустил краски при описании обезлюдения Дели. В данном случае он выступает не столько как очевидец, сколько как передатчик мрачной легенды.

6) Парда — дословно «занавеска», «вуаль» (перс). Согласно религиозной традиции, мусульманка не имеет права показываться перед чужими людьми, и если выходит за порог своего дома, то должна быть с головы до ног закутана в бурку.

Известный чешский индолог Ян Марек в этой книге знакомит советского читателя с малоизвестными сторонами жизни населения Индии и Пакистана, с отдаленными областями и городами, почти не посещаемыми европейцами. Читатель, немного знакомый с географией и историей Индии, слышавший о Великих Моголах и об обсерватории Джантар Мантар, видевший в кино «Индийскую гробницу» или «Байджу Бавру», найдет здесь много нового, получит более полное представление об Индии XVIII века, так же как и о том, насколько Индия XVIII века дожила до XX столетия.